В. П. Словенов

ОЧЕРКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

(1981-1986)

В. П. Славенов

ОЧЕРКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

(1981-1986)

Москва
«Международные отношения»
1986

ББК 66.4(4 Фр)
С47

Рецензенты: Н. Н. БУЙНОВ, К. П. ЗУЕВА

С $\frac{0804000000-053}{003(01)-86}$ 13—87

© «Международные отношения», 1986

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I.

ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ 8

Доктрина 9
Миттеран и Рейган 12
Оттава, 1981 год 14
По пути в Версаль 18
Скудные результаты 24
Будни империалистического соперничества 29
«Семерка» в Вильямсберге 39
Ссоры и объятия 47
Атлантизация военной политики 63
Разоружение: слова и дела 82

Глава II.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТУПИКИ 105

Три меморандума 106
Париж — Бонн: альянс в альянсе 112
Козни Альбиона 118
На южном фланге 127
Компромиссы Фонтенбло. 135
Новые схватки 143

Глава III.

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ «ТЬЕРМОНДИЗМА» 152

Прожекты и обещания 153
Канкунские миражи 159
«Африканская добыча» 172
Операция «Манта» 190
Произраильский крен 202
Ливанская трагедия 221
На вторых ролях 232
От идеализма к прагматизму 243

Глава IV.

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ДИАЛОГУ 248

Против Ялты 249

Нагнетание антисоветизма 256

Признаки разрядки 265

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 290

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦИИ. 1981—1986 гг. 294

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА 298

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика Франции сегодня, как и в прошлом, вызывает значительный интерес у советских людей. И это не случайно. По отношению к нашей стране Франция выступала и в роли источника революционно-демократических идей, и в роли агрессора, была сообщницей русской контрреволюции и союзницей в борьбе с гитлеризмом, активной участницей «холодной войны» против социалистического содружества и инициатором — вместе с нами — европейской разрядки. К этому следует добавить богатейшую историю культурного взаимовлияния, разностороннее научно-техническое сотрудничество, поднявшееся до космических высот, взаимовыгодную торговлю.

Линия КПСС на всемерное развитие отношений с Францией является одной из констант советской внешней политики, и ее не поколебало ухудшение климата международных отношений в начале 80-х годов. Исходя из долгосрочных перспектив и руководствуясь трезвым политическим расчетом, КПСС и Советское правительство неоднократно подтверждали неизменность курса нашей страны на плодотворное сотрудничество с Францией, подчеркивая при этом возрастающее значение развития политического диалога между СССР и Францией в деле укрепления безопасности и доверия в Европе и во всем мире, особенно в периоды обострения международной обстановки.

Франция — высокоразвитая индустриально-аграрная страна, которая входит в пятерку ведущих капиталистических государств. Ее культурное влияние распространяется далеко за пределы Европы. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, являясь третьей в мире державой по величине ядерного потенциала, располагая опорными пунктами на разных континентах и в Мировом океане, она активно участвует в международной жизни, используя богатый внешнеполитический капитал, накопленный за годы президентства генерала Ш. де Голля, Ж. Помпиду, В. Жискар д'Эстэна.

С мая 1981 по март 1986 г. внешняя политика Франции формировалась под преимущественным воздействием концепций социалистической партии (СП) и ее лидера Франсуа Миттерана, который, став президентом республики, опирался на абсолютное большинство соцпартии в Национальном собрании. Представители Французской коммунистической партии (ФКП), выступавшей на выборах в мае — июне 1981 г. в одном блоке с социалистами, получили в созданном ими кабинете министров портфели, не имевшие отношения к внешней политике*. Как утверждал известный французский политолог Ален Дюамель, Франция продолжала жить в условиях «чисто президентского режима», когда назначения на ключевые посты в правительстве определялись лично президентом, а дипломатия и оборона оставались «заповедной зоной» прерогатив главы государства. С приходом социалистов было привнесено нечто новое в управление дипломатией. Министерство иностранных дел переименовали в министерство внешних сношений и... фактически отстранили от участия в разработке крупных внешнеполитических акций. Сам министр считал себя всего лишь «инструментом» в руках президента, который единолично «делал большую политику». Вместо одного-двух дипломатических советников, работавших своего рода связными Елисейского дворца с отелем Матиньон и Ке д'Орсэ**, как это было прежде, в канцелярии президента образовался целый штат советников: по мировым проблемам, по европейским делам, по отношениям Восток — Запад, по Африке, Латинской Америке, другим районам «третьего мира». Для дипломатии нового французского руководства стало характерным гораздо более широкое и активное использование зарубежных поездок как самого президента, так и его личных эмиссаров, зачастую подменявших профессиональных дипломатов при возникновении особо деликатных и острых ситуаций.

При этом, однако, было бы неправомерно абсолютизировать внешнеполитические прерогативы президента. И «чисто президентскому режиму» приходится считаться

---

* Летом 1984 г. коммунисты вышли из состава правительства.

** Елисейский дворец — резиденция и канцелярия президента республики, отель Матиньон — особняк, в котором размещается аппарат премьер-министра, Ке д'Орсэ — набережная Сены, где находится здание министерства внешних сношений. Используются в качестве условных обозначений указанных учреждений во французском политическом лексиконе.

с общенациональными интересами и учитывать внутренние и внешние экономические и политические факторы: реакцию самых различных кругов населения страны на внутренние дела и соотношение сил между политическими партиями и всякого рода другими «группами давления», положение страны на международной арене, узы взаимозависимости, связывающие ее с другими странами, причем не только с союзниками, ее реальные возможности и общее состояние международной обстановки. Определяющим и для внешней политики фактором была и остается классовая природа государства, от имени которого президент выступает во внешних сношениях.

На парламентских выборах 16 марта 1986 г. социалисты лишились абсолютного большинства в Национальном собрании. В деятельности Франции на международной арене наступил новый этап. На вопрос, с чем подошла она к этому этапу, и поможет ответить анализ основных акций французской дипломатии за предшествующий пятилетний период, на протяжении которого государственными делами, в том числе и внешнеполитическими, управляли представители социалистической партии во главе с президентом Миттераном.

Глава I.

ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Взяв в 1981 г. в свои руки бразды правления, социалисты поначалу действовали в области внешней политики довольно осторожно, неоднократно заявляя о намерении стоять на позициях преемственности.

Президент Миттеран на заседании Совета министров Франции 27 мая 1981 г. подчеркивал: «Преемственность государства — это главный принцип, необходимый для того, чтобы международные отношения пребывали в хорошем порядке, а это значит, что правительство сочтет за честь взять на себя и выполнять международные обязательства, под которыми Франция подписалась». Правда, при этом он заметил, что верность обязательствам «никоим образом не предопределяет будущие ориентации» французской внешней политики.

Министр внешних сношений Клод Шейсон 23 мая в телеинтервью первой программе французского телевидения заявил: «Я не верю в фундаментальные реформы в области внешней политики. Я полагаю, что внешняя политика страны должна вписываться в рамки ее нужд, ее призвания, ее прошлого, ее экономики и что, следовательно, существуют константы». Через несколько дней в другом интервью он подтвердил верность Франции своим обязательствам, а в отношении обещанных в ходе избирательной кампании перемен сказал: «Вы увидите воплощение новой политики в фактах».

И в последующем не раз тезис о преемственности подчеркивался во внешнеполитических заявлениях французских руководителей. Вместе с тем вскоре обнаруживаются все более значительные расхождения между тем, что говорится, и тем, что делается в области внешней политики.

Доктрина

Принимая в Елисейском дворце 10 июня 1981 г. дипломатический корпус, новый президент Французской Республики заявил, что Франция — за откровенный диалог со всеми государствами, что она будет твердо отстаивать свой суверенитет, свою безопасность, свои интересы и строить свою внешнюю политику на таких принципах, как «уважение независимости народов, их права определять свою судьбу и самостоятельно разрешать свои проблемы; уважение прав человека; предпочтение переговоров конфронтациям». Премьер-министр Моруа в те дни обронил даже фразу о стремлении к разрядке.

Казалось бы, открытость по всем азимутам! Однако внимательное прочтение официальных деклараций президента, премьер-министра и министра внешних сношений обнаруживает один особый азимут, на который уже с первых дней новой власти в Париже начали делать усиленный акцент.

Этот азимут — Атлантический альянс. О верности ему президент говорил как о важнейшем принципе своей внешней политики. Пьер Моруа в день своего назначения на пост премьер-министра обещал, что Франция будет «верна своим союзническим обязательствам так же, как своим принципам».

На первый взгляд чего-то особо нового в этом не было, ибо Франция, покинувшая в 1966 г. интегрированную военную структуру НАТО, продолжала оставаться в ее политических органах и свою верность обязательствам по Североатлантическому договору соблюдала при всех президентах Пятой республики. Однако до прихода Миттерана в Елисейский дворец ядром внешнеполитической концепции Парижа была формула: национальная независимость требует гарантированного обеспечения безопасности государства; основа безопасности Франции — ее собственная военная мощь в сочетании с разрядкой и сотрудничеством с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В этой формуле присутствовал и атлантический элемент, но как дополнение к независимой национальной обороне. А главное — неотъемлемой частью этой формулы был курс на разрядку.

В одном их своих первых выступлений в качестве министра внешних сношений К. Шейсон сказал: «Мы живем в условиях открытой экономики и в очень близкой связи с нашими соседями из Европейского сообщества, Атлан-

тического альянса и очень тесно — с рядом стран третьего мира». Это пока еще не концепция, но круг приоритетов намечен. Уже через месяц, после своего первого визита в Вашингтон, Шейсон без обиняков заявил: «Наша внешняя политика прежде всего основывается на Атлантическом альянсе...» Разумеется, от самостоятельности в военной области новое французское руководство отказываться не собиралось, но на первый план во внешнеполитической доктрине, в том что касается вопросов обеспечения безопасности, выходит принадлежность к НАТО. А от второго важнейшего в прошлом элемента этой доктрины, связанного с разрядкой, в Париже тогда по существу отказались. В интервью одной греческой газете в сентябре 1981 г. Миттеран утверждал, что «в настоящий момент никакой разрядки нет», хотя позднее не раз говорил о желательности разрядки и необходимости отношений дружбы и сотрудничества между Францией и СССР для укрепления безопасности в Европе и во всем мире. Как бы поясняя эти весьма противоречивые высказывания президента, Шейсон поставил развитие франко-советских отношений в зависимость от вывода советского воинского контингента из Афганистана, потом добавил сюда проблему «урегулирования» в Польше и «сверхвооруженности» СССР. Выдвижение подобных предварительных условий, само по себе недопустимое в современном международном общении, очевидно понадобилось правительству социалистов для того, чтобы попытаться оправдать свой отход от политики разрядки.

На место разрядки в основу концепции независимости и безопасности Франции социалисты попытались поставить «тьермондизм», т. е. активные связи с развивающимися странами. В этом в принципе тоже ничего нового не было: интерес к бывшим колониям Франции и другим освободившимся от колониализма странам проявляли и де Голль, и Помпиду, и Жискар д'Эстэн. Последний называл это «мондиализмом» (le mond — фр., «весь мир»). Миттеран с Шейсоном ввели термин «тьермондизм», по существу не меняя содержания политики в отношении «третьего мира». И до них Франция боролась за свои и Запада в целом позиции в «третьем мире» против сил прогресса и социализма.

Наиболее четко новая концепция была изложена в еженедельнике «Юните». Этот официальный орган социалистической партии пояснял читателям: «Независимость и безопасность (Франции. — *В. С.*) связана с принад-

лежностью к альянсу: мы являемся и остаемся полноправными членами Атлантического альянса, уважая собственные обязательства, но сохраняя нашу автономию принятия решений в области обороны... Но независимость Франции содержит другой аспект, дополняющий первый и неотделимый от него. Это — стремление нашей страны играть динамичную роль в отношении третьего мира...»

Съезд социалистической партии в Валансе (23—25 октября 1981 г.) одобрил разрыв правительства с прежней политикой, одной из «слабостей» которой объявлялось «попустительство» в отношении СССР (т. е., другими словами, отказ В. Жискар д'Эстэна от слепого равнения на США, нагнетавших напряженность, и его стремление поддерживать конструктивный политический диалог с СССР на всех уровнях). Как отмечалось в документах этого съезда, новая политика «стремится опереться на традиционные альянсы, чтобы остановить нынешний советский экспансионизм и найти путь к реальной независимости по отношению к каждой из двух сверхдержав». «Нельзя уменьшить напряженность в отношениях Восток — Запад и господство сверхдержав без оказания помощи рождению оси Север — Юг, откуда должна быть постепенно устранена эксплуатация слаборазвитых зон промышленным Севером».

В последующем сама практика показала ошибочность такого изменения концепции внешней политики, при котором из нее выпадала разрядка, т. е. то, что традиционно считалось фундаментальным элементом этой политики.

Известный французский политолог и публицист Поль-Мари де ля Горс в своей книге «Состояние джунглей», вышедшей в 1982 г., подверг уничтожающей критике «двойную политику», покоящуюся на «атлантизме и тьермондизме». В этой политике, писал он, заложено неразрешимое противоречие: «Авторитет и способность к действиям в третьем мире можно иметь лишь при независимости, находящейся вне подозрений», а такая независимость требует «особых и прямых отношений с каждой из двух великих держав» и не терпит «равнения на одну из них». На вопрос «что делать?» де ля Горс ответил без обиняков: налаживать прямые, регулярные и систематические отношения с Советским Союзом, если Франция хочет играть роль в международных отношениях и сохранить свою независимость, которая для нее — «не вопрос прошлого, а, наоборот, вопрос будущего, условие всего ее существования в политическом смысле этого слова».

По прошествии не более чем полугода пребывания в Елисейском дворце Миттеран «поправил» свою внешнеполитическую доктрину в направлении подчеркивания преемственности. «Независимость и безопасность Франции, — заявил он на заседании Совета министров в январе 1982 г., — связаны с ее способностью обеспечить контроль над своей экономикой; они покоятся на ее собственных оборонительных усилиях, на уважении альянсов и на организации коллективной безопасности в Европе». «Тьермондизм» из этой формулы выпал, но нет в ней и четкого упоминания ни о независимой национальной обороне, ни о политике разрядки. Зато элемент атлантизма здесь присутствует вполне определенно. «Разрядка в Париже похоронена, акцент сделан на военно-политическое равновесие», — констатировал в связи с этим заявлением политический обозреватель «Фигаро» Серж Маффер. А учитывая поддержку социалистами американских планов развертывания «евроракет», было ясно, о каком «равновесии» шла речь.

Миттеран и Рейган

В своих первых выступлениях в качестве президента Миттеран утверждал, что Рейган наилучшим образом воплощает стремление американцев «обрести свою гордость» и поднять престиж своей страны в мире, и обещал «работать с ним рука об руку». Вслед за ним министр внешних сношений Шейсон в конце мая 1981 г. заверил американцев, что Франция будет «достойным доверия партнером» НАТО и США. А в программной речи перед Национальным собранием 8 июля премьер-министр Пьер Моруа подчеркивал: «В первых рядах наших союзников фигурируют, естественно, Соединенные Штаты Америки и другие партнеры по Атлантическому альянсу».

Уже в конце мая в Париже объявили, что позиция социалистической партии в пользу развертывания в Западной Европе американских ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет «отныне является официальной позицией Франции». В связи с этим решением К. Шейсон заявил: «Все, что может быть сделано для подтверждения американцам, что мы будем надежными партнерами, — важно». И по крупным проблемам нет места двусмысленностям, продолжал он. Выдвинув абсурдный довод о том, будто советские ракеты СС-20 меняют «глобальное равновесие», он утверждал, что

«серьезные переговоры с русскими о восстановлении равновесия», якобы нарушенного ракетами СС-20, невозможны, если Запад окажется не в состоянии «принять ответные меры».

Американское направление вышло на первый план во внешнеполитических заботах французского правительства отнюдь не только потому, что оно оказалось перед необходимостью убеждать главного союзника в своей лояльности и доказывать ему необоснованность его опасений, вызванных участием коммунистов в правительстве Франции.

Свой первый визит в Вашингтон (4—7 июня 1981 г.) Шейсон посвятил разъяснению Р. Рейгану и государственному секретарю А. Хейгу положения во Франции после победы Миттерана на президентских выборах. Основной упор был сделан на то, чтобы информировать американских собеседников о намерении нового французского руководства хранить верность НАТО и пойти на известное свертывание отношений Франции с СССР.

Конечно, не все так уж безоблачно было во время этого первого контакта. Не могла быть обойдена молчанием финансово-экономическая политика США, обострявшая трансатлантические противоречия. Разных взглядов Париж и Вашингтон придерживались в подходе к «третьему миру». Но, как с удовлетворением отмечала близкая к СП «Матэн», «согласие по основным мировым проблемам» оказалось «сильнее расхождений», и после разъяснений Шейсона Рейган «вздохнул с облегчением».

Несмотря на заверения Шейсона, что вероятное вхождение коммунистов в состав французского правительства не представляет собой реальной угрозы ни отношениям с США, ни «секретам НАТО», Белый дом все же довольно нервно реагировал на появление представителей ФКП в Совете министров после парламентских выборов. Вице-президент Буш отправился во Францию, где в беседах с Миттераном выражал по этому поводу «озабоченность» Вашингтона. К этой встрече было приурочено заявление госдепартамента о том, что «тон и содержание» союзных отношений США с Францией потерпят урон от прихода коммунистов в правительство Франции. Тем не менее Буш вернулся в Вашингтон успокоенным и подчеркивал «весьма широкие области соглашения» между двумя странами на основе «разделяемых ими принципов и ценностей». Миттерану же выходка госдепа позволила продемонстрировать свою независимость: «Реакция амери-

канцев — это их дело. Мое дело — принимать решения. Я их принимаю, не оглядываясь на реакцию и давление. Чем более решения Франции будут свободными, тем более Францию будут уважать... Когда Рейган чихает или сердится, я не буду брать руки по швам».

Ужесточение тона Парижа отнюдь не означало какого-либо отказа от курса на привилегированные отношения с Вашингтоном. Американцев поставили на место, но суть политики сотрудничества с США в важнейших международных вопросах не стала иной. В Вашингтоне это понимали. Поэтому сочли целесообразным выступить с успокаивающим заявлением. «В отношениях между Францией и Соединенными Штатами, — сказал Буш, — нет зияющей раны... Я полагаю, что президент Миттеран не является прокоммунистом.., есть много зон общего интереса, отношения с Францией крайне важны».

Оттава, 1981 год

Регулярные встречи президентов США и Франции, премьер-министров ФРГ, Англии, Италии, Канады и Японии («большая семерка») с участием председателя Комиссии европейских сообществ (КЕС)* были задуманы с целью прежде всего поиска путей преодоления экономических противоречий, раздирающих капиталистический мир, и решения проблем, загоняющих этот мир в состояние перманентного кризиса. Конечно, политические проблемы на этих встречах тоже обсуждались, но на передний план они вышли впервые в Венеции, в 1980 г. Тенденция к все большей политизации этого форума с особой силой проявилась в Оттаве (20—21 июля 1981 г.) и стала характерной чертой всех последующих встреч «большой семерки». Причем сопровождалось это восстановлением доминирующего положения США по отношению к остальным партнерам. Администрации Рейгана удалось навязать «большой семерке» то, что можно назвать «американоцентризмом», который не был присущ ее первым встречам, а с ним и агрессивную направленность как политических, так и экономических решений.

В Оттаву французские руководители ехали с претензиями к США. Незадолго до встречи министр экономики и финансов Жак Делор подверг публичной критике фи-

* Исполнительный орган Европейского экономического сообщества.

нансовую политику Вашингтона. «Соединенные Штаты, — заявил он, — не могут требовать от своих союзников оставаться твердыми и вносить свой вклад в оборону свободного мира, в то время как сами они практикуют политику завышения банковских учетных ставок, которая ослабляет европейских союзников». Делор призвал партнеров Франции по ЕЭС попытаться вместе оказать нажим на США с тем, чтобы добиться снижения учетных ставок, завышенный уровень которых оттягивает в США капиталы из стран Западной Европы, ведет к искусственному росту курса доллара, удорожанию сырья. Делор обвинил США в том, что они фактически экспортируют инфляцию и заставляют союзников финансировать свой гигантский бюджетный дефицит, лишают средств, необходимых западноевропейцам для преодоления кризиса.

Министр внешней торговли Мишель Жобер шел дальше Делора. «Валютный беспорядок — главная причина экономического беспорядка, — утверждал он, — нынешняя полемика вокруг американских учетных ставок вторична по отношению к настоящей проблеме, которую создает сильная и долговременная инфляция, порожденная созданием международной валюты, не обеспеченной ни трудом, ни доходами. Было бы прискорбно, если бы в Оттаве европейцы довольствовались атакой на американские учетные ставки... Нужно срочно реформировать международную валютную систему...»

Накануне совещания «семерки» состоялась встреча Рейгана с Миттераном. Похвалив французского президента за поддержку линии США и НАТО по вопросу о «евроракетах», от ответного жеста — в экономических вопросах, волнующих Францию и ее партнеров по Общему рынку, — Рейган уклонился. В таком же духе проходило и совещание «семерки», на котором, по общему признанию французских комментаторов, доминировал Рейган.

В Оттаве Миттеран предложил: ограничить, насколько это возможно, беспорядочные колебания валютных курсов и снизить учетные ставки банковского кредита; положить конец протекционизму в торговле; рассмотреть проблемы торговли с социалистическими странами на основании точной оценки ее состояния и тех последствий, которые она может иметь «в стратегическом плане»; придать приоритетное значение отношениям Север — Юг, стабилизировать торговый обмен с развивающимися странами, поддерживать цены на сырье, позволяющие

этим странам осуществить свои экономические планы: добиваться равновесия сил в отношениях Восток — Запад.

Какое отражение нашла французская позиция в оттавских документах? Пространное коммюнике о совещании «семерки», подчеркнув связь экономических вопросов с «более широкими политическими ориентациями» и поставив задачу «оживления» экономики промышленно развитых стран Запада, в основном повторило все те же благие пожелания о необходимости борьбы с инфляцией и безработицей, которыми полны документы предшествующих встреч «семерки». Но, признав в довольно умеренных выражениях необходимость сокращения бюджетных дефицитов, авторы этого документа ограничились заявлением о том, что уменьшение нестабильности учетных ставок и валютных курсов «желательно», и ничего конкретного не предложили для реализации этого пожелания, ибо оно полностью отсутствовало и тогда, и позже у администрации Рейгана.

На второе место в коммюнике поставлены отношения Север — Юг. Французам удалось уговорить Рейгана, и в текст коммюнике было внесено положение о готовности «участвовать в подготовке взаимоприемлемого процесса глобальных переговоров», на которых настаивали развивающиеся страны. Но, как показала жизнь, американцы и не собирались всерьез проводить в жизнь эту «готовность». Миттеран сожалел, что в этом вопросе участники встречи не пошли так далеко, как хотела бы Франция, а ограничились минимумом. Зато не обошлось без довольно бесцеремонного заявления в адрес Советского Союза и других социалистических стран, которых империалистическая «семерка» попыталась учить, как надо помогать развивающимся странам.

Довольно много на встрече в Оттаве было сказано о борьбе с протекционизмом. Миттеран иронизировал по этому поводу, намекнув на лицемерный характер поведения некоторых партнеров, не упоминая прямо Соединенные Штаты, но всем было ясно, что речь идет именно об их стремлении покончить с протекционизмом Западной Европы и Японии, сохраняя за собой возможность делать все, что заблагорассудится.

Нет сомнения в том, что Рейгану отнюдь не всего удалось добиться от своих партнеров. Американцы хотели, например, навязать им тезис о совместных действиях «семерки» с целью «противостоять угрозе», якобы выте-

кающей из зависимости западных стран от ввоза сырья и от рынков социалистического мира. Миттеран и Шмидт наотрез отказались включить такой пассаж в итоговый документ. После встречи французский президент заявил о том, что Франция не намерена прерывать свои связи с СССР, в том числе в области поставок советского газа во Францию по газопроводу Уренгой — Западная Европа. Однако делать из этого вывод, будто бы Рейган потерпел полный провал в вопросах отношений Восток — Запад, было бы опрометчиво. В итоговом документе участники встречи записали: «Мы рассмотрели... влияние экономических отношений Восток — Запад для наших политических интересов и нашей безопасности. Мы признаем, что этим отношениям соответствует сложное равновесие интересов и рисков. Мы согласились с необходимостью консультироваться между собой и в случае необходимости координировать наши действия, чтобы гарантировать, что в области отношений Восток — Запад наша экономическая политика останется совместимой с нашими политическими целями и безопасностью». И дальше: «Мы предпримем консультации в целях улучшения нынешней системы наблюдения за торговлей с СССР стратегическими товарами и связанной с ними технологией». Конкретно речь шла об оживлении деятельности созданного в период «холодной войны» под негласным надзором НАТО Координационного комитета для многостороннего контроля за экспортом (КОКОМ), дискриминационная деятельность которого преимущественно против социалистических стран была фактически заморожена в начале 70-х годов. Оживление КОКОМ вполне укладывалось в линию «семерки», сформулированную в общеполитической декларации от 20 июля 1981 г.

Чего только в этой декларации не было! И действия СССР на международной арене, которые якобы побуждают империалистический Запад укреплять свою «оборону», и клевета на советскую помощь Афганистану, и попытки оправдать вмешательство во внутренние дела Народной Республики Кампучии. Пролив крокодиловы слезы по поводу «трагической судьбы» ливанского народа, «семерка» поставила агрессора и его жертвы на одну доску, призвав ливанцев и палестинцев к «проявлению умеренности».

Обсуждались в Оттаве и «внутрипольские дела», но от обнародования своих решений на этот счет участники встречи воздержались, надеясь, судя по некоторым наме-

кам Миттерана, на такое развитие положения в Польше, которое устроило бы Запад.

Оттава оказала влияние на французскую оценку соотношения вооруженных сил, размещенных на Западе и Востоке Европы. Рейган постарался представить дело таким образом, чтобы французский президент всерьез и окончательно уверовал в миф о нарушении Советским Союзом равновесия и необходимости «довооружения» НАТО. И явно преуспел в этом, ибо Миттеран твердо занял позицию по «евростратегическому» оружию, идентичную американской.

«Нужно обратиться к истории международных отношений, к послевоенному периоду, к лучшим временам франко-англо-американского трехстороннего сотрудничества, которое расцвело в середине 50-х годов, чтобы найти столько же гармонии между Парижем, Лондоном и Вашингтоном, во всяком случае в том, что касается отношений с Москвой». Такой вывод сделал комментатор газеты «Монд», имея в виду согласие, продемонстрированное в Оттаве членами «семерки» на проамериканской и антисоветской основе. По оценке ФКП, Рейган «встретил большое понимание у своих партнеров, полную поддержку своей международной политики, которую следует охарактеризовать как политику конфронтации, политику поворота спиной к разрядке». Коммунисты предупреждали, что ориентация на США противоречит французским интересам.

По пути в Версаль

После Оттавы Миттеран взял курс на дальнейшее улучшение всей системы франко-американских отношений. Раздражающие Вашингтон заявления и акции, к которым время от времени прибегали французские руководители, дабы подчеркнуть свою независимость и поддержать авторитет Франции в глазах «третьего мира», в конечном счете не препятствовали развитию тенденции к сближению с США. В Вашингтоне хорошо уловили эту тенденцию. Поэтому отношения с Парижем складывались совсем неплохо и, как выразилась газета «Монд», «телефон функционировал между ними постоянно».

И не только телефон. 15 октября 1981 г. американский военный министр К. Уайнбергер начал свое турне по Европе с Парижа, где шесть часов беседовал с К. Шейсоном и Ш. Эрню. Его призывы к французскому

руководству наращивать усилия в области «обороны» встретили понимание: собеседники не только согласились с необходимостью обличать «угрозу нейтрализма» в Европе, но и изъявили готовность сотрудничать в области производства вооружений.

17—19 октября французский президент во главе солидной делегации совершил визит в Соединенные Штаты, приуроченный к 200-летию совместной франко-американской победы над англичанами под Йорктауном. В итоге состоявшихся бесед Миттеран и Рейган подтвердили «сходство взглядов» на отношения Восток — Запад, особенно в вопросах ядерных вооружений. К полному удовлетворению Рейгана Миттеран заявил, что наращивание военного потенциала США является средством «восстановления» якобы утраченного равновесия в ядерных вооружениях, открывающее-де путь к переговорам с СССР. Он высказался также за выполнение «оперативных положений» сепаратной кэмп-дэвидской сделки между Израилем и садатовским Египтом под эгидой США, предпринятой в ущерб всеобъемлющему справедливому урегулированию ближневосточной проблемы. Вашингтон не скрывал своего удовлетворения и по этому поводу.

В целом итоги первого визита нового главы французского государства в США показали, что расхождения позиций по поводу концепции диалога Север — Юг явно уступали по своему политическому значению проявившемуся в ходе переговоров сходству взглядов в области отношений Восток — Запад. «В конце концов мы принадлежим к одному альянсу и одному лагерю. Наши расхождения не являются незначительными, но они по своей природе не могут поставить под вопрос наш альянс», — заявил президент Франции. Принимая 2 декабря 1981 года верительные грамоты нового американского посла Ивэна Гэлбрейта, Миттеран подчеркнул «общность идеалов» Франции и США, которая должна «вылиться во взаимодополняемость их действий».

Социалисты спешили показать себя «лучшими учениками атлантического класса». С первых дней своего пребывания на Ке д'Орсэ Шейсон подключился к кампании по обработке Испании с целью ее втягивания в НАТО. Французский министр так старался, что вызвал возмущенную реакцию лидера испанских социалистов Фелипе Гонзалеса, который обвинил его во вмешательстве во внутренние дела Испании. Это не остановило французов. Они продолжали активно вовлекать Испанию в

альянс*. 1 декабря 1981 г. Франция выступила с инициативой, предложив оживить Западноевропейский союз (ЗЕС)**, порожденный, как и НАТО, «холодной войной». Параллельно был поставлен вопрос о распространении на военно-политическую сферу полномочий Ассамблеи европейских сообществ («европарламента»).

Это не противоречило стратегическим планам Вашингтона и потому вполне устраивало его. Устраивало настолько, что его недовольство решением Франции предоставить ограниченную; скорее символическую военную помощь Никарагуа носило тоже явно символический характер и даже не омрачило встречи министра обороны Ш. Эрню с К. Уайнбергером и А. Хейгом в Вашингтоне 7 и 8 января 1982 г. По словам Эрню, американские министры ограничились выражением «озабоченности». И, как сообщала французская пресса, беседы в Вашингтоне «проходили в атмосфере сердечности», к французскому министру отнеслись там с «полным доверием». Стороны договорились о согласованности шагов в отношении Польши, а также о введении дискриминационных ограничений на передачу Советскому Союзу передовой технологии под предлогом возможности ее использования в военных целях. Решено было расширить военное сотрудничество между Францией и США. Уже в конце января 1982 г. в Вашингтон прибыла группа французских военных экспертов во главе с директором Центра прогнозов и оценок при министерстве обороны. Цель визита, как утверждала газета «Фигаро», — консультации в Пентагоне «по вопросу о советской угрозе в Европе». 23 февраля 1982 г. была устроена военизированная манифестация франко-американской дружбы по случаю визита на рейд города Канн американского военного корабля. Министр обороны Эрню заявил по этому случаю, что альянс

---

* 10 декабря 1981 г. 15 стран НАТО заключили протокол о присоединении Испании к Североатлантическому договору, 10 марта 1982 г. Совет министров Франции принял законопроект об одобрении этого протокола и через месяц Национальное собрание Франции, за исключением депутатов-коммунистов проголосовало за вступление Испании в НАТО. 30 мая 1982 г. Испания стала 16-м членом НАТО.

** Западноевропейский союз (ЗЕС) — военно-политическая группировка, созданная в 1955 г. на базе существовавшего с 1948 г. Западного союза, к основателям которого — Англии, Франции, Бельгии, Нидерландам, Люксембургу — присоединились ФРГ и Италия. Штаб-квартира ЗЕС находится в Лондоне.

между Францией и США «укрепился в испытаниях» и «сегодня силен более, чем когда-либо».

Но дружба — дружбой, а денежки врозь. Экономические противоречия продолжали регулярно давать себя знать. В совместной декларации Миттерана и канцлера ФРГ Шмидта (25 февраля 1982 г.) содержался призыв к США решить проблему высоких учетных ставок, угрожающих экономике Западной Европы. Подтвердив политическую солидарность с Рейганом, руководители двух государств вместе с тем уведомили президента США, что они будут вынуждены принимать соответствующие меры «в тех случаях, когда доллар дестабилизирует европейскую экономику». Продолжались и схватки западноевропейских монополий с американскими на рынках стали, продукции авиапромышленности. Усилился американский нажим в области торговли Восток — Запад: в январе 1982 г. на совещании США, Канады, Японии и западноевропейской «десятки» по международным торговым связям, проходившем в Кей-Бискейне (штат Флорида), администрация Рейгана размахивала жупелом «советской экономической угрозы», спекулируя на «экономическом риске», якобы грозящем тем западным странам, которые собираются участвовать в сооружении газопровода Сибирь — Западная Европа. Вашингтон не брезговал и такими средствами, как психологическая атака на собственных партнеров, пугая их «народным возмущением» в США «неблагодарностью» союзников, что может-де привести и к выводу американских войск из Европы. Пресса французской правой оппозиции открыто помогала в этом американцам. Особенно старался рупор проатлантических кругов — еженедельник «Фигаро-магазин», где окопалось немало профессиональных антисоветчиков, которые даже в социал-реформизме видят угрозу коммунизма.

19—20 января 1982 г. в Париже состоялось глубоко засекреченное заседание КОКОМ. Представители Пентагона, вновь используя методы выкручивания рук, добились от своих европейских коллег ужесточения правил экспорта в социалистические страны. Но американцам этого было мало: они стремились сорвать и заключение Францией, ФРГ и Италией контрактов на поставки уренгойского газа из СССР. Однако в этом вопросе Париж не мог поступиться своими интересами, тем более что отказ от этих контрактов подстегнул бы рост безработицы, которая и без того не только не была обуздана пос-

ле победы левых сил, но расширялась, захватывая все новые и новые отряды французских трудящихся. На этот раз атаку американцев на газовые контракты удалось отбить, но участники заседания КОКОМ единогласно решили адаптировать методы КОКОМ к эволюции обстановки, особенно в области «стратегических технологий». Списки того, что можно и чего нельзя продавать Советскому Союзу, подлежали полному пересмотру в направлении ужесточения ограничений. Таким образом, произволу чиновников КОКОМ, собирающихся еженедельно по вторникам в помещении своего постоянного секретариата в Париже на улице ля Боэси, в одном из зданий американского посольства, была по существу открыта зеленая улица, и они умножили свои старания. «До сих пор, — отмечала известный французский экономист Мари Лавинь, — КОКОМ не отвечал целям, поставленным перед ним Соединенными Штатами...» Отныне он получил возможность более эффективно препятствовать торговле Восток — Запад своими запретами на те или иные виды экспорта.

С целью «гармонизировать позиции во избежание какофонии» на предстоящей встрече «семерки» в Версале, а затем сессии совета НАТО в Бонне 12 марта 1982 г. Миттеран совершил поездку в Вашингтон. Накануне этого визита известный американский публицист Джозеф Крафт, ссылаясь на свои беседы с Миттераном, сообщил, что французский президент поддерживает идею укрепления Атлантического альянса, но выдвигает три условия: США должны перестать душить Западную Европу своими учетными ставками, Франция останется вне интегрированной военной системы НАТО, не следует проводить провокационную политику в отношении русских, ибо это чревато возрастанием напряженности.

Миттерану не удалось добиться от США каких-либо уступок по экономическим и валютно-финансовым проблемам. Однако в заявлениях для печати он всячески подчеркивал атлантическую солидарность двух стран. Перед отлетом из Вашингтона он так подытожил свои беседы с Рейганом: «Небесполезно, чтобы советские люди отдавали себе отчет в неуклонной жизнеспособности атлантизма». В Версале Франция и США, по словам Миттерана, будут «скорее помогать друг другу, чем мешать», как это и должно быть между «друзьями и союзниками».

В итоге этого однодневного визита кое-кто уверовал, что Рейган согласился не возражать против «проекта си-

бирского газопровода». Но уже 13 марта в Европу явилась внушительная американская дипломатическая миссия во главе с одним из руководителей госдепартамента Джеймсом Бакли для зондажа возможностей усиления экономического нажима Запада на Советский Союз, включая и вопрос о газе. Как бы в ответ на критику Миттераном отсутствия единой атлантической стратегии перед миссией была поставлена задача выработки общей с Бонном, Лондоном, Парижем, Римом и Брюсселем дискриминационной линии в отношении СССР в области торговли и коммерческого кредита. 15 марта Бакли прибыл в Париж, а на следующий день его принял Шейсон. Американскому эмиссару разъяснили, что Францию не устраивают экономические и финансовые санкции против СССР: существенное сокращение кредитования экспорта в СССР наказало бы скорее Западную Европу, нежели США.

По мере приближения очередной встречи «семерки» в Версале французы усиливали нажим на Соединенные Штаты в валютно-финансовых вопросах. И параллельно шла подготовка натовского совещания в верхах в Бонне, которое должно было состояться сразу же после Версаля. С 14 по 18 апреля Миттеран находился с официальным визитом в Японии, где выдвинул идею «нового международного валютного порядка». А во время визита в Данию 28—30 апреля он дал понять атлантическим союзникам, прежде всего США, что за экономические уступки в Версале может быть получена весомая политическая плата от Франции в Бонне. В подтверждение этого 17—18 мая на совете НАТО на министерском уровне в Люксембурге по французской инициативе было принято решение о том, что через год совещание министров иностранных дел стран НАТО будет проведено в Париже, где они из-за позиции Франции не заседали с 1966 г. Вашингтон ответил на этот новый шаг Франции в сторону укрепления своих связей с НАТО аплодисментами и... слухами о том, что вот-вот начнется снижение учетных ставок и понижение курса доллара. Партнеров успокаивали и одновременно добивались удорожания экспортного кредита с целью ограничить торговлю Западной Европы с Советским Союзом и другими социалистическими странами, против чего французы упорно возражали.

Скудные результаты

Встречу «семерки» в Версале было намечено провести 5—6 июня 1982 г. Готовясь к приему гостей, французские власти прибегли к временной перестройке некоторых музейных помещений во дворцах Версаля под апартаменты для гостей, конференц-залы и пресс-центры. Сами дворцы были закрыты для посетителей на целых 15 суток. Переделки и убытки обошлись французским налогоплательщикам в 70 млн. франков. Так во всяком случае утверждал весьма информированный сатирический еженедельник «Канар аншене». Пышный церемониал и грандиозные фейерверки, предусмотренные для этой встречи, могли вызвать зависть у самого Людовика XIV. Все должно было соответствовать «историческому событию», каким Миттеран и его окружение видели предстоящее совещание.

Действительно, Франция шла на него с намерением добиться от партнеров фундаментального соглашения о долгосрочной антикризисной стратегии. «Обычно совещания в верхах промышленно развитых стран — это большие горы, рождающие мышат... Но на сей раз, может быть, все будет иначе...», — выдавали надежды официального Парижа неофициальные друзья устроителей версальской встречи из еженедельника «Нувель обсерватэр». Увы, надежды не оправдались.

Прелюдией к совещанию в Версале явились визит Рейгана в Париж 2—4 июня и его встречи с Миттераном. Они обговорили отдельные моменты повестки дня совещания «семерки» и обменялись мнениями о положении в «зонах напряженности в мире», не вдаваясь в подробности. Главное было продолжить личный диалог, заметил Рейган. А Миттеран объявил пребывание американского президента в Париже «великим днем». Как дал понять журналистам А. Хейг, основным результатом парижской встречи Рейгана с Миттераном было достижение такого взаимопонимания, что идентичность целей затмила расхождения из-за выбора методов их достижения. «Взаимное доверие и большая откровенность между президентами, — утверждал Хейг, — создали отношения необычайной близости». Позднее, уже в своих мемуарах, бывший государственный секретарь США вспоминал, что Париж попросил, чтобы Вашингтон публично обязался поддержать ослабленный французский франк на рынках валютного обмена. «Наша тактика для Версаля, — писал

Хейг, — была в том, чтобы увязать эту проблему с проблемой кредитов для Советского Союза».

5 июня 1982 г. в Версале собрались президент США Рейган, президент Франции Миттеран, канцлер ФРГ Шмидт, премьер-министр Англии Тэтчер, председатель Совета министров Италии Спадолини, премьер-министр Японии Судзуки, премьер-министр Канады Трюдо, председатель Комиссии европейских сообществ (КЕС) Торн, министры иностранных дел, экономики и финансов, многочисленные советники и эксперты. Обсуждению валютно-финансовых и экономических проблем было посвящено почти все основное время, поскольку политические проблемы выносились на сессию совета НАТО в Бонне, назначенную на 9 июня. Но политические проблемы, конечно, не были обойдены молчанием и в Версале, тем более что уже накануне совещания «семерки» Израиль начал накалять обстановку у границ Ливана, а 6 июня вторгся в его пределы.

«Семерка» приняла специальное заявление по Ливану, не сказав в нем ни слова в осуждение агрессора. Выражалась лишь «озабоченность» Запада нарушением территориальной целостности, независимости и суверенитета Ливана и «взволнованность» по поводу человеческих жертв. Но причина этого, судя по заявлению, не в сионистской агрессии, а в «эскалации насилия» вообще, и не агрессор призывался к порядку, а «все стороны».

Участники встречи в Версале в принципе поддержали американскую линию на усиление военного потенциала НАТО, отложив детали до боннской сессии совета НАТО.

Но в центре внимания версальского совещания находились экономические аспекты отношений Восток — Запад. Миттеран и некоторые его западноевропейские партнеры воспротивились американскому нажиму и выступили против экономической блокады СССР. После отдельного совещания министров иностранных дел стран «семерки», состоявшегося в Версале, Шейсон утверждал, что ни о бойкоте СССР, ни о прекращении выгодных для Запада экономических связей и человеческих контактов «вопрос не стоит». Однако Франция подписалась под итоговой декларацией, предусматривавшей «усовершенствовать» экспорт «стратегических товаров» в СССР и страны Восточной Европы, в том числе путем совместной разработки национальных мер контроля. Было решено обмениваться в рамках ОЭСР информацией по всем аспектам экономических, торговых и финансовых отно-

шений с СССР и другими социалистическими странами Восточной Европы и ограничивать экспортный кредит. Эта формула по «самому главному» (согласно определению самого Рейгана) вопросу вполне удовлетворила американцев. Как заявил министр финансов США Д. Риган, теперь «за каждой страной будут следить шесть других, каждый должен будет объясняться, что он делает и почему он это делает».

В версальской декларации много общих фраз о необходимости борьбы с инфляцией и безработицей, о стремлении к упорядочению международной валютной системы, о сопротивлении протекционизму в международной торговле, об экономии и поиске альтернативных источников энергии. Есть в ней и слова о необходимости оказания помощи развивающимся странам, а глобальные переговоры о перестройке международных экономических отношений названы «важной политической целью». Но, как заметила газета «Фигаро», диалог Север — Юг оказался в Версале на положении «бедного родственника», и сам Миттеран признал, что даже по сравнению с Оттавой был сделан шаг назад.

Францию очень волновал вопрос о возможности стабилизации положения на валютных рынках. В Париже даже выдвигали идею создания специального комитета или рабочей группы для координации курсов доллара, иены и экю*. Но при обсуждении и этого вопроса в Версале все свелось в основном к общим фразам, кроме одного пункта: «Мы готовы, если будет необходимо, прибегнуть к интервенционным операциям на валютных рынках для противодействия беспорядочным ситуациям в соответствии с положениями ст. 4 Устава МВФ». Речь по сути дела шла о том, что к интервенционным операциям в целях регулирования курса доллара США, как и в прошлом, согласились прибегать лишь в исключительных случаях. Однако, как отметила газета «Эко», «суд рынка строг». Уже на следующий день после Версаля курс доллара пошел снова вверх. Следовательно, воля «семерки» прибегать к интервенционным операциям была сочтена биржевиками «слишком туманной», и курс доллара продолжал неуклонно возрастать. В августе 1982 г. за один доллар в Париже давали больше 7 франков, через год он

* Расчетная единица ЕЭС, образуемая на базе «корзины» валют стран-членов. В начале 1984 г. 1 экю приравнивался к 0,87 долл.

подорожал еще на один франк, осенью 1984 г. превысил уровень 9 франков, а весной 1985 г. стоил 10,6 франка. Только когда американцы сочли, что завышенный курс доллара начинает неблагоприятно сказываться на их экономике, они пошли на реальное сотрудничество в этом вопросе, и к началу 1986 г. доллар подешевел на 20%.

В отличие от Оттавы, Франция на этот раз даже не ставила вопрос о необходимости снижения американцами банковских учетных ставок, согласившись еще накануне встречи в Версале с тезисом о том, что администрация Рейгана не в состоянии пойти на это из-за огромного бюджетного дефицита. Поэтому-то и был сделан акцент на стабилизацию валютных рынков. «Таким образом, — констатировал журнал «Экспансьон», отражающий интересы французских деловых кругов, — на задний план была отодвинута единственная подлинная проблема этого совещания в верхах: проблема экономического спада, который расширяется, ...проблема финансового кризиса, который может вспыхнуть в любой момент».

Миттеран представил на встрече доклад на тему «Технология, занятость и экономический рост». В нем выдвигалась цель «построения новой цивилизации», в рамках которой предполагалось ликвидировать безработицу, дороговизну, нищету «третьего мира» и другие пороки капитализма путем согласованного развития мировой (читай: капиталистической) экономики на базе все той же стабилизации валютно-финансовых отношений, а главное — использование биотехнологии, микробиологии и генной инженерии, микроэлектроники и роботизации промышленности, развития новых видов энергии (геотермической, солнечной), разведки ресурсов дна океанов и космоса и т. д. Французские идеи были встречены скептически. Но «семерка» все же решила создать рабочую группу в составе представителей правительств стран-участниц, а также КЕС, которой поручили подготовить в сотрудничестве с ОЭСР конкретные предложения и представить соответствующий доклад до 31 декабря 1982 г., а выводы этого доклада рассмотреть на следующем совещании «семерки».

Скудные результаты Версаля были использованы правой оппозицией как еще один предлог для пропагандистских нападок на правительство, сопровождавшихся едкими замечаниями по поводу склонности организаторов к пышным церемониям. Но ничего своего, конструктивного оппозиция предложить была не в состоянии.

Версальская встреча оказалась столь «плодотворной», что не прошло и месяца, как главы государств и правительств Европейского сообщества, собравшиеся 28—29 июня на очередное совещание Евросовета*, начали упрекать США в неуважении к принятым обязательствам и предупредили, что если Вашингтон не скорректирует свое поведение, полезность встреч «семерки» может быть «поставлена под сомнение». Действительно, несмотря на декларацию о солидарности, экономическая политика США осталась неизменной, продолжая больно бить по интересам Западной Европы. Помимо сохранения Вашингтоном высоких учетных ставок, продолжающегося роста курса доллара и жестких протекционистских мер США в отношении продукции (сталелитейной промышленности, сельскохозяйственной и др.) стран Общего рынка американцы вопреки согласованному в Версале «осторожному подходу» к отношениям с СССР и странами Восточной Европы приняли решение ужесточить эмбарго на поставку в Советский Союз оборудования для добычи и транспортировки нефти и газа и распространить соответствующий запрет на продукцию зарубежных филиалов американских корпораций и иностранных фирм, выпускающих оборудование по американским лицензиям. Это была новая попытка нанести удар по контракту «газ — трубы», то есть прежде всего по интересам Западной Европы, для которой сибирский газ — это не только источник энергии, но и загрузка значительных производственных мощностей, обеспечение работой десятков тысяч людей, укрепление независимости от США в области энергоснабжения. Наконец, это — и важный элемент в развитии устойчивых экономических связей с социалистическим миром, а тем самым очень нужный народам Европы «кирпич в здание разрядки». Миттеран осудил «невыносимый характер» действий Вашингтона, представлявших собой, по его словам, выражение «политики господства», отвергаемой Францией.

Парижу было чем возмущаться: ведь в надежде на взаимность он пошел навстречу позиции Вашингтона не

---

* Европейский совет — учрежденная в 1974 г. по инициативе Франции своего рода политическая надстройка ЕЭС в форме совещания глав государств и правительств, проводимого три раза в год. Компетенция Евросовета выходит за рамки Римского договора, регулирующего функционирование ЕЭС: он может работать и как совет Сообщества, и как высшая ступень механизма политического сотрудничества между странами-членами.

только в Версале, но и на сессии совета НАТО в Бонне (9—10 июня 1982 г.), где в угоду США была принята весьма агрессивная политическая декларация. В день открытия этой сессии на обеде у канцлера ФРГ в честь глав делегаций Миттеран, напомнив, что «Франция не покидала атлантического военного альянса», заверил союзников: «Мы находимся в альянсе, мы в нем остаемся и хотели бы даже, чтобы он еще лучше функционировал». В свою очередь премьер-министр Моруа ратовал в Бонне за усиление военного потенциала НАТО и обвинял СССР в «нарушении равновесия» и в «поощрении пацифизма». Моруа подписался под принятой в Бонне декларацией, недвусмысленно подтвердившей притязания НАТО на вмешательство в события «в других районах мира».

На словах французский премьер-министр выступал за развитие контактов с СССР, но в упомянутой декларации «более конструктивные отношения Восток — Запад» были обусловлены «поведением» Советского Союза. В этом натовском, еще более антисоветском, чем версальская декларация, документе меры ограничения доступа стран Варшавского Договора к западной технологии оправдывались возможностью ее военного применения, подчеркивалась «необходимость» американского военного присутствия в Европе, подтверждалась «безоговорочная поддержка» линии США на переговорах с СССР по вопросам ядерных вооружений.

И, несмотря на эти внешние проявления солидарности партнеров по НАТО, весь период до следующей встречи «семерки» в Вильямсберге был отмечен острой борьбой между США, Японией и «десяткой» на самых различных направлениях.

Будни империалистического соперничества

Добившись всего, или почти всего, что они хотели, в Версале и Бонне, американцы, «ободренные успехом», усилили нажим на своих союзников, стремясь заставить их более активно включиться в «крестовый поход» против мира реального социализма. В политическом плане этот нажим и не требовал особых усилий. Французские средства массовой информации, в том числе контролируемые правительством, охотно подхватывали любые провокационные выдумки американской пропаганды, активно участвуя в шумных кампаниях, проводившихся в пользу польской контрреволюции, афганских душманов, анти-

правительственных элементов в Кампучии, всякого рода отщепенцев в Советском Союзе, Чехословакии и других социалистических странах. Особое внимание уделялось распространению страхов по поводу «советской сверхвооруженности». К этим кампаниям нередко подключались французские политики и государственные деятели. Париж демонстрировал свою готовность сотрудничать с Вашингтоном и в отправлении жандармских функций на Ближнем Востоке и в Африке. Но вот там, где затрагивались непосредственно экономические интересы, дело шло совсем не так гладко, как того хотели в Вашингтоне. Особо острая борьба разгорелась из-за уренгойского газа. Французские фирмы заключили целый ряд контрактов на поставку оборудования для газопровода Сибирь — Западная Европа: «Крезо-Луар» и «Томсон» — в конце сентября 1981 г., «Альстом-Атлантик» — в январе 1982 г. В конце января 1982 г., несмотря на усилившееся давление американцев, государственная компания «Газ де Франс» подписала соглашение о ежегодных закупках 8 млрд. *куб. м* советского газа в дополнение к уже поступавшим во Францию 4 млрд. *куб. м*. Решение Вашингтона от 18 июня 1982 г. запретить поставку для газопровода техники, производимой в западноевропейских странах по американским лицензиям, было встречено в Западной Европе как грубый диктат.

Сигнал к контратаке дал Миттеран, который 15 июня 1982 г. предупредил Вашингтон через американских журналистов, что не даст себя втянуть в экономическую войну против русских. 22 июня представитель министерства внешних сношений Франции подверг сомнению юридическую обоснованность решения США об ужесточении эмбарго. На совещании Евросовета в Брюсселе 28—29 июня было подчеркнуто, что «сохранение открытой системы мировой торговли будет серьезно скомпрометировано односторонними решениями, ...попытками осуществлять экстратерриториальную юридическую компетенцию и мерами, которые мешают реализации существующих торговых контрактов». Речь шла и здесь о контракте «газ — трубы».

Западная Европа предложила США диалог для выяснения отношений, дав понять, что готова уступить в вопросе о кредитах, сделав их более дорогими для социалистических стран. Париж, Лондон и Бонн были совсем не против внести свой вклад в стремление Вашингтона ослабить советскую экономику, но только не путем серьезного

ущемления собственных экономических интересов, в то время как американский союзник от этого практически не страдал. К тому же предложенные санкции представлялись им просто неэффективными, так как СССР был в состоянии справиться с вытекавшими из них трудностями временного характера. Так или примерно так убеждали Миттеран, Шмидт и Тэтчер президента США и его советников, уговаривая их отказаться от противодействия осуществлению планов поставки в Западную Европу сибирского газа.

Однако эти уговоры ничего не дали: американцы ввели ограничения на импорт стали из Европы, несмотря на согласие «десятки» сократить поставки в США на 10%; они ужесточили конкурентную борьбу на рынках автомобилей, текстиля, продовольствия и в то же время упорно продолжали настаивать на дискриминационных мерах в отношении поставок оборудования для сибирского газопровода. Это вызвало новую волну возмущения в странах ЕЭС. Ведь «санкции» Рейгана задели за живое и западноевропейский капитал, и связанную с ним политическую элиту. Французская газета «Матэн» подсчитала, что американское эмбарго грозит Западной Европе потерей минимум 20 млн. рабочих часов.

Напомнив, что контракт с СССР об участии в строительстве газопровода дает полную занятость в течение целого года 12 тыс. французских рабочих, техников, инженеров, профсоюз металлургов Франции 19 июля призвал правительство решительно воспротивиться американскому диктату. 22 июля французское правительство выступило с коммюнике, в котором говорилось: «Правительство уточняет, что заключенные французскими фирмами контракты о строительстве Уренгойского газопровода должны быть выполнены. Поставки, предусмотренные на 1982 г., должны, следовательно, быть осуществлены в установленные сроки. Правительство не может согласиться с односторонними мерами, принятыми 19 июня Соединенными Штатами. Оно напоминает, что такого же мнения придерживаются и его партнеры по Европейскому сообществу. Столь неподобающие меры причиняют коммерческий ущерб европейским фирмам. Кроме того, они вредят сотрудничеству между Соединенными Штатами и их союзниками». Шмидт, находившийся в этот момент в Вашингтоне, поддержал решение французского правительства. Положительно отреагировали также Лондон и Рим.

Французские газеты начали говорить о кризисе во франко-американских отношениях. «Франция — не вульгарная банановая республика, и господин Рейган грубо ошибается, думая, что он может хозяйничать в ней», — писала «Юманите», полностью одобряя «достойный ответ правительства нетерпимым притязаниям Белого дома».

Однако кризис не состоялся. Еще в начале июля в ходе дебатов в Национальном собрании Шейсон напоминал: «Каждому известно, на чьей стороне мы находимся» в споре между Востоком и Западом. «Мы находимся с теми, кто придерживается одинаковой с нами концепции человека, общества. И, таким образом, мы являемся убежденным, а потому — заслуживающим доверия, надежным партнером в Атлантическом альянсе». Своими речами Шейсон фактически подтвердил справедливость обвинений Кув де Мюрвиля, заявившего, что миттерановская Франция стала «образцом верности Вашингтону», ибо французское правительство «по любому поводу утверждает свою нерушимую приверженность Атлантическому альянсу и, говоря, увы, языком сателлита, — свою лояльность и верность Вашингтону».

В Вашингтоне это, конечно, учитывали, и на французское решение не подчиняться американскому эмбарго реагировали внешне спокойно. Вице-президент Буш 23 июля заявил: «У нас есть расхождения с союзниками, но я не из тех, кто делает из этого вывод об ухудшении наших отношений». Неудивительно поэтому, что американцы отказались отменить санкции против европейских предприятий, намеревавшихся участвовать в сооружении газопровода, а заодно отвергли компромиссные предложения ЕЭС по экспорту стали в США. Не имели успеха и переговоры министра сельского хозяйства Франции Эдит Крессон в Вашингтоне: США не хотели идти на попятную в своем наступлении на ЕЭС в области экспорта сельскохозяйственной продукции.

Имперскую политику в отношении своих западноевропейских партнеров проводили США и в области культуры. На проходившей в июне 1982 г. в Мехико конференции по вопросам культурной политики министр культуры Франции Ж. Ланг подверг резкой критике «интеллектуальный и финансовый империализм», осуществляющий «вторжение сфабрикованных образов, музыкальных полуфабрикатов, стандартизованных произведений, которые шлифуют национальную культуру» других народов. Аме-

риканцы поняли, что это камешек в их огород, но заявление Ланга осталось без последствий: продукция американского «культурного империализма» продолжала беспрепятственно наводнять французские телеэкраны и другие каналы идеологического воздействия.

Раздоры по экономическим вопросам носили в сущности тот же характер: в конце концов шли на уступки не американцы, а их партнеры, что дало основание Рейгану сделать вывод о «семейном характере» ссоры с Францией и другими странами Западной Европы и настаивать на своем, в том числе в вопросе о газопроводе, используя как приманку обещание снизить учетные ставки. И действительно, вскоре они были снижены на 1%. Хотя явление это было краткосрочным, решение американских валютных властей вызвало определенные надежды. Ну как тут было не согласиться с Рейганом, что все дело в «семейной ссоре», что и сделал Шейсон на пресс-конференции в Пекине 2 августа, сказав, что американский президент прав, ибо Франция и США действительно принадлежат к одной семье, будучи союзниками, входя в одну экономическую систему, имея одинаковые реакции на многие проблемы. Но принижать серьезность экономических противоречий с США он не стал, выразив лишь уверенность, что «семейная ссора» не должна затягиваться, так как противоречит общим интересам.

В начале августа 1982 г. была предпринята попытка предотвратить «стальную войну». Представители Сообщества достигли компромисса с администрацией Рейгана: западноевропейцам предоставлялась экспортная квота, составляющая 5,75% американского рынка стали — не 3,9%, как того хотели американцы, но и не 6,9% — такой квотой ЕЭС располагало с 1981 г.

Почти одновременно «десятка» вновь обратилась к Вашингтону с просьбой отказаться от эмбарго на оборудование для сибирского газопровода. Рейган ответил запретом на предоставление технологии и оборудования французскому филиалу американского концерна «Дрессер индастриз инкорпорейтед».

Дискриминационные меры Вашингтона вызвали волну возмущения во Франции. Правительство Франции обязало «Дрессер-Франс» в принудительном порядке поставить партию компрессоров для сибирского газопровода. Американцы упрямо стояли на своем, хотя Шейсон терпеливо уговаривал их: «Не надо, чтобы ссора в атлан-

тическом семействе вызывала непропорциональные ставкам разрушения». Он вновь заверял США, что Франция «решительно отвергает любую форму сотрудничества, которая способствовала бы непосредственно укреплению советской военной мощи». Вместе с тем он квалифицировал американскую позицию в отношении газопровода как «произвольную, незаконную и дискриминационную», дав понять, что Франция в этом вопросе отступать не намерена.

Тем не менее, как констатировала газета «Эко», Миттеран «не склонен предпринимать крупномасштабную атаку против США». Это действительно не входило в его планы, так как не вписывалось в общий курс на согласие с Вашингтоном. К тому же в Париже уже тогда, видимо, знали, что американцы, столкнувшись с упорным сопротивлением Западной Европы, продумывали вариант торга, результатом которого будет снятие эмбарго и отмена санкций в обмен на дальнейшее ужесточение ограничений экспорта в социалистические страны. Осуществимость такого варианта США зондировали на заседании КОКОМ в Париже в начале октября 1982 г., после чего Рейган в одном из выступлений приоткрыл завесу: «Если мы сможем найти лучшую совокупность ограничений, нежели санкции, мы аннулируем последние». 22 октября заместитель государственного секретаря США Л. Иглбергер созвал послов западноевропейских стран и предложил в обмен на отмену санкций согласиться с сокращением масштабов и увеличением процентных ставок кредита социалистическим странам, а также взять на себя обязательство отказаться от поставок в эти страны определенных видов технологических достижений.

В Париже это энтузиазма не вызвало, но торг начался. Франция стремилась к тому, чтобы вырисовывающийся компромисс, позволяя американскому президенту «спасти лицо» при отмене эмбарго, не потребовал слишком большой платы за это. Американцы делали вид, что им непонятно, как это Франция, которая сотрудничает с США в вопросах обороны Запада, проявляет несговорчивость, когда речь заходит об ужесточении кредитной и торговой политики в отношении социалистических стран. «Недоумевали», раздражались и... давили, запугивая энергетической зависимостью от Советского Союза и используя реальную технологическую зависимость Франции от Соединенных Штатов в области электроники, метал-

лургии, информатики, авиастроения*. Нелегко было устоять французам перед американским нажимом. Не вселяло уверенности и состояние французской экономики, топтавшейся на месте. Ни оживления роста производства и инвестиций, ни обуздания инфляции и безработицы социалистам добиться так и не удалось. Внешний государственный долг Франции к середине 1982 г. составил 34 млрд. долл., а в сентябре того же года пришлось занять еще 4 млрд. долл. у консорциума иностранных банков, в котором ведущую роль играли крупнейшие американские банки. Но в деле о газопроводе французы все же сумели выстоять: 13 ноября 1982 г. Рейган объявил об отмене эмбарго.

Упорное сопротивление американцам Париж оказывал и в вопросах, связанных с функционированием ГАТТ (Генеральное соглашение о тарифах и торговле). Проводя откровенно протекционистскую политику, Соединенные Штаты обвиняют в протекционизме Западную Европу, Японию, развивающиеся страны. При этом они стремятся взломать таможенные барьеры других стран, еще шире открыть внешние рынки для своей торговой экспансии, распространить действие ГАТТ на те области экономических обменов, которые оно до сих пор не регулировало (услуги, банковское дело, страхование, транспорт), усилить принудительные аспекты его правил, добиться выгодной для себя либерализации международной торговли.

На 38-й сессии ГАТТ 24—29 ноября 1982 г. США потребовали изменить систему субсидирования сельскохозяйственных производителей, практикуемую в ЕЭС, на что «десятка» ответила: вы делаете то же самое, конгресс уже разрешил истратить 19 млрд. долл. на такие же цели. Трансатлантическая стычка по этому вопросу окончилась поражением американцев, вынужденных отказаться от своих требований. Представители ЕЭС и развивающихся стран на этой сессии ГАТТ дали отпор и другим попыткам США поставить международную торговлю в такие рамки, которые выгодны лишь Вашингтону. Находившийся в то время с визитом в Индии Миттеран выра-

* Эти отрасли функционируют во Франции на 60% на базе американских патентов и лицензий; на американские компании, производящие компьютеры, приходится 80% французского рынка; филиалы американских компаний обеспечивают 60% производства оборудования для средств телекоммуникаций во Франции.

зил удовлетворение единством действий «десятки», которой удалось, по его мнению, создать «известный фронт коммерческого сопротивления» для противостояния господству державы более мощной, чем каждое в отдельности взятое государство Европейского сообщества.

На упомянутой сессии ГАТТ США своего не добились, но от нажима на Западную Европу отнюдь не отказались. В декабре 1982 г. Рейган направил в Бонн, Брюссель, Гаагу, Рим, Париж, Мадрид и Лондон своего нового государственного секретаря Дж. Шульца с задачей укрепить сплоченность НАТО в военно-политических вопросах и договориться об «общей торговой стратегии» против СССР.

В Париже Шульц пробыл два дня — 14 и 15 декабря. Его принимали Миттеран, Шейсон, министр обороны Эрню, министр экономики и финансов Делор. Как явствовало из заявления представителя Елисейского дворца по связям с печатью М. Возеля, сделанного накануне визита американского гостя, Шульцу должны были подтвердить, что Франция — «хороший, самый лояльный и самый надежный союзник» США, который «твердо поддерживает» размещение в Европе американских ракет средней дальности, но против увязки вопросов безопасности и экономики, поскольку Франция хочет сохранить свободу рук в отношениях Восток — Запад и «сама управлять своей внешней торговлей». Все это было сказано и самому Шульцу. И при этом добавлено: Франция расположена «обсуждать все, что может законно беспокоить наших союзников.., при условии что речь идет о действительно стратегических товарах». Французы вновь отвергли домогательства США, пытавшихся навязать Западной Европе «глобальное соглашение по вопросу об экономических обменах».

Однако некоторые политические наблюдатели в Париже пришли к выводу, что переговоры Шульца с французскими руководителями способствовали укреплению франко-американских отношений. Во всяком случае была достигнута договоренность сделать торговлю с социалистическими странами предметом систематических обсуждений между атлантическими союзниками, в том числе в ОЭСР, КОКОМ и НАТО, соответственно компетенции каждой из этих организаций, но без создания какого-либо «генерального механизма атлантического сотрудничества в области регламентации обменов Восток — Запад,

особенно в рамках НАТО». Американцы сочли эту оговорку пустой формальностью. Да, конечно, речь пойдет лишь о тех случаях, когда будет затрагиваться безопасность, заверил французов Шульц, что отнюдь не означало отказа от присущего американцам расширительного толкования понятия «стратегические товары». А в отношении «механизма» американцы считали, что можно обойтись и уже существующими. Видимо, не случайно сам Шульц назвал свои переговоры в Париже «превосходными». Он имел для этого основания. Ведь в таких серьезных вопросах, как гонка вооружений, в ходе переговоров не возникло никаких разногласий. Был найден общий язык и в оценке положения в ряде районов мира, и в отношении к политике Советского Союза. Наконец, Миттеран принял приглашение Рейгана на встречу «семерки» в Вильямсберге (штат Вирджиния) в конце мая 1983 г. Это тоже способствовало хорошему настроению Шульца, ибо до сих пор в жарких столкновениях с американцами по экономическим вопросам французы намекали на возможность неучастия Миттерана в очередном совещании руководителей семи крупнейших капиталистических стран. Причем сам президент создавал почву для таких предположений, заявляя, что «провал Версаля был уже провалом Оттавы годом раньше и будет провалом Вильямсберга в следующем году, если эти встречи в верхах останутся... пропагандистскими подмостками внутриполитического назначения» (интервью газете «Монд» 26 ноября 1982 г.).

И хотя постоянные схватки по валютно-финансовым проблемам, в борьбе за рынки на других континентах продолжались, они практически не затрагивали политическое сотрудничество, которое развивалось весьма успешно. Французские руководители в беседах с Шульцем заверили Вашингтон, что Франция не изменит взятого ею курса на укрепление Атлантического блока. В этом духе проходила и поездка министра обороны Франции Ш. Эрню в Вашингтон в январе 1983 г. Обсудив с Уайнбергером и пентагоновскими генералами вопросы франко-американского военного сотрудничества, он выразил «чувство восхищения оборонительной программой президента Рейгана» и... подверг нападкам американских епископов, отрицательно отозвавшихся об этой программе.

В феврале визит в Париж нанес вице-президент Буш, совершавший турне по западноевропейским столицам.

В одной из своих статей в газете «Монд» Мишель Татю иронически заметил по этому поводу, что Франция — «самый легкий этап» этого турне, ибо между нею и США наблюдается «полная гармония» и в вопросе о размещении американских ракет в Европе, и в деле поддержания «духа обороны» в Атлантическом альянсе. Как и следовало ожидать, во время встречи Буша с Миттераном было отмечено согласие в вопросе об американских «евроракетах», нацеленных на территорию СССР и его союзников. В Париже Буш встречался с премьер-министром Моруа, который выразил удовлетворение тем, что «франко-американские отношения развиваются под знаком альянса и дружбы». Американский вице-президент в свою очередь похвалил Францию за участие в «многонациональных силах» на Синае и в Ливане, несколько облегчавшее Соединенным Штатам бремя вмешательства в дела стран Ближнего Востока. А когда обсуждалась военно-политическая обстановка в Европе, все вообще шло как по маслу: Буш высоко оценил «обеспокоенность» Франции пресловутой «сверхвооруженностью» Советского Союза. С некоторым скрипом проходили беседы по экономическим вопросам. Шейсон, с которым американский гость тоже встречался, даже публично осудил «американскую агрессию» против европейского сельского хозяйства. Но это была частность, не расстроившая франко-американского согласия, вновь подчеркнутого в ходе визита Буша в Париж.

«Французский вальс в Вашингтоне», как едко заметила «Фигаро», раскручивался в полную силу. Министр за министром, эмиссар за эмиссаром устремлялись в США из Франции для закрепления «обретенной дружбы». Любители статистики насчитали двадцать пять таких визитов за полтора года, прошедшие после Версаля, напомнив, что за последние полтора года своего пребывания в Елисейском дворце Жискар д'Эстэн направил в Вашингтон только пятнадцать своих представителей. И если совсем еще недавно французские руководители возражали против американского лидерства в западном мире, то в марте 1983 г. в интервью газете «Вашингтон пост» Шейсон, подтвердив поддержку Францией США «по основным вопросам дипломатического и стратегического характера», призвал Вашингтон проявить столько же энергии и инициативы в вытаскивании Западной Европы из экономических трудностей и в защите ее от потенциальной «советской агрессии»,

взять на себя лидерство в восстановлении «валютного порядка», занимать жесткую позицию по «евроракетам» и не уступать давлению общественного мнения. «Штаты — самая мощная держава, — заявил Шейсон, — и если они не возьмут на себя лидерство, то я уж и не знаю, как все пойдет».

Такая позиция Франции предвещала политический успех Рейгану на предстоявшей встрече «семерки» в Вильямсберге.

«Семерка» в Вильямсберге

Подготовка к встрече «семерки» в Вильямсберге проходила на фоне незатихающей экономической войны США против западноевропейских союзников. Однако эта война велась американцами при весьма надежных политических тылах, поскольку и Франция, и другие участники Атлантического альянса не подвергали сомнению лидирующую роль в нем США, поддерживали американские планы гонки вооружений, активно участвовали в конфронтации с миром реального социализма. Задавшись целью ориентировать очередную встречу «семерки» на ужесточение борьбы против СССР и будучи заранее уверенной, что по вопросам мировой политики сколько-нибудь серьезного сопротивления американским имперским амбициям в Вильямсберге ожидать не следует, администрация Рейгана сделала все, чтобы свести на нет попытки других участников совещания добиться от США уступок в экономических вопросах. Поэтому именно эти вопросы и превалировали в трансатлантических дискуссиях в ходе подготовки очередной встречи «семерки».

В порядке подготовки к Вильямсбергу США предложили провести серию встреч на уровне министров с тем, чтобы еще раз попытаться навязать остальным участникам свои взгляды на организацию международных экономических отношений и избежать таким образом раздоров на встрече «семерки».

16 апреля 1983 г. в Вильямсберг прибыли личные представители президентов и глав правительств «семерки» для выработки повестки дня предстоящего совещания. 28—29 апреля в Париже состоялось очередное заседание КОКОМ. В эти же дни министры торговли США, Японии и стран ЕЭС совещались в Брюсселе. 29—30 апреля в Вашингтоне заседали министры финансов «семерки». 9—10 мая в Париже прошла сессия ОЭСР на уровне

министров. 11 мая на обеде, устроенном американцами в Булонском лесу, встречались министры торговли и финансов «семерки». На всех этих встречах представители США настойчиво добивались расширения ограничений на экспорт в СССР за пределы действующих списков «стратегических товаров», что вызывало сопротивление западноевропейских партнеров, особенно Франции, чьи министры отказались даже от участия в «булонском обеде». Накануне этой серии встреч Эдит Крессон, ставшая к тому времени министром внешней торговли вместо ушедшего в отставку М. Жобера, заявила, что, говоря об «уравновешивании торговли Восток — Запад», Соединенные Штаты преследуют цель «поставить русских на колени», но Франция не считает такую линию своей.

Западная Европа и Япония не хотели ограничивать свою свободу действий, считая торговлю с социалистическими и развивающимися странами необходимой для того, чтобы справиться с экономическим кризисом. Они выдвигали встречные требования к США, ведя речь прежде всего о так и не состоявшейся после версальских посулов стабилизации паритетов между долларом, экю и иеной. В апреле 1983 г. наблюдался очередной скачок курса доллара, и одновременно — рост платежного дефицита США; учетные ставки продолжали оставаться на высоком уровне.

В соответствии с решением версальского совещания группа экспертов во главе с французским дипломатом Юргенсеном подготовила доклад, подтверждавший обоснованность принципа вмешательства центральных банков для упорядочения положения на валютных рынках Запада. Однако главный экономический советник Белого дома М. Фельдштейн, выступая 27 апреля во Французском институте международных отношений, прямо дал понять, что американский центральный банк к интервенционным операциям на валютных рынках прибегать не собирается.

28 апреля посол ФРГ в Вашингтоне от имени Европейского сообщества передал в госдепартамент меморандум протеста против рейгановского законопроекта по торговле Восток — Запад. «Десятка» объявила этот законопроект, расширявший список запретов на экспорт в социалистические страны и санкций против «нарушителей», недопустимым и «противоречащим международному праву и доброму согласию между нациями».

На совещании министров финансов «семерки» в Вашингтоне американцы сделали вид, что идут на уступки.

По докладу Юргенсена было принято коммюнике двусмысленного характера, фиксирующее договоренность не о самих систематических интервенциях на валютных рынках, роль которых была признана «ограниченной», а о «более тесных консультациях». Париж расценил это как «маленький шаг в хорошем направлении», хотя министр финансов США Д. Риган предупредил, что доклад Юргенсена «не дает Соединенным Штатам никаких оснований для изменения своей политики».

В середине мая Париж стал театром больших дипломатических маневров перед Вильямсбергом. 9 мая на открытии сессии ОЭСР Миттеран выдвинул идею созыва международной валютной конференции на высшем уровне в рамках МВФ с целью создания «новой Бреттон-вудской системы». Французский президент призвал к принятию действенных мер с целью сокращения чрезмерных бюджетных дефицитов (у США он к этому времени возрос до 200 млрд. долл.), ведущих к повышению учетных ставок и тем самым сокращающих объем капиталов, свободных для инвестирования, что в свою очередь препятствовало возобновлению экономического роста. Он подчеркнул необходимость учреждения «совместного фонда базовых продуктов», призванного стабилизировать цены на сырье, в чем в немалой степени заинтересованы развивающиеся страны, высказался за ослабление тисков их задолженности и облегчение условий кредитования, предложил специальный «план срочной помощи Африке». Принятие этих предложений могло бы, по мысли Миттерана, способствовать оживлению захиревшего после Канкуна диалога Север — Юг. Более того, как считали в Париже, в этом нуждался сам капиталистический мир. «Никакое возобновление экономического роста, никакая валютная система, никакая система обменов не будут стабилизированы, если не разблокировать экономическое и финансовое положение Юга», — убеждал Миттеран американцев, японцев и других своих партнеров.

В кулуарах сессии ОЭСР инициативу Миттерана называли преждевременной. Французская правая печать высказывалась в поддержку американского тезиса о наведении порядка каждой страной в собственной экономике, прежде чем говорить о реформе валютной системы. Но бывший президент Жискар д'Эстэн в двух статьях, опубликованных в газете «Монд», поддержал идею международной валютной конференции, поставив перед нею цель возвращения к системе фиксированных паритетов. Жискар

высказался также за снижение учетных ставок в США через сокращение бюджетного дефицита. Предложения Миттерана по существу повторяли идеи Жискар д'Эстэна в области валютной политики.

Сессия ОЭСР приняла компромиссные резолюции, дав рекомендации различным группам стран, как им строить свою экономическую политику. Наиболее любопытным было решение поддержать линию Международного энергетического агентства (МЭА) на сокращение зависимости стран Запада от импорта натурального газа: косвенным образом Франция, не входящая в МЭА, ассоциировалась с политикой этой организации, функционирующей под эгидой США.

Во второй половине мая в Париж прибыли госсекретарь Шульц и министр обороны Уайнбергер. Первый встречался с Миттераном и Шейсоном, второй — с Эрню. Обсуждали они международные проблемы, в частности взаимодействие двух стран на Ближнем Востоке, но в первую очередь согласовывались вопросы, связанные с предстоящей встречей в Вильямсберге. И на этих переговорах проявилось негативное отношение Вашингтона к французской идее международной валютной конференции. Не поддержал ее и канцлер ФРГ Г. Коль, с которым Миттеран встречался в Париже в середине мая. Французские газеты предвещали, что борьбу за эту идею в Вильямсберге Миттерану придется вести в одиночку.

Французский президент попытался прибегнуть к поддержке социал-демократических правительств. 18 и 19 мая в Париже под председательством Пьера Моруа собрались Улоф Пальме (Швеция), Калеви Сорса (Финляндия), Андреас Папандреу (Греция), Мариу Соареш (Португалия) и Хабиб Тиам (председатель Национального собрания Сенегала). В принятом ими документе высказывалась поддержка французского предложения о созыве международной валютной конференции. Но какого-либо веса для администрации Рейгана этот документ, разумеется, не представлял, как не волновали Вашингтон и слухи о том, будто бы Франция может поставить в зависимость от уступчивости США в валютно-финансовых вопросах свою поддержку планов развертывания американских ракет в Западной Европе. Рейган получил официальные заверения в неизменности этой поддержки, такого рода заверения были повторены Миттераном и во время его бесед с Колем в Париже 16—17 мая. Да и из Елисейского дворца сразу же сообщили в прессу, что упомянутые слухи не

имеют под собой никаких оснований. Поэтому Вашингтон не стал корректировать свою позицию по существу, ограничившись успокоительными заявлениями в адрес Парижа. В ответ на муссируемые в печати прогнозы о том, что между США и Францией в Вильямсберге следует ожидать острой схватки, Д. Риган не без оснований заметил: «Оживленная дискуссия — может быть, но не столкновение. Франция — самый старый друг Соединенных Штатов. И французы — тоже друзья. Хозяин не дерется с гостем».

По примеру Миттерана, устроившего в Версале прямо-таки королевские торжества, Рейган открыл совещание «семерки» в музейном городке, тоже в обстановке XVIII века. Прибывающих высоких гостей везли в старинных каретах с лакеями на запятках. Их приветствовал «народ» в старомодных сюртуках и кринолинах. Маршировали солдаты в мундирах колониальных времен. Гремели салюты из древних пушек. Для туристов Вильямсберг, как и год назад Версаль, закрыли на несколько дней. Рейгану хотелось вызвать хорошее настроение у гостей, затушевать разногласия и под шумок высокопарных деклараций о приверженности идеалам мира, свободы и демократии протащить угодные США политические решения, а экономические проблемы, как это уже имело место на предшествовавших встречах «семерки», утопить в двусмысленных формулировках.

В Вильямсберге «семерка» заседала с 28 по 31 мая 1983 г. и приняла два документа: «декларацию о возобновлении экономического роста» с приложением об «усилении валютного сотрудничества в целях стабильности и экономического роста» и «декларацию о проблемах безопасности». Скажем сразу: первый из этих двух документов не представлял никакого практического интереса, ибо почти слово в слово повторял все, что уже говорилось на предыдущих встречах и осталось благими пожеланиями. Его формулировки носили столь компромиссный характер, что позволяли каждому участнику вкладывать в них свое содержание, отнюдь не совпадавшее с мнениями других. Свое содержание вкладывали в него и американцы, которые не собирались ничего менять в своей финансовой, валютной, торговой политике. Это хорошо видно на примере их отношения к вопросу о реформе международной валютной системы, что нашло свое отражение в соответствующем пункте декларации, где говорится отнюдь не о принятии французского предложения, а лишь об учете

роли, которую может сыграть валютная конференция и притом в неопределенном будущем.

Вашингтону вновь удалось отодвинуть на задний план экономические проблемы и выпятить «солидарность западного мира» перед лицом все той же мифической «советской военной угрозы», на борьбу с которой и нацеливает вторая декларация, принятая в Вильямсберге. Для Франции эта декларация имела принципиальное значение, ибо, подписав ее, Миттеран официально солидаризировался с агрессивным курсом Рейгана на международной арене. Атлантический крен Франции в военно-политических вопросах, не дав ей сколько-нибудь серьезных экономических плодов, способствовал дальнейшему ослаблению независимой позиции Франции в НАТО, в том числе по отношению к ее военной структуре.

«Декларация о проблемах безопасности» полна медоточивых заверений в том, что ее авторы стремятся «обеспечить мир», сократить вооружения «путем серьезных переговоров» с Советским Союзом и достичь «эффективных соглашений о контроле над вооружениями», с тем чтобы «уменьшить военную угрозу». Но все это, чтобы пустить пыль в глаза. Главное — нескрываемые притязания распространить сферу действия НАТО на весь мир. «Безопасность наших стран неделима и должна рассматриваться на глобальной основе», — говорится в декларации. Для Франции это означало еще большую ее привязку к глобальным амбициям США и НАТО. Участники встречи одобрили обструкционистскую линию США на переговорах с СССР об ограничении ядерных вооружений в Европе и об ограничении и сокращении стратегических вооружений, а экономические отношения между Востоком и Западом поставили в зависимость от соображений «безопасности».

И здесь, в Вильямсберге, французские представители много спорили, предлагая свои формулировки, о чем неизменно сообщали журналистам, но ведь реальное значение имеет не столько сам торг, сколько его результаты. А результат был явно в пользу не Миттерана с его экономическими инициативами, а Рейгана, которому удалось направить встречу в милитаристское русло.

Принятие «декларации о проблемах безопасности» проявило, по мнению дипломатического обозревателя газеты «Монд» Мориса Делярю, тенденцию к превращению «семерки» в «некий суператлантический институт, что-то вроде Совета Безопасности Запада, вдохновляемого

Соединенными Штатами...». «Рональд Рейган выиграл «баталию» в Вильямсберге», — торжествовала правая «Фигаро», похваливая Миттерана за то, что он подписал антисоветскую политическую декларацию. В Рейгансберге — так переименовала место встречи «семерки» не менее правая «Котидьен де Пари» — «американский президент, заручившись поддержкой участников, включая Францию, достиг практически всех своих политических и стратегических целей». «Если у нас еще есть иллюзии, пора оставить их, — сокрушался корреспондент близкой к соцпартии газеты «Матэн» Жан-Луи Арно. — Рейган при пособничестве Маргарет Тэтчер добился одобрения такого текста декларации, который является беспрецедентным для совещаний, по своему предназначению преимущественно экономических... А что получили партнеры Америки за это признание американского лидерства? По правде сказать, мало чего... Рейган смог навязать свою повестку дня и восстановить американские порядки в альянсе, тайком обогатившемся Японией». Пожалуй, лучше не скажешь.

Миттеран поспешил заявить, что разногласия с Рейганом — явление «тактического и методологического порядка, а не фундаментальное и объективное расхождение». Что же касается «обороны» Запада, то тут вообще никаких расхождений, похоже, не было, ибо сам Миттеран выражал в ходе встречи удовлетворение американской «твердостью», а по ее окончании заявил, что «декларация о проблемах безопасности» не вышла за рамки позиции самой Франции.

Свое согласие с итоговыми документами совещания в Вильямсберге французские руководители попытались обусловить рядом оговорок, но, как ядовито заметила «Котидьен де Пари», все эти «оговорки» предназначены для внутреннего потребления, ибо «никогда еще координация между французским военным механизмом и НАТО не была столь тесной», как сейчас, причем не только в Европе, но и за ее пределами, и проведение впервые после 1966 г. сессии совета НАТО в Париже сразу же после Вильямсберга было «в высшей степени символической инициативой самого Миттерана».

Так, например, французские руководители заверяли, что они против расширения сферы действия Атлантического блока на другие районы мира. Но что такое «глобальная база» безопасности стран — участниц «семерки», как не притязание на вмешательство в дела всего мира? Не

случайно политика Франции в области обороны и безопасности после встречи в Вильямсберге стала получать все более высокую оценку со стороны США и других союзников по НАТО. А что она от этого выиграла хотя бы в области экономических отношений? На этот вопрос ответил сам Миттеран. Выступая по телевидению 8 июня, он признал, что Вильямсберг не ответил на ожидания миллионов безработных в Европе, на чаяния стран «третьего мира», на надежды тех стран, которые страдают от долларовой лихорадки, завышенных учетных ставок и американского бюджетного дефицита. Да и в вопросе о международной валютной конференции «семерка» не продвинулась вперед так, как этого хотелось бы французскому президенту, к которому снова вернулись сомнения в полезности такого рода совещаний.

«Правда» в комментарии Ю. Харланова дала четкое объяснение причин этого разочарования: «Исход вильямсбергского совещания вдребезги разбил попытки определенных французских политических кругов оправдать отчетливое сползание нынешнего правительства Франции к атлантизму, его уступки Вашингтону по важнейшим вопросам европейской безопасности, по «евроракетам», раздувание антисоветской шпиономании внутри страны тем, что все это, мол, проводится с целью добиться от США смягчения их линии в экономической области». Ю. Харланов напомнил об опубликованном газетой «Матэн» (за 1 июня 1983 г.) документе, который эксперты из госдепартамента подготовили к переговорам Рейгана с Миттераном. Из этого документа явствовало, что даже американские специалисты не ожидали столь легкого согласия французского президента на принятие предложенного Рейганом проекта «декларации о проблемах безопасности». Подписание этой декларации «в конечном счете может обернуться для Франции серьезным внешнеполитическим просчетом, переходом от проводившейся десятилетиями традиционной независимой линии в международных делах к подчинению Вашингтону», — предупреждала «Правда».

Во Франции тоже отнюдь не все одобрили этот новый сдвиг в сторону атлантизма в политике социалистов. ФКП в специальном заявлении Политбюро высказала озабоченность по поводу вильямсбергской декларации по военным проблемам, справедливо усмотрев в ней и расширение Атлантического альянса на Японию, и «риск ограничения свободы действий, которую Франция обрела

в 1966 г., выйдя из интегрированного военного командования НАТО». ФКП подвергла критике поддержку «семеркой» американской позиции на переговорах с Советским Союзом при полном игнорировании советских предложений, что вело к усилению гонки вооружений с тяжелыми последствиями для мира и безопасности всех европейских государств и народов. Представитель левого крыла социалистической партии Дидье Мочан с беспокойством расценил Вильямсберг как «дебют политического и экономического равнения на США».

Не было бурных аплодисментов и справа. Бывший дипломатический советник президентов Помпиду и Жискар д'Эстэна Габриэль Робэн отмечал, что, подписавшись под вильямсбергской декларацией, Франция «решила следовать за Соединенными Штатами, которые сами не очень хорошо знают, куда они идут. Она села в поезд, не зная ни пункта его отправления, ни конечной остановки и не контролируя ни его скорости, ни направления движения». Депутаты-голлисты отмечали, что вильямсбергская декларация есть «крупная политическая уступка» Миттерана американцам.

Ссоры и объятия

В июле 1983 г. вновь вспыхнула «стальная война» между США и ЕЭС. «Самоограничение» экспорта стали из Западной Европы на заокеанский рынок не удовлетворило американские монополии. Под их давлением Рейган ввел новые протекционистские меры, предусматривавшие как ограничение на ввоз в США стали, так и повышение таможенных пошлин на нее. Западной Европе вновь пришлось снижать уровень производства стали, что больно ударило по металлургической промышленности Франции, которая к этому времени работала лишь на 54% своих производственных мощностей. Соответствующая «реорганизация» этой отрасли увеличила армию безработных во Франции. Протекционистские меры США затронули не только сталь, но также химические продукты, текстиль, обувь, одежду и т. д., всего — более 30 видов товаров, сокращение экспорта которых вело к потере Западной Европой, по разным подсчетам, 500—700 млн. долл. Поскольку переговоры по этим вопросам между ЕЭС и США в декабре 1983 г. в Брюсселе ничего не дали, 1 марта 1984 г. вступили в силу ответные ограничения ЕЭС на ряд американских товаров, экс-

портируемых в страны Общего рынка. Однако это не остановило ни американских сталелитейных магнатов, ни администрацию Рейгана: в октябре 1984 г. президент США ратифицировал протекционистский закон, ударивший и по стали, и по другим видам экспортной продукции промышленности стран Западной Европы и Японии. Вместе с партнерами по ЕЭС французское правительство вынуждено было дать согласие на расширение номенклатуры товаров, подлежащих «добровольному самоограничению». Теперь в этом списке оказались и стальные трубы, экспорт которых в США сокращался в два раза. Трансатлантическая «стальная война» приобретала бесконечный характер.

Не лучше складывалось дело и в борьбе за рынки сельскохозяйственной продукции. Длительные переговоры о смягчении противоречий в этой области неоднократно прерывались, не давая ощутимых результатов. Американский агропромышленный комплекс, обеспечивающий около 20% валового национального продукта и рабочих мест, в значительной степени ориентирован на внешние рынки. Поэтому конкурентная борьба США с ЕЭС на аграрном фронте отличалась особой остротой и ожесточенностью. Францию это затрагивало в первую очередь, ибо она — главный конкурент США в области сельскохозяйственного экспорта. «Американцы воздвигают протекционистские преграды импорту специальных сталей и объявили аграрную войну. Настало время, чтобы «десятка» проявила свою способность говорить единым образом в международных экономических делах», — заявил министр финансов Франции Жак Делор. «В ближайшие годы свободе наших наций угрожать будут не столько опасности военного порядка, сколько экономические ограничения», — поддержал его К. Шейсон. «Если Европа будет и впредь выступать разрозненными рядами перед лицом нашествия американской продукции, значит она опускает руки... Французское правительство считает себя... лояльным партнером Соединенных Штатов, но не согласно на захват ими рынков сельского хозяйства», — заверял французских фермеров Миттеран. Перед визитом в Нидерланды в феврале 1984 г. французский президент обвинил США в том, что они ведут «крайне жесткую торговую войну» против Западной Европы, которая реагирует «слишком слабо». Не пора ли прекратить хныкать и объединить усилия, призывал он партнеров по «десятке».

В то время как в Западной Европе раздавались многочисленные осуждения и призывы такого рода, экспансия американских монополий продолжала расширяться. В феврале 1984 г. появились признаки грядущей «войны» на рынке вина, товара, стоящего на первом месте во французском экспорте продовольствия. В апреле того же года США затеяли «куриную войну» против ЕЭС, и прежде всего опять же против Франции, которая является первым экспортером продуктов птицеводства в мире. В июне 1985 г. Вашингтон запродал крупную партию пшеницы Алжиру, вторгшись на еще один традиционный французский рынок.

Соединенные Штаты нацелились на установление полного контроля над производством электронно-вычислительной и информатической техники в капиталистическом мире. Главный противник — Япония, но заодно массированным атакам подвергалась и Западная Европа. Игра ведется по-крупному. Речь идет о рынке, возможный объем сделок на котором оценивается в 150 млрд. долл. Вашингтон не жалеет субсидий на поощрение экспорта продукции своих компаний, работающих в этой отрасли, делая ставку прежде всего на гигантский концерн ИБМ, занимающий господствующее положение на мировом рынке компьютеров. Причем западноевропейские страны интересуют американские компании как потенциальный рынок, а их собственные производственные мощности и научно-исследовательские центры — лишь как «укладчики кабелей». Проводя интересы американского капитала, стремящегося прибрать к рукам остающиеся относительно независимыми западноевропейские компании и сорвать попытки организации их совместного сопротивления натиску из-за океана, Вашингтон активно использует такое средство, как ужесточение натовского контроля над экспортом передовой техники из стран НАТО. Так под давлением американцев КОКОМ в начале июля 1984 г. расширил запретительные списки на экспорт товаров в социалистические страны. К работе КОКОМ стали активно подключаться военные. В декабре 1985 г. министры обороны стран НАТО на совещании в Париже договорились о сотрудничестве в обеспечении общего контроля над экспортом товаров и технологии через КОКОМ. Попытки подорвать таким образом экономический и оборонный потенциал социалистического содружества были, естественно, иллюзорными, а вот промышленности западноевропейских стран они нанесли значительный ущерб.

Нельзя сказать, чтобы французские монополии сдавали без боя свои позиции. Они не только пытаются противостоять американскому натиску, но и, если представляется возможность, теснят заокеанских конкурентов. Отвоевывают себе место «под американским солнцем» государственная нефтехимическая компания «Эльф-Акитэн», оборот которой в США благодаря покупке контрольного пакета акций фирмы «Тексас-Галф» вырос до 1 млрд. долл., «семейный» концерн Мишлена (крупнейший производитель автопокрышек), цементная фирма «Лафарж», группа «Моэтт-Эннеси», экспортирующая коньяк и шампанское... Государственная компания «Рено», открывшая филиал в США, поставила перед собой задачу довести продажу своих автомобилей американцам, включая производимые на месте «Альянс» и «Анкор» (модификации «Рено-9» и «Рено-11»), до 500 тыс. штук в год, что составит 5% американского рынка.

В сентябре 1983 г. в США отправилась делегация в составе 250 руководителей мелких и средних предприятий во главе с министром внешней торговли Эдит Крессон. Как объявили французские газеты, в задачи этого «десанта госпожи Крессон» входило убедить американцев, что Франция способна дать им «не только духи, модные платья и сыр», расширить французское присутствие на американском рынке и по возможности уменьшить дефицит торгового баланса Франции (на США приходилось в 1982 г. 25% этого дефицита). Эдит Крессон подвергла резкой критике протекционизм США, серьезно ущемляющий интересы Западной Европы. «Нельзя иметь сильный доллар и поощрять протекционизм, в противном случае торговля станет просто невозможной», — убеждала она американских собеседников.

В марте 1984 г. в США высадился второй «десант Эдит Крессон» в составе 200 представителей мелких и средних предприятий. Такого рода поездки продолжались и в последующем. Они в какой-то мере способствовали расширению франко-американских торговых связей, заключению ряда довольно крупных сделок.

Так, например, в сентябре 1984 г. европейскому консорциуму, производящему аэробусы (Франция, ФРГ, Англия и Испания), удалось заключить «контракт века» с американской авиакомпанией «Пан-Америкен», которая взяла в аренду 16, закупила 28 и запланировала заказ еще 47 самолетов указанного типа — всего на

25 млрд. франков, из которых Франция должна была получить 11—12 млрд. В данном случае проиграл «Боинг», которому предпочли более качественную и менее дорогую европейскую технику. Но и тут не все было так радужно, как преподносили в Париже. 90% запчастей для этих самолетов делают американские фирмы. Полной отдачи от сделки надо было ждать несколько лет, и проблемы дефицита французской внешней торговли она, как и другие «сказочные контракты», не решала. К тому же если проиграл «Боинг», то выиграли другие американские монополии. Дело в том, что аэробусы оснащены двигателями фирм «Пратт энд Уитни» и «Дженерал электрик», а это — четверть стоимости самолета. Если же учесть и другое американское оборудование, которым оснащены аэробусы, то получается, что 30% выручки от их продажи уплывает за океан, а остающиеся 70% делят между собой Франция, ФРГ, Великобритания и Испания.

В декабре 1985 г. французская государственная фирма СНЕКМА заключила контракт на поставку 250 реактивных двигателей для самолета «Боинг 737-300» на общую сумму 4 млрд. франков. Большие надежды в Париже связывают с ракетой «Ариадна», предназначаемой для запуска спутников и челночного космического корабля «Гермес», но здесь французов и их европейских партнеров поджидают неминуемые сложности со стороны куда более мощного и несомненно более опытного американского конкурента.

Проникновение французского капитала в США имеет и свою обратную сторону. В конце 1982 г. общая сумма вклада французских компаний в американскую экономику (в США действуют 600 французских предприятий) оценивалась в 4,7 млрд. долл., что составляет 4,6% всех иностранных инвестиций. Американский капитал во Франции представлен куда более значительно. Точных цифр нет, ибо трудно выделить долю этого капитала в инвестициях, скажем, канадских и западноевропейских компаний во Франции, но, по приблизительным подсчетам, американские капиталовложения во Франции раза в четыре превосходят французские капиталовложения в США. По данным советского исследователя Г. Воронцова, монополии США контролируют 16% промышленности Франции (20%— Англии, 30%— Бельгии и Голландии). «Могут ли сравниться французские инвестиции в Америке с американскими во Франции? Ни одна

французская транснациональная компания — даже самая крупная — не может претендовать на то, чтобы оказывать на какой-либо сектор американской экономики влияние, сравнимое с тем, каким обладают американские фирмы во Франции. Напротив, инвестиции в Соединенных Штатах такой страны, как Франция, имеют очевидное следствие. Они тесно привязывают французские компании к американской силе... Французские транснациональные группы укрепляют узы, связывающие французскую экономику с американским транснациональным порядком. Французские капиталы, инвестируемые в Соединенных Штатах, играют подчиненную роль по отношению к американским капиталам, которые идут во Францию. Как те, так и другие усиливают зависимость французской экономики. Это — не преувеличение», — утверждает французский политолог Жак Тибо в своей книге «Колонизованная Франция», вышедшей в 1980 г. Его выводы не утратили актуальности. Как отмечала газета «Котидьен де Пари», смена руководства во Франции не испугала американские монополии, которые продолжают свое проникновение во французскую экономику.

Видимо, у депутата-шираковца Мишеля Нуара были основания говорить, что «Европа соглашается на промышленный и научно-технический «Мюнхен», поскольку ее промышленность распродается американцам по кусочкам». Под «Европой» здесь подразумеваются прежде всего страны ЕЭС, включая, естественно, Францию.

Экономическая зависимость Франции от США усугубляется ее принадлежностью к валютной системе капитализма, в которой господствует доллар. О реформе этой системы в направлении ограничения роли доллара в Париже могут только мечтать. И в этой области Вашингтон не проявляет склонности следовать даже тем куцым договоренностям, которые кочуют из документа в документ совещаний «большой семерки».

«Долларовая горячка», вновь вспыхнувшая летом 1983 г., продолжала царить на валютных биржах Запада и после очередной встречи «семерки» в Лондоне, состоявшейся в июне 1984 г. Для Франции это означало новое удорожание импорта, сохранение высокого уровня инфляции, увеличение задолженности иностранным кредиторам, которая на 30 июня 1984 г. составила, по оценке министерства экономики и финансов, 54,4 млрд. долл. Если с начала 1981 года этот долг в долларовом исчислении удвоился, то во франках, подешевевших вдвое,

он вырос в четыре раза, достигнув суммы в 497,3 млрд. Соответственно и выплачивать с каждым годом надо было все больше и больше. По расчетам французских специалистов, в 1985 г. Франции предстояло выплатить своим зарубежным кредиторам 90 млрд. франков, в 1986—103,5, в 1987—116,5, в 1988—140 млрд.

Все это ложится тяжелым бременем на французскую экономику, лишая ее реальной возможности справиться с кризисными явлениями, которые приобрели затяжной, хронический характер. Если в 1982 г. прирост валового национального продукта во Франции составил почти 2%, а в США выражался отрицательной величиной — минус 2%, то в 1983 г. он упал до 0,5% против плюс 3,5% в США, а на 1984 г. показал тенденцию к нулю, тогда как в США поднялся до 5%.

Упования на то, что оживление американской экономики, осуществлявшееся с привлечением западноевропейских капиталов, потянет за собой французскую экономику, оказались напрасными. И никакого выхода из лабиринта валютных неурядиц, тормозящих экономическое развитие Франции, не появлялось, ибо причины засилья доллара оставались неизменными: курс американской администрации на гонку вооружений требовал все новых и новых сотен миллиардов долларов, именно поэтому дефицит федерального бюджета США показывал постоянную тенденцию к росту. Высокие банковские учетные ставки рассматривались в Вашингтоне как надежный способ привлечения капиталов, необходимых для финансирования этого дефицита, долларовые вклады в американских банках превратились в лучшее средство прибыльного помещения капиталов, что повысило спрос на доллары на валютных рынках, а это, естественно, вело к их удорожанию.

По данным французского министра экономики, финансов и бюджета Ж. Делора, только в течение 1983 г. в США из Европы «убежало» 150 млрд. долл. Отток капиталов в спекулятивных целях сужал инвестиционные возможности западноевропейских стран, включая Францию. Увеличение доходов от экспорта в США некоторых французских товаров с лихвой перекрывалось ростом платежей в долларах за импортируемые во Францию не только из США товары. Достаточно было доллару подорожать на 10%, и Франция теряла в экспортно-импортных операциях от 10 до 15 млрд. франков. Вполне понятно, что такое положение не могло устраивать фран-

цузских руководителей. Уже в августе 1983 г. Делор обвинил американцев в том, что они не придерживаются данных в Вильямсберге обещаний. Делор даже попытался выдвинуть идею «наказания» европейских капиталов, экспатриирующихся в Соединенные Штаты, путем принятия сдерживающих мер против их утечки, но не встретил поддержки ни у ФРГ и других партнеров по ЕЭС, ни у собственных капиталистов.

Безудержное стремление доллара вверх пугало западноевропейцев еще и по той причине, что ввиду его сверхзавышенного курса (на 32% — по оценке экономических советников Рейгана) в любой момент можно было ожидать его крушения. Резкое падение курса главной валюты капиталистического мира грозило дестабилизировать другие валюты и экономические отношения в более широком плане.

Обострение межатлантических валютно-экономических противоречий не давало оснований для особых надежд в связи с поездкой в США президента Франции, длившейся целую неделю — с 21 по 27 марта 1984г. В Вашингтоне Миттеран дважды встречался с Рейганом, выступал перед конгрессом. Он сообщил журналистам, что с президентом США, а также вице-президентом и государственным секретарем обсуждал положение в различных районах мира, но центральное место в этих беседах заняли отношения Восток — Запад, причем особо продолжительным был обмен мнениями по вопросу о передовой технологии в торговле с социалистическими странами.

Находясь в США, французский президент вновь заверил американских руководителей в неизменности курса Парижа на союз с Вашингтоном в рамках Атлантического альянса. Да, признавал он, у нас с вами есть кое-какие расхождения в оценке причин возникновения конфликтных ситуаций, но «когда речь идет о выборе на главных перекрестках судьбы, ...совершенно естественно, Соединенные Штаты и Франция находят друг друга». Вместе с тем Миттеран подчеркнул способность Франции «быть полезной и принять участие в более точном определении возврата к нормальным отношениям между Востоком и Западом» и призвал к диалогу с СССР. Однако нормализацию отношений Запада с социалистическим содружеством Миттеран рекомендовал проводить «с позиции силы».

В своих публичных выступлениях Миттеран старался

обойти все острые проблемы. Об американском протекционизме и беспорядочном «свободном плавании» курса доллара, о бюджетном дефиците США и завышенных учетных ставках, загнавших в состояние перманентного кризиса западную валютную систему, о катастрофической задолженности Западу развивающихся стран, игнорируемой Соединенными Штатами, он говорил вскользь, воздерживаясь от прямой критики. По мнению газеты «Монд», итог визита был «четко позитивным», поскольку не было инцидентов, и на американскую прессу Миттеран произвел хорошее впечатление. «Матэн» считала, что он «свою миссию выполнил». Но в Париже далеко не все разделяли столь оптимистическую оценку. Комментируя итоги этого визита, левый католический еженедельник «Темуаньяж кретьен» отмечал, что даже чиновники министерства внешних сношений оказались не в состоянии назвать хотя бы одну американскую уступку, которая могла бы рассматриваться как результат усилий президента.

В ходе переговоров в Вашингтоне обсуждались вопросы, связанные с очередной встречей «семерки» в Лондоне 7—9 июня 1984 г. В канун визита Миттерана в США газета «Фигаро» выразила мнение, что лондонская встреча интересовала Рейгана куда меньше, нежели сорокалетие высадки англо-американских войск в Нормандии, ибо празднование этой годовщины, на котором Рейгану отводилась роль чуть ли не главного действующего лица, лучше вписывалось в его избирательную кампанию по сравнению с очередной дискуссией вокруг больных вопросов капиталистической экономики. Как и перед Вильямсбергом, в мае 1984 г. состоялась серия экономических совещаний западных держав на разных уровнях и в различных составах. Вновь в центре внимания были протекционизм, неустойчивость валютных паритетов, завышенные учетные ставки и финансирование бюджетного дефицита США всем капиталистическим миром в ущерб высокоразвитым и особенно развивающимся странам, огромная задолженность последних, достигшая 700—800 млрд. долл. и чреватая кризисом банковской системы Запада. Ни один из этих вопросов опять не был решен прежде всего из-за американского обструкционизма. С тем и прибыли руководители «семерки» в Лондон.

Накануне совещания послы семи стран Латинской Америки в Лондоне (Бразилии, Аргентины, Колумбии,

Мексики, Перу, Венесуэлы и Эквадора) вручили премьер-министру Англии Тэтчер коллективное письмо своих президентов с призывом к ведущим капиталистическим державам проявить политическую волю и серьезно подойти к решению проблем, вызванных задолженностью «третьего мира». Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр обратился к участникам лондонской встречи с аналогичным посланием. В Париже отнеслись к постановке вопроса о задолженности стран «третьего мира» внимательно. Французские руководители давно пришли к убеждению, что дальнейшее ухудшение экономического положения развивающихся стран может отрицательно сказаться на промышленно развитых странах и что капиталистическому Западу надо пойти навстречу «третьему миру», дабы помешать его движению навстречу «социалистическому Востоку». Накануне лондонской встречи Ж. Делор, а на самой встрече Ф. Миттеран развивали не новые, но отражавшие насущные потребности идеи. «Единственным подлинным лекарством» от недугов капиталистической экономики они по-прежнему считали снижение банковских учетных ставок в США, без чего невозможно оздоровление валютной системы Запада и решение связанных с этим проблем. Французы предлагали комбинированные усилия МВФ и МБРР в области помощи развивающимся странам, увеличение фонда Международной ассоциации развития до 12 млрд. долл., дополнительный выпуск СДР — специальных прав заимствования МВФ* — на 15 млрд. долл. для «третьего мира», создание «мирового зернового фонда» в целях стабилизации цен и увеличения возможностей срочной помощи, ускорение ратификации соглашения о стабилизационном фонде сырьевых продуктов. Миттеран возражал против попыток США уйти от комплексного решения этих проблем, отстаивал идею единого плана долгосрочного порядка. Напомнил он и о своем предложении созвать международную валютную конференцию. Но на серьезные результаты лондонской встречи в Париже явно не надеялись. «Блажен, кто ничего не ждет», — писала «Матэн» после открытия совещания «семерки».

На совещании в Лондоне было принято несколько документов и среди них — «экономическая декларация», составленная в общих выражениях. Признав опасность

* СДР — международные расчетные и резервные средства, выполняющие некоторые функции мировых денег.

высоких учетных ставок и роста инфляции для оживления экономики капиталистического мира, авторы декларации призвали к «осторожной валютной и бюджетной политике», включая снижение учетных ставок, замедление темпов роста денежной массы и даже... сокращение — «там, где это необходимо» — бюджетных дефицитов. Под всем этим США подписались, не собираясь, как вскоре выяснилось, следовать рецептам «семерки», поскольку отнюдь не считали «необходимым» отказываться от курса на ограждение собственных своекорыстных интересов. К тому же никто на них в Лондоне особенно и не нажимал. «Да, было много разговоров о завышенных учетных ставках. Но пальцем на Соединенные Штаты Америки мы не указывали. Это не входило в нашу роль», — заявил по окончании встречи Миттеран. «Европейские страны предпочли бы более конкретные формулировки в отношении сокращения учетных ставок.., но было трудно принять текст, который мог бы стеснить правительство, ведущее избирательную кампанию», — разъяснил эту позицию Делор. В общем «богатые страны не захотели трогать Рейгана» и уехали из Лондона, «договорившись не делать ничего такого, что помешало бы его переизбранию, а он даже и не обещал снизить учетные ставки», — с сожалением констатировала отнюдь не антиамерикански настроенная правая газета «Котидьен де Пари».

Что же касается развивающихся стран, то им было обещано «увеличить поступление ресурсов, в том числе в форме помощи по государственной линии», и «работать с ними, чтобы способствовать большему притоку в эти страны частных инвестиций», дабы еще больше привязать эти страны к капиталистической системе экономики. «Семерка» прямо заявила о своем стремлении помочь им «приступить к необходимым изменениям экономической и финансовой политики с должным учетом политических и социальных трудностей». Неоколонизаторские намерения «семерки» здесь просматриваются вполне четко. В этом же духе сформулирована позиция ведущих стран Запада по проблеме долгов «третьего мира»: они увязали отсрочку их погашения с успешными действиями стран-дебиторов по улучшению собственного положения путем вышеозначенных «изменений». Миттеран признал на пресс-конференции в Лондоне, что решения «семерки» не отвечали должным образом ожиданиям развивающихся стран-дебиторов.

Отсутствие сколько-нибудь значительных результатов экономического порядка, хотя лондонская встреча и была по традиции названа «экономическим совещанием в верхах», констатировала практически вся французская пресса. Участники встречи не смогли договориться об увязке бюджетных дефицитов и уровня учетных ставок. В лондонских документах не упоминается о миттерановской конференции, призванной реформировать международную валютную систему. «Семерка» отказалась от фиксирования даты открытия нового раунда многосторонних торговых переговоров. Никакого соглашения не было достигнуто о новом увеличении ресурсов Международного агентства развития, предоставляющего беспроцентные займы наиболее бедным странам. О французском предложении создать сырьевой фонд упомянуто в «экономической декларации», но «семерка» его фактически отклонила. Отметив все эти минусы, газета деловых кругов «Эко» подвела такой итог: «Если неудача совещания в верхах измеряется числом деклараций, не имеющих отношения к крупным актуальным проблемам, можно считать, что совещание, состоявшееся с четверга по субботу в Лондоне, окончилось провалом».

Действительно, из пяти принятых в Лондоне документов четыре имели чисто политический характер и были призваны продемонстрировать стремление «семерки» к политическому сплочению вокруг Соединенных Штатов. «Форум, задуманный для сглаживания межимпериалистических противоречий в области экономики, превращают в политический механизм для выработки глобальной антисоветской стратегии Запада», — писала в дни лондонской встречи «Правда». Этим целям служила прежде всего заготовленная заранее и опубликованная до окончания совещания «декларация о демократических ценностях», в которой сделана откровенная попытка приукрасить империализм, изобразив его радетелем о благе человечества. Американцы, японцы, англичане были непрочь поиграть мускулами, как это было в Вильямсберге, но, встретив сопротивление французов, которых не устраивает растворение Западной Европы в некоем «суперальянсе» или «директории» под американским руководством, удовольствовались лицемерной трескотней о правах и свободах, уважении независимости и миролюбии.

Не менее демагогический характер носила и «декларация об отношениях Восток — Запад и контроле над

вооружениями». Одобрив американскую линию ведения переговоров с Советским Союзом с позиций «солидарности и твердости» Запада, авторы этого документа попытались преподнести себя сторонниками «широкого политического диалога и долгосрочного сотрудничества с Советским Союзом и его союзниками», не выдвинув при этом ни одного делового, отвечающего реальностям предложения, способного хотя бы затормозить гонку вооружений, источником которой сами же и являются. По инициативе Тэтчер была принята «декларация о терроризме», полная намеков на некие государства, причастные к террористическим актам, к каковым они, разумеется, не стали относить ни США, обрушившиеся на крошечную Гренаду и творящие произвол в Центральной Америке, ни Англию, не раз прибегавшую к оружию в Ольстере, ни Израиль, возводящий терроризм на уровень государственной политики, ни другие проявления именно государственного терроризма, которыми славится «свободный мир». «Видимо, решили, если уж фальшивить, то по-крупному», — заметили по этому поводу в Москве. В заявлении председателя лондонской встречи по поводу ирано-иракского конфликта словесами о необходимости мирного урегулирования «семерка» постаралась прикрыть свои притязания на право вмешательства в дела стран района Персидского залива.

Одним словом, по всем статьям получалось так, что в Лондоне перед миром предстали этакий «Белоснежка Рейган и шесть гномов», иронизировала газета «Эко». Но за миротворческой риторикой явственно просматривалась линия на поддержание международной напряженности, на первое место снова был выдвинут принцип опоры на силу. И «декларация о демократических ценностях» была всего лишь перелицовкой авантюристической концепции «крестового похода» против Советского Союза, очередной попыткой перенести идеологическое противоборство в сферу межгосударственных отношений. Пропагандистский камуфляж, к которому прибегли в Лондоне, был на руку самому агрессивному из участников совещания, нуждавшемуся в единодушной поддержке европейских «демократов» для борьбы с соперниками из демократической партии США на президентских выборах. Но более глубокая подоплека миротворческой демагогии, господствовавшей на встрече в Лондоне, состояла в необходимости замаскировать установки, противоречащие интересам разрядки, разоружения, мира.

Столь же отрицательную оценку получила в Москве и «экономическая декларация» лондонской встречи, в которой затушеваны острые социально-экономические проблемы, присущие капиталистической системе, те, что особо волнуют развивающиеся страны. На всех решениях, принятых в Лондоне, если вообще можно говорить всерьез о каких-то решениях, а не о чисто декларативных словесных упражнениях, лежала печать массивного нажима Вашингтона на своих партнеров, его безудержного стремления преодолевать свои собственные трудности за счет других. Это получило подтверждение почти на следующий день после лондонской встречи, когда доллар вновь полез вверх, снова вспыхнула «стальная война» между США и Западной Европой, американцы усилили нажим на союзников в КОКОМ и добились расширения запретов на экспорт в страны социалистического содружества...

Схватки на фронтах межимпериалистического соперничества, давление ближайших партнеров-конкурентов сыграли немалую роль в том, что экономическая и социальная политика французского правительства все более втягивалась в русло «жесткой экономии» в ущерб трудящимся, несмотря на осуждение такой политики Компартией и демократическими профсоюзами. Летом 1984 г. Миттеран сформировал новый кабинет во главе с Лораном Фабиусом, решительным сторонником и проводником именно такого курса. Коммунисты отказали ему в своей поддержке и не вошли в новое правительство, внешнеполитическая линия которого приобретала все более проамериканскую окраску, что вызвало тревогу даже кое у кого в самой социалистической партии. Министр национального образования Жан-Пьер Шевенман на национальном конвенте СП в декабре 1984 г. осудил «полную субординацию» Парижа «по отношению к политико-экономическим решениям, которые принимаются в Вашингтоне на основании чисто американских соображений».

И действительно, дело дошло до того, что переизбрание Рейгана 6 ноября 1984 г. на пост президента США было превращено в Париже в рекламный праздник и использовано для дальнейшей массированной обработки французского общественного мнения в духе преклонения перед заокеанским «большим братом». Французские средства массовой информации и особенно государственное радио и телевидение впали в состояние эйфо-

рии, узнав, что Рейган будет управлять Соединенными Штатами еще четыре года, что побудило Жоржа Марше задаться законным вопросом: «А не превратилась ли Франция в 51-й штат США?»

«Когда президент (Франции. — *В. С.*) на международных форумах просит американцев сделать какие-то жесты и в то же время уступает их военному и политическому нажиму, он проявляет непоследовательность. Гонка вооружений и взлеты доллара взаимосвязаны. Непоследовательность еще и в том, что абсолютный приоритет отдается экспорту и помещению капиталов в США, а в самой Франции проводится политика жесткой экономии и ломки занятости...», — справедливо отмечал в ноябре 1984 г. член Политбюро ЦК ФКП Филип Эрцог.

2—4 мая 1985 г. на своей ежегодной встрече в Бонне «большая семерка» приняла очередную политическую декларацию, которая в общем и целом устраивала администрацию Рейгана. В ней, правда, ничего не говорилось об американских планах милитаризации космоса, против официального одобрения которых выступил Миттеран. Но «семерка» поддержала линию США на женевских переговорах с СССР по космическим и ядерным вооружениям, где американцы противились как раз запрещению создания, испытаний и развертывания ударного космического оружия.

Большое внимание участники встречи уделили по традиции экономическим вопросам. Попытки ответить на них вновь свелись в основном к общим фразам о необходимости бороться с хроническими недугами капиталистической системы и обещаниям принять меры прежде всего каждому у себя дома. И хотя по многим проблемам (например, о предложенном Миттераном принятии конкретных обязательств в пользу валютной реформы) договориться не удалось, боннские решения «семерки» не закрывали двери к нахождению определенных компромиссов.

В течение второй половины 1985 г. состоялся ряд совещаний, на которых велась подготовка к «токийскому раунду» ГАТТ. Еще с конца февраля началось довольно стремительное падение курса доллара на валютных рынках, ибо в деловых кругах почувствовали, что экономический рост в США замедлился и банковские учетные ставки показали устойчивую тенденцию к понижению. Становилось очевидным, что США не в состоянии больше

выдерживать разбухший до критических пределов внешнеторговый дефицит и нуждаются в поощрении экспорта, а следовательно, в удешевлении доллара. В этих условиях американское правительство стало проявлять куда бо́льшую готовность к компромиссу со своими основными партнерами и пошло на принятие коллективных мер с целью поставить под контроль спекулятивное движение капиталов.

22 сентября 1985 г. в Нью-Йорке министры финансов и управляющие центральными банками США, Великобритании, Франции, ФРГ и Японии приняли решение «осуществлять взаимный надзор над валютными рынками и подготовить более обширный план международных переговоров». Они пришли к выводу, что валютные курсы должны лучше отражать основные экономические показатели каждой страны, а эти последние «должны быть улучшены путем проведения согласованных акций». Было признано желательным упорядоченное и более значительное повышение курсов валют по отношению к доллару. Участники совещания выразили готовность «тесно сотрудничать, когда наступит время для проведения подобных акций».

Вернувшись из Нью-Йорка, французский министр финансов Пьер Береговуа заявил: «Был сделан первый шаг на пути к реформе международной валютной системы... Впервые будет предпринята попытка управлять плавающими валютными курсами, которые будут продолжать плавать, но при наличии регулирующих механизмов».

Что из всего этого выйдет, покажет время, но принятые решения подтверждают тенденцию к использованию механизма межгосударственного сотрудничества в попытках преодоления экономических противоречий между крупнейшими капиталистическими странами.

Как указывается в новой редакции Программы КПСС, «империалистические державы стремятся координировать свою экономическую, политическую и идеологическую стратегию, пытаются создать общий фронт борьбы против социализма, против всех революционных, освободительных движений». Один из важнейших участков этого фронта — проведение блоковой военной политики и наращивание вооружений.

Атлантизация военной политики

Вскоре после своего избрания новый президент Франции принял решение о создании специальной комиссии во главе с Ф. Блок-Ленэ для критического анализа итогов предшествующего семилетнего периода президентства Жискар д'Эстэна. Однако отставной генерал Жорж Бюис и полковник Жан Поко, которым был поручен раздел доклада комиссии, посвященный вопросам обороны, несмотря на свою принадлежность к социалистической партии, сделали выводы «почти позитивного» свойства в том, что касается этого направления политики предшественников Миттерана.

Из доклада комиссии явствовало, что упрочение независимости Франции требовало придания обороне сугубо национального характера и исключало реинтеграцию французских вооруженных сил в систему НАТО. Ядром национальной обороны при де Голле стали ядерные силы. Доктрина, сформулированная в Белой книге 1972 г., ставила три приоритетные цели: обеспечить безопасность национальной территории, участвовать в обороне Европы и вокруг Европы*, защищать заморские территории и утверждать французское экономическое и культурное влияние. «Сдерживание представляет собой в военном плане средство противостоять агрессии, исходящей с Востока, а в политическом плане — сопротивляться любой гегемонии» — так резюмировали доктрину предшественников авторы доклада комиссии Блок-Ленэ. Доктрина увязывалась, отмечали они, с «трудноопределимым понятием жизненных интересов» Франции, сфера которых распространяется не только на ее территорию, но и «подступы к ней». Ключевым элементом в этой доктрине было сдерживание «сильного слабым» благодаря «неуязвимой способности нанесения ответного удара и демонстрации непоколебимой решимости». По словам Бюиса и Поко, Жискар д'Эстэн пришел к выводу, что достигнутый уровень ядерных сил является достаточным, что ядерное нападение на Францию маловероятно и что можно было бы даже подписаться под обязательством о неприменении первыми ядерного ору-

---

* Согласно Белой книге 1972 г., «безопасность Европы и вокруг Европы, особенно в Средиземноморье», обеспечивалась «стратегией сдерживания», которая «покрывает эту зону ядерными и классическими средствами».

жия. Эта позиция вызвала негативную реакцию со стороны поборников старой доктрины, и от нее Жискару пришлось отказаться.

В докладе упоминается также о полемике вокруг выдвинутой начальником генштаба Ги Мери доктрины «расширенного сдерживания», означавшей все ту же возможность применения ядерного оружия «в Европе и на ближайших подступах к ней», и вокруг высказываний самого Жискара о такой организации обороны, которая делала бы возможным «участие классических сил в сражении на передовых рубежах». Эти идеи вызвали возражения со стороны части голлистов, посчитавших, что предпочтение отдается «сражению» в ущерб «сдерживанию». Правительство Жискар д'Эстэна сделало ряд уточнений, дабы заверить французов, что ориентации де Голля в области военной политики сохраняются, и Франция по-прежнему придерживается следующих императивов: неучастие в интегрированном военном механизме Атлантического альянса, отказ взять на себя охрану какой-либо из «бойниц НАТО» на восточной границе ФРГ, сохранение суверенитета над средствами материально-технического обеспечения. При этом постоянно и на всех компетентных уровнях подтверждался принцип свободы принятия решения о применении французских ядерных сил и неопределенности «жизненных интересов», угроза которым могла продиктовать выбор момента и масштабов применения ядерного оружия.

Одним из неотъемлемых элементов военной политики Франции при Жискар д'Эстэне оставалась «верность альянсам», т. е. НАТО и Западноевропейскому союзу. Попытка оживления ЗЕС, предпринятая еще в 1973 г., не получила развития ни при Помпиду, ни при Жискар д'Эстэне, который отказался обсуждать планы «европейской обороны» как «неактуальные». Сотрудничество между Францией и НАТО, напротив, считалось «важным фактором безопасности Европы», но ограничивалось сохранением некоторой дистанции по отношению к интегрированной военной организации НАТО и ограждением национального производства вооружений от попыток США навязать их стандартизацию.

Основные элементы военной политики предшественников были взяты на вооружение Миттераном, который всячески подчеркивал преемственность в этой области, стараясь представить себя чуть ли не последователем де Голля. 11 июля 1981 г. в интервью газете «Монд»

министр обороны Ш. Эрню заявил, что правительство стоит на позиции свободы принятия решений о применении французских вооруженных сил, намерено и дальше развивать «независимое ядерное сдерживание» и сохранить «интервенционистские силы». Он выступил против прекращения торговли оружием, как того требовали раньше социалисты, и за продолжение исследовательской работы над нейтронным оружием. Премьер-министр Моруа в своем выступлении в сентябре 1981 г. в Высшем институте национальной обороны сделал упор на сотрудничество с НАТО и США, подтвердив тем не менее «автономию выбора и принятия решений в военной области». Он заверил, что правительство будет полностью придерживаться деголлевской ориентации на независимость военной политики от НАТО и наращивать французскую ядерную мощь.

Рассуждая о «жизненных интересах» Франции, которые находятся и «за пределами национальной территории и европейского театра», Моруа подчеркнул «невозможность не интересоваться ближайшими соседями», так как «агрессия против Франции начнется не с момента проникновения противника на национальную территорию», а потому-де западноевропейцам надо «подумать о перспективе политического ансамбля, располагающего автономной обороной». Этот тезис в дальнейшем получил развитие и привел к появлению во французской военной доктрине одного из новых элементов. Сам Моруа увязывал намеченную им перспективу с оживлением Западноевропейского союза, «через который может быть достигнута лучшая организация совместного европейского военного пространства». Для него ЗЕС, долгое время пребывавший в глубокой спячке, — как раз и есть самая подходящая структура для того, чтобы «начать размышления» о проблемах обороны, общих для Западной Европы. Французские представители в ЗЕС активно взялись за дело оживления «спящего динозавра», как окрестила этот альянс газета «Котидьен де Пари». Понимая, что осуществление идеи «автономной обороны» — цель, по словам Эрню, «весьма отдаленная и труднодостижимая», они начали выдвигать перед ЗЕС задачи прагматического порядка. Ну, например, заняться борьбой с антивоенным движением в Европе, как предложил на заседании совета ЗЕС на уровне министров иностранных дел в Лондоне в мае 1982 г. генеральный секретарь министерства внешних сношений Франции Ф. Гутман. В июне

того же года в Париже заседала парламентская ассамблея ЗЕС, приветствуя которую, Шейсон выразил пожелание, чтобы ЗЕС стал «главной трибуной» дискуссий по вопросам европейской безопасности. Ратуя за активизацию ЗЕС, он сделал весьма существенную оговорку: «Речь не идет о том, чтобы отделить оборону Европы от обороны стран Атлантического альянса».

В декабре 1982 г. на обеде, устроенном ассамблеей ЗЕС, присутствовал Пьер Моруа. Факт сам по себе примечательный, поскольку ранее французские премьер-министры от какого-либо участия в мероприятиях ЗЕС воздерживались. Сообщив, что Франция собирается довести свои расходы на военные нужды до уровня 3,9% ВВП, что выше уровня, установленного в НАТО, Моруа призвал другие западноевропейские государства к «повышенной ответственности». На проходившей в это время сессии ассамблеи ЗЕС министр обороны Эрню предложил ее участникам заняться разработкой проблем сотрудничества стран-членов в области создания «оружия будущего». Он выдвинул перед ЗЕС задачу совместного производства «самых современных видов обычного оружия», приведя в качестве образца для подражания соглашение между Францией и ФРГ о совместной разработке нового боевого вертолета и переговоры между Францией, ФРГ и Англией о создании нового военного самолета. Участники этой сессии приняли рекомендацию о снятии последних запретов на производство Западной Германией обычных вооружений с тем, чтобы она могла подключиться к сооружению ракет дальнего действия и стратегических бомбардировщиков.

Правая оппозиция, одобряя оживление ЗЕС, стала активно проталкивать идею «совместной обороны Европы» с более широким составом участников, например, в рамках ЕЭС. В Елисейском дворце совместные для «десятки» военную стратегию и организацию считали невозможными «без большого политического и дипломатического единения», но Миттеран предлагал «начать говорить» об этом, не подменяя НАТО каким-то новым альянсом и двигаясь по пути реальных мер. Так, в Гааге 7 февраля 1984 г. он выдвинул идею создания «европейского космического сообщества» для выведения на околоземную орбиту обитаемой станции с целью противодействия «любым эвентуальным угрозам», что, по его мнению, лучше всего отвечает «завтрашним военным реалиям».

Среди практических мер в этом же направлении были и усилия Франции по оживлению военных статей договора с ФРГ, заключенного в январе 1963 г. де Голлем и Аденауэром, тех самых военных статей, которые на протяжении 20 лет лежали под сукном. Произошло это сразу же после того, как канцлером ФРГ стал лидер ХДС Г. Коль. На встрече Миттерана с Колем в Бонне 21—22 октября 1982 г. было по сути дела решено создать своего рода франко-западногерманский военный альянс, отмечала газета «Фигаро». Постоянным институтом сделали регулярные совместные заседания министров обороны и иностранных дел. Первое такое заседание 21 октября породило специализированную комиссию, подразделенную на несколько «групп» для рассмотрения различных вопросов военно-стратегического характера, включая производство вооружений и «технический обмен» между армиями. Эта постоянная комиссия военного сотрудничества приступила к работе в начале декабря 1982 г.

В январе 1983 г. Париж и Бонн совместно отпраздновали 20-ю годовщину Елисейского договора, подтвердив свою договоренность об оживлении его военных статей. В мае того же года западным немцам было обещано не сокращать французское военное присутствие в ФРГ, и как бы в подкрепление этому французы провели маневры своих войск в районе Мюнсингена в присутствии президента ФРГ и министров обороны обеих стран. Отрабатывали, естественно, отражение нападения «врага с Востока». В ноябре 1983 г. в Бонне состоялась очередная франко-западногерманская встреча на высшем уровне, где Миттеран развивал идею «европейской обороны» в рамках НАТО, подавая ее как задачу создания своего рода «альянса в альянсе», который надо начинать строить вокруг сотрудничества между Францией и ФРГ.

В начале 1984 г. Франция предприняла официальный демарш перед советом ЗЕС о снятии с ФРГ последних ограничений на производство обычных вооружений. В отличие от рекомендаций ассамблеи ЗЕС, не обязательных к выполнению, эта инициатива французского правительства была чревата конкретными результатами. С ее помощью Париж рассчитывал подхлестнуть оживление ЗЕС.

Все эти шаги в сторону реализации идей «европейской обороны» вызвали серьезные возражения со стороны ФКП, которая заявила, что создание «третьего военного блока» несовместимо с политикой национальной

независимости. Но ее партнеры по парламентскому большинству продолжали гнуть линию на активизацию военного сотрудничества Франции с ФРГ и другими странами ЗЕС, действуя в рамках, установленных Рейганом, который накануне очередного визита Миттерана в США заявил, что «европейская оборона» должна быть не самоцелью, а средством укрепления НАТО и свое отношение к «европейской обороне» США будут определять в зависимости от ее вклада в «глобальную мощь и сплоченность Атлантического альянса». Как утверждал позднее американский посол в Париже Гэлбрейт, вопрос о «необходимости европейской системы обороны» был «темой номер один» во время переговоров Миттерана с Рейганом в Вашингтоне в марте 1984 г.

Проходившее в июне 1984 г. в Париже заседание совета ЗЕС на уровне министров иностранных дел приняло серию решений, направленных на реанимацию этой организации. Министры договорились встречаться в ее рамках чаще, а органам ЗЕС — агентству контроля над вооружениями и постоянному комитету вооружений было предложено активизировать свою деятельность и регулярно отчитываться перед советом ЗЕС. Выступая на пресс-конференции по окончании июньского заседания совета ЗЕС, председательствовавший на ней Шейсон дал понять, что вот-вот будут отменены и ограничения на производство в ФРГ наступательных вооружений. Официальное решение на этот счет было принято советом ЗЕС в конце июня 1984 г.

Советское правительство предостерегало страны ЗЕС, включая Францию, против опасных последствий этого решения. Но поборники оживления ЗЕС вокруг оси Париж — Бонн, поощряемые Вашингтоном, продолжали сколачивать «евроядро» НАТО, именно НАТО, а не нечто «независимое», как пытался утверждать кое-кто во Франции. Логическим продолжением размещения новых американских ядерных ракет в ФРГ и снятия последних ограничений с производства Западной Германией обычных вооружений было назначение западногерманского генерала Мака на пост заместителя главнокомандующего войсками НАТО в Европе. Агентство Франс Пресс усмотрело в этом безответственном шаге, чреватом далеко идущими последствиями для безопасности европейских стран, всего лишь «подтверждение существенной роли ФРГ» в натовской системе. Орган ФКП газета «Юманите» указала в этой связи на серьезную угрозу для европейской

безопасности. Французское правительство сделало вид, что ничего не произошло, и промолчало, не желая осложнять отношения с США и ФРГ. А 17 сентября 1984 г., выступая в Высшем институте национальной обороны, премьер-министр Лоран Фабиус подчеркнул «историческое значение франко-западногерманского стратегического диалога». Там же он подтвердил: «Постепенное укрепление наших связей в области обороны с европейцами (странами ЕЭС. — *В. С.*) не ставит под вопрос ни альянс (НАТО. — *В. С.*), ни нашу фундаментальную ориентацию».

26—27 октября 1984 г. в связи с 30-й годовщиной ЗЕС в Риме собрались министры иностранных дел и обороны этого «малого альянса», которые решили впредь проводить такие встречи дважды в год, не считая чрезвычайных совещаний, укрепить связи с ассамблеей ЗЕС, интенсифицировать сотрудничество в области производства оружия в рамках агентства контроля над вооружениями и постоянного комитета вооружений ЗЕС, информировать регулярно союзников по НАТО, не являющихся членами ЗЕС, о его деятельности (это — чтобы Вашингтон не беспокоился). Они заверили союзников по НАТО, что «лучшее использование ЗЕС послужит... улучшению совместной обороны всего ансамбля стран Атлантического альянса и укреплению уз солидарности его членов». В апреле 1985 г. совет ЗЕС в составе министров обороны и иностранных дел на своей встрече в Бонне счел необходимым придать импульс деятельности ЗЕС в направлении наращивания совместных усилий стран Западной Европы в области гонки вооружений. Ведающие вопросами безопасности органы ЗЕС были трансформированы в единый орган, состоящий из трех агентств: по контролю над вооружениями и разоружению; по вопросам безопасности и обороны; по развитию сотрудничества в области вооружений.

Сотрудничество Франции с НАТО, в том числе в военной области, отнюдь не страдало от разговоров об «автономной европейской обороне». Напротив, оно развивалось полным ходом.

В октябре 1983 г. на сессии ассамблеи ЗЕС Эрню резюмировал французскую военную политику следующим образом: «Оборона Франции автономна. Она покоится на присущей ей стратегии сдерживания «сильного слабым», позволяющей нанести агрессору, даже более мощному, ущерб, превышающий ставку, которую представляют для него Франция и ее жизненные интересы. Эта стратегия

дополняется верностью нашим международным обязательствам и альянсам. Во исполнение этой политики по-прежнему назначается постоянный представитель нашей страны при совете НАТО, а с 1966 г., после ухода Франции из интегрированной военной системы НАТО, функционируют французские миссии связи. Кроме того, подписаны соглашения двустороннего порядка о ряде направлений оперативного сотрудничества при соблюдении неавтоматичности вступления французских вооруженных сил в военные действия рядом с силами НАТО, технического сотрудничества (в частности, в том, что касается средств связи) и тылового обеспечения. Более того, формирования наших вооруженных сил участвуют в ряде учений во взаимосвязи с союзниками. Созданная таким образом после 1966 г. система отношений позволяет Франции присутствовать на форумах, в которых она заинтересована, и разделять солидарность, выражением которой является Атлантический альянс, не возвращаясь, однако, в его интегрированную военную организацию».

Казалось бы, все, как прежде. Но если приглядеться к практическим действиям французского правительства, то мы увидим постепенное накопление новых элементов, свидетельствующих об усилении связей Франции с НАТО, которое повлекло за собой и внесение существенных коррективов в ее военную доктрину.

Эрню отмечал «присутствие» Франции на «форумах» НАТО. Наверное, правильнее было бы говорить об активизации ее участия в работе политических органов альянса, и прежде всего в совете НАТО.

Как уже отмечалось, в Вильямсберге Франция подписалась под декларацией «семерки» о глобальных притязаниях основных натовских стран. По инициативе французского правительства 9 и 10 июня 1983 г. очередная весенняя сессия совета НАТО была проведена в столице Франции впервые после вывода французских вооруженных сил из интегрированной военной системы блока. Как бы в награду за это Франция получила председательство в политических органах альянса на целый год. Что означало приглашение совету НАТО провести свое заседание в Париже? — спрашивал дипломатический обозреватель газеты «Монд» Морис Делярю. Ке д'Орсэ попыталось преподнести дело таким образом, будто речь шла всего-навсего о том, что просто пришла очередь Франции. Ничего подобного: никакой регулярной ротации для весенних

сессий НАТО нет, а если бы и была, то Франция пропустила свою очередь, отмечал Делярю. «Франция, — говорили в окружении президента, — берет на себя всю ответственность в Атлантическом альянсе». Вот это уже было ближе к сути дела, ибо отражало все большее втягивание Франции в натовскую систему, что не прошло незамеченным для оппозиционной печати. Как констатировала газета деловых кругов «Эко», равнение Парижа на Вашингтон в вопросах обороны укрепляет позиции Рейгана. Проведение сессии совета НАТО в Париже имеет свое значение именно в этом смысле. «Рейган доволен, что европейский фланг освободился от голлистского индепендентизма, а это для него важно в противоборстве с Кремлем».

Премьер-министр П. Моруа открыл парижскую сессию совета НАТО речью, в которой рассуждения о стремлении к сохранению диалога Запад — Восток ради мира и прекращения гонки вооружений с лихвой перекрывались демонстрацией натовской «солидарности» и обвинениями в адрес Советского Союза как «нарушителя равновесия». На обеде, устроенном в Елисейском дворце в честь участников сессии, выступил президент Миттеран, заверивший партнеров, что Франция выполнит «все обязательства» перед НАТО. Миттеран произнес несколько фраз, которые можно было понять так, что Франция — против расширения географической зоны и компетенций НАТО. Но достаточно вчитаться в текст итогового коммюнике парижской сессии, и мы увидим, что атлантические союзники, включая Францию, на деле не намерены отказываться от своих глобальных претензий. «Союзники признают, — говорилось в этом документе, — что события, происходящие вне зоны договора, могут затрагивать их *общие интересы как членов альянса* (курсив мой. — *В. С.*). Если будет признано, что эти общие интересы затронуты, в подходящее время будут организованы консультации. Достаточные военные средства должны находиться в готовности в зоне договора, чтобы поддерживать адекватный оборонительный механизм... Те из союзников, которые в состоянии содействовать развертыванию вооруженных сил за пределами зоны договора, смогут делать это на основе национальных решений». Главное здесь — даже не консультации в случае, если будут «затронуты» общие интересы стран НАТО, а создание потенциала для вооруженного вмешательства вне зоны блока под предлогом защиты этих общих интересов. Документы последующих сессий совета НАТО практически слово в слово повторили пункты

парижского коммюнике о вмешательстве НАТО за пределами ее географической зоны.

Сессия совета НАТО в Париже сделала очередную попытку оказать нажим на Польскую Народную Республику с целью изменения ее внутренней политики. Свою волю натовцы пытались продиктовать и Афганистану, открыто поддержав контрреволюционные банды.

Они одобрили обструкционистскую линию США на переговорах об ограничении и сокращении стратегических вооружений, об ограничении ядерного оружия в Европе, о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Участники парижской сессии, за исключением Греции, высказались за развертывание американских ядерных ракет средней дальности (РСД) в Европе. Не постеснялись они, опять-таки за исключением Греции, обрушиться с грубой клеветой на Советский Союз, пытаясь приписать ему то, что творили и творят Соединенные Штаты и их прихвостни, — применение химического оружия в Юго-Восточной Азии и в Афганистане. Под предлогом необходимости противостояния Советскому Союзу парижская сессия совета НАТО одобрила курс входящих в нее стран на гонку вооружений.

Неудивительно, что Шульц квалифицировал эту сессию как «очень удачную и очень важную». Атлантисты в самой Франции тоже были очень довольны, а один из советников Миттерана охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Ранее создавалось впечатление, что французы стесняются говорить об участии в альянсе. Отныне это больше не будет запрещенным сюжетом».

Свое председательство в органах НАТО в 1983—1984 гг. Париж использовал очень активно. Все основные антисоветские положения парижского коммюнике перекочевали в документы брюссельской (декабрь 1983 г.) и вашингтонской (май 1984 г.) сессий совета НАТО. В Брюсселе Шейсон подчеркивал «активное присутствие и солидарность Франции в альянсе», поддержал начавшееся развертывание американских «евроракет», оправдывал отправку «многонациональных сил» США, Франции, Британии и Италии в Ливан. В том же духе было выдержано выступление Шейсона на вашингтонской сессии совета НАТО в конце мая 1984 г. Он обрушился с очередными нападками на Советский Союз, вновь восхвалял США за развертывание «евроракет», призывал к «преодолению Ялты», т. е. к нарушению политического статус-кво в Европе. Наряду с коммюнике, в котором перепеваются

измышления, нашедшие отражение в документах предыдущих сессий совета НАТО, в Вашингтоне была принята «декларация об отношениях Восток — Запад». В этом документе местами вкраплены слова о мире, о стремлении к уменьшению военной опасности, о якобы оборонительном характере НАТО. «Пустые, рассчитанные на обман наивных людей слова» — так квалифицировалось... «миролюбие натовцев» в Заявлении ТАСС по поводу итогов вашингтонской сессии совета НАТО.

Объявив о «постоянной угрозе безопасности альянса и жизненным интересам западных стран», якобы исходящей от Советского Союза, авторы вашингтонской декларации и итогового коммюнике сделали упор на дальнейшее наращивание военной силы и диктат в отношении других государств. В них высказана и прямая поддержка «усилий ФРГ по созданию условий для воссоединения Германии». Советское правительство дало заслуженную отповедь милитаристскому курсу атлантического блока и попыткам подогревания реваншизма в ФРГ. В Заявлении ТАСС особое внимание обращалось на рассуждения натовцев на тему о некоем «расколе Европы» и поддержке ими культивируемых в ФРГ устремлений к поглощению ГДР. «Советский Союз, социалистические страны, все, кому дорого дело мира, решительно осуждают любые проявления политики, направленной на подрыв устоев послевоенного устройства в Европе. Они не допустят повторения трагического прошлого. К этому прошлому возврата нет и не будет. В этом должны отдавать себе отчет те, кто сейчас демонстрирует безответственный подход к столь важному вопросу», — подчеркивалось в этом заявлении.

Свою верность НАТО Париж доказывал не только политическими и дипломатическими средствами, но и путем активного участия в ее военной деятельности. Французские штабы и вооруженные силы регулярно участвовали в натовских учениях, в том числе в широкомасштабных маневрах «Отем фордж» («Осенняя кузница»), от чего предшественники Миттерана, как правило, отказывались. Причем в ряде маневров участвовала и французская авиация с ядерным оружием на борту. Французские ВВС приобрели американское оборудование, позволяющее отрабатывать вместе с ВВС США ведение боевых действий. Весьма примечательны в этом плане перелеты истребителей-бомбардировщиков «Ягуар» из французских тактических ядерных сил в США на

совместные с американцами, а также британцами и западными немцами учения «Красный флаг», предназначенные для отработки наступательных операций над территорией «противника». В Неваде на военной базе Неллис для этого построен специальный комплекс, имитирующий советскую систему ПВО. Французские летчики «проходили подготовку» на базе Неллис в условиях, приближенных к реальным, в 1981, 1982 и 1984 гг. В ответ на это «гостеприимство» французские порты были вновь открыты для американских ядерных подводных лодок. Весной 1982 г. французские войска обучались в Западном Берлине ведению уличных боев. Министерство обороны разослало штабам и военным училищам предписание ясно обозначать противника как войска «типа Варшавского пакта». В марте 1985 г. во французских Альпах и на юге ФРГ проходили маневры ВВС Франции, США, ФРГ, Англии и других стран НАТО. В ходе этих маневров отрабатывалось совместное отражение авиационной атаки «потенциального противника с Востока».

Как сообщила в феврале 1985 г. американская газета «Ньюс-дей», в 1982 г. Миттеран договорился с Рейганом о претворении в жизнь заключенного их предшественниками еще в 1978 г. секретного соглашения, во исполнение которого США поставили Франции восемь сверхсовременных компьютеров «Крей-I», сыгравших существенную роль в создании французских ядерных ракет с разделяющими головными частями индивидуального наведения, взятых на вооружение подводным ядерным флотом Франции (первая подлодка, вооруженная 16 такими ракетами с 96 ядерными зарядами, вошла в строй в 1985 г.). США поставляют современное электронное оборудование французским ВВС для поддержания связи со стратегическими ядерными подводными лодками. Франция в свою очередь продала Пентагону в 1985 г. новейшую систему мобильной связи поля боя РИТА.

Министр обороны Эрню реорганизовал «мозговой трест» своего министерства, создав вместо центра прогнозирования и оценки вооруженных сил нечто вроде «постоянной группы стратегических исследований» по образу и подобию американского центра развития стратегических концепций.

В своем телеинтервью в Лаче 2 января 1983 г. Миттеран, в частности, сказал: «У Франции — автономная оборона в рамках альянса; это предполагает многочисленные контакты и даже стратегическую гармонию».

Мы уже говорили об активной поддержке Францией размещения новых американских ракетно-ядерных средств средней дальности в Европе. Но что это значит с точки зрения «стратегической гармонии»? Известный французский политолог Мишель Татю сообщил о том, что «Рэнд корпорейшен» дает «некоторую информацию по просьбе французов для определения первых целей для их ударной силы». А до него в комиссии обороны и вооруженных сил Национального собрания специалисты признавали, что применение французского ядерного оружия «тесно связано с информационными средствами НАТО».

Французское правительство приняло решение о замене к 1991 г. тактических ядерных ракет «Плутон» дальностью 120 *км* новыми ракетами, получившими название «Гадес» (родственник Плутона по подземному царству). «Гадес» может нести нейтронный заряд, дальность у него — 350 *км*. В октябре 1982 г., во время посещения военного лагеря в г. Канжюэр на юге Франции, Миттеран, расхваливая «гадесы», бросил фразу: достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в «фундаментальном изменении стратегических данных». Через некоторое время последовало уточнение Эрню: развертывание «гадесов» позволит наносить ядерные удары по территории, находящейся за пределами восточных границ ФРГ, и дает «все шансы для поражения обороны противника». А представитель руководства соцпартии Хунцингер летом 1985 г. открыто заявил: «гадесы» будут нацелены на ГДР, Польшу и Чехословакию. Все это откровенно смахивало на намерение вот таким обходным путем занять в мирное время одну из «бойниц НАТО» нейтронными боеголовками. Миттеран в интервью радиостанции «Европа-1» 28 июня 1983 г. подтвердил, что «Франция уже в состоянии приступить к серийному выпуску» нейтронного оружия, как только он примет соответствующее решение. Бонн такой поворот в военной политике Парижа вполне устраивал. Особенно радовались в Вашингтоне. «Проталкивать американское нейтронное оружие в Западную Европу будет легче, создается фон, благоприятствующий гонке вооружений, милитаризации мышления», — писала «Правда» 1 июля 1983 г. по поводу заявлений Миттерана.

24 ноября 1982 г., выступая в высшем совете сухопутных сил, Эрню сообщил еще об одном весьма существенном нововведении: решено создать «силы быстрого действия» в виде экспедиционного корпуса, способного «с

первых проявлений кризиса или конфликта... включиться в союзные силы в Европе в любой зоне, где это понадобится». В состав этих сил включались парашютная дивизия, дивизия альпийских стрелков, дивизия морской пехоты, легкая бронетанковая дивизия и дивизия ВВС, оснащенная вертолетами, — всего около 47 тыс. солдат и офицеров и 250 вертолетов. Это было уже переориентацией на участке в том самом «передовом сражении», за которое генерал Мери в 1976 г. подвергся уничтожающей критике. Но если Мери только говорил о такой возможности, причем имея в виду, что Франция останется во втором эшелоне, то правительство Миттерана от слов перешло к делу и начало сколачивать «силы быстрого действия», пробуя их эффективность за пределами Европы; в Чаде и Ливане. «Вопрос занять бойницы или участвовать в передовом сражении для нас не стоит», — заявил премьер-министр Моруа, выступая в Национальном собрании. Но что такое планы нацеливания «гадесов» на ГДР, Польшу и ЧССР и участия «сил быстрого действия» в конфликте в «любой зоне» Европы с самого его начала, как не подходы к практическому решению «несуществующего вопроса»? Причем такое решение, которое свидетельствовало о вползании Франции в натовскую агрессивную систему, что фактически подтвердили французские военные, а потом и сам Эрню. 21 июня 1983 г. в комиссии обороны Национального собрания военный министр разъяснил, что применение «сил быстрого действия» в боевых порядках натовских войск будет согласовываться с атлантическим командованием, от которого зависят воздушная поддержка и тыловое обеспечение. Выступая 3 мая 1983 г. в Высшем институте национальной обороны, столь авторитетный представитель французского командования, как начальник генштаба Жанну Лаказ, подчеркивал «абсолютную необходимость» придать способности Франции вмешиваться в конфликт рядом с союзниками «достаточные масштабы», причем показать противнику, что он «рискует очень скоро столкнуться с силами ядерной страны». 18 ноября 1983 г. командующий Первой армией, расположенной по обеим сторонам границы с ФРГ, генерал Шарль де Лламби раскрыл секрет: французские военные уже вступили в контакт с американскими военными для обсуждения вопросов тылового обеспечения «сил быстрого действия» армиями НАТО.

Генералу Лламби за раскрытие секретных переговоров

попало от начальства, но шила в мешке не утаишь, да и американский союзник не мог скрыть своего удовлетворения по этому поводу. Как отмечала газета «Нью-Йорк таймс», создание «сил быстрого действия» означает «новый шаг Франции на пути фактической реинтеграции в НАТО».

Выделение около 50 тыс. десантников и соответствующего вооружения в состав «сил быстрого действия» означало перевод почти одной шестой части сухопутной армии Франции из «стратегического резерва Запада» в положение участника сражения «на передовых рубежах». Если Жискар д'Эстэн ставил задачу догнать ФРГ по размерам сухопутных сил (550 тыс. человек против 354 тыс. у Франции), то Миттеран «мечтает скорее о рождении франко-западногерманской оборонительной оси», отмечали авторы книги «Говорит армия».

Курс на расширение участия Франции в «обороне» Западной Европы вызвал очередную вспышку доктринальных споров. Двусмысленные заявления французских руководителей породили даже кое у кого иллюзию, будто бы миссия стратегических ядерных сил, к которым подстегивались тактические ядерные силы, выведенные из подчинения армейского командования и получившие в октябре 1984 г. новое наименование — «предстратегическое оружие», отныне ограничивалась лишь защитой только национальной территории. Эта иллюзия покоилась в основном на высказываниях Шейсона, который 18 февраля 1983 г., во время своего визита в Москву, утверждал, что «французские ядерные силы не предназначены для обороны всей Западной Европы. Они предназначены для защиты жизненных интересов Франции». Однако это было не более чем одним из «аргументов», призванных доказать недопустимость учета французского ядерного потенциала при подведении баланса евростратегических сил. На запрос ассамблеи ЗЕС, правда ли, что французские ядерные силы призваны защищать только территорию Франции, Шейсон 27 июля 1983 г. дал уклончивый ответ: эти силы «не предназначены для защиты всего ансамбля стран альянса на европейском континенте». Миттеран в интервью голландской газете «НРЦ Хандельсблад» в феврале 1984 г. утверждал, что французское (и британское) ядерное оружие не может служить прикрытием «всей Европы десяти». Но ведь такая задача и раньше не ставилась перед французскими ядерными силами, а вот «подступы» к национальной территории еще

Белая книга 1972 г. объявила географической зоной, покрываемой ядерным и обычным оружием Франции. И Шейсон не раз подчеркивал, что французская ядерная стратегия отвечает «обороне жизненных интересов», которые не должны иметь четкого определения для сохранения «неуверенности» противника относительно момента и цели их применения. Теоретик социалистической партии Хунцингер писал: «Если точно интерпретировать положения Белой книги и закона о военной программе на 1977—1982 гг., можно допустить, что жизненные интересы Франции не останавливаются перед территориальными границами, а выходят за их пределы. Конечно, надо сохранять запас неопределенности, но проблема, которая ставится сегодня и действительна для завтрашнего дня, состоит в том, чтобы знать, не заключается ли жизненный интерес Франции в долгосрочном плане в обеспечении известной ядерной защиты за пределами национальной территории». Во Французском институте международных отношений тот же Хунцингер 21 января 1982 г. прямо признавал, что его партия положительно относится к распространению ядерных гарантий за пределы Франции. Это было взято на вооружение и официальной доктриной. 29 апреля 1982 г. в Копенгагене Миттеран заверял союзников по НАТО, что «способность Франции к автономному решению касается не только ограждения национальной территории, но и обязанностей по отношению к другим». Внешне тут ничего нового не было. И приведенные выше высказывания, подтверждающие принцип неразрывной связи «классической» армии со стратегическими ядерными силами, которые призваны обеспечивать жизненные интересы на территории Франции и за ее пределами, тоже могли бы означать не более чем продолжение прежней политики, если бы в результате создания «сил быстрого действия» французские вооруженные силы не привязывались еще теснее к натовской стратегии.

В июне 1985 г. на юге Франции были проведены маневры под кодовым названием «Фарфаде-85», цель которых — обкатка «сил быстрого действия». Район учений, казалось бы, находился на известном удалении от восточной границы страны, но орган СП — газета «Юните» писала в те дни: «...Линия обороны Парижа проходит уже не в Страсбурге, а в Гамбурге». А национальный секретарь этой партии Хунцингер прямо заявил, что «роль французского ядерного сдерживания будет так или

иначе расширена», давая понять, что речь идет о раскрытии французского ядерного зонтика над ФРГ. 27 июня эта точка зрения была принята в качестве официальной Исполнительным бюро СП. Франция «должна играть ключевую роль для безопасности ближайшего из наших союзников — Западной Германии», — писал Эрню в статье, опубликованной 12 июля газетой «Монд».

Атлантизация внешней политики Франции сопровождалась и внесением такого нового элемента в формулирование ее военной концепции, как прямое обозначение Советского Союза и других стран Варшавского Договора в качестве одного из главных источников угрозы для Франции. По правде говоря, антисоциалистический «азимут» всегда присутствовал во французской военной доктрине. Но в период расцвета разрядки военный конфликт в Европе с социалистическими странами считался гипотезой «не самой вероятной», как говорил генерал Мери. Жискар д'Эстэн считал ошибочным строить систему французской обороны на базе только этой гипотезы и подчеркивал, что в военной программе на 1977—1982 гг. прямо не указывалось, кто главный противник Франции.

29 сентября 1981 г. начальник генштаба Лаказ напомнил, что в недавнем прошлом военная политика Франции руководствовалась тремя главными принципами: утверждением национальной независимости, основанной на автономии обороны, полной свободе решений и обладании национальным ядерным оружием; верностью международным обязательствам, альянсам и соглашениям; стремлением к проведению активной внешней политики в целях благоприятствования разрядке и обеспечению мира. Новая концепция, по его словам, сохранила первые два принципа, а разрядку заменила «разоруженческими мотивами». Генерал призвал «следить, чтобы любое начинание в области разоружения не сопровождалось уменьшением безопасности Франции», оказавшейся якобы «перед лицом реальной угрозы, каковой является военное превосходство Советского Союза».

Этот предлог широко использовался для обоснования проамериканской позиции в вопросе о «евроракетах» и оправдании французской политики наращивания и модернизации собственных вооружений. Французские руководители хорошо знали, что Советский Союз не питает никаких агрессивных намерений и никому не угрожает. Время от времени они даже вынуждены были признавать это публично. Но тема «советской угрозы» никогда не

снималась с повестки дня. Более того, бывали моменты, когда Париж прямо призывал США оборонять Западную Европу от «потенциальной советской агрессии», как это сделал, например, Шейсон в интервью «Вашингтон пост» 21 марта 1983 г. «Силы быстрого действия позволяют Франции ответить на советский прорыв на западном фронте в ФРГ», — заявил в мае 1985 г. генерал Жорж Фрико-Шаньо на одном из атлантических совещаний в Гааге. Не менее прямолинейно выступала и социалистическая партия. В докладе по вопросам европейской безопасности, одобренном Исполнительным бюро 27 июня 1985 г., в качестве «главного фактора» нарушения безопасности фигурировала... «советская империя».

В этих условиях по меньшей мере неубедительно выглядят заявления некоторых французских руководителей о том, что ядерные средства Франции не нацелены против СССР.

В июле 1983 г. французский президент промульгировал закон № 83-606 о военной программе на 1984—1988 гг. Закон состоит из трех статей. Первая одобряет «приложения» под названием «доклад о программировании военных расходов и оснащении вооруженных сил на период 1984—1988 гг.». Вторая устанавливает сумму ассигнований на военные нужды в размере 830 млрд. франков на весь этот период. Третья обязует правительство представить до 31 октября 1985 г. доклад о переоценке потребностей вооруженных сил и соответствующих расходов (с учетом инфляции). Коммунисты поддержали правительственный законопроект в целом, но от одобрения первой статьи воздержались, поскольку за этой статьей стояла вся программа и ее мотивировки, в которых в качестве одного из источников угрозы назван Советский Союз, с чем коммунисты согласиться не могли.

Действительно, авторы военной программы закрепили в законодательном порядке выдвигавшиеся до этого в политических речах обвинения в адрес Советского Союза и ОВД в том, что это якобы именно они являются инициаторами гонки вооружений, «нацеленных в особенности на Европу», и угрожают «безопасности и, следовательно, независимости нашего континента». Фальшь этой мотивировки собственных военных приготовлений очевидна.

Военная программа на 1984—1988 гг. подтверждает, что Франция остается «верным партнером» в Атланти-

ческом альянсе и «берет на себя всю совокупность обязательств по Североатлантическому договору». Сохраняя «полную свободу оценки и решений, касающихся применения своих вооруженных сил в случае кризиса или конфликта», «отвергая автоматизм», свойственный интегрированной военной системе НАТО, она «тесно сотрудничает с союзниками» и готова «быстро продемонстрировать реальность своего вовлечения в должном месте и в должный момент». Наряду с защитой национальной территории вооруженным силам вменяется в обязанность быть в состоянии принять участие «в обороне Западной Европы и ее морских подступов», обеспечивать безопасность французских граждан за границей и тех стран, с которыми Франция связана соглашениями и даже «экономической и культурной солидарностью», быть способной защищать французские интересы в «национальных экономических зонах», покрывающих огромные морские пространства, и безопасность морских перевозок.

По-прежнему приоритет отдается ядерным силам. Для их усиления предусматривалось завершение сооружения шестой ракетно-ядерной подводной лодки, которая вошла в строй в 1985 г., и закладка в 1988 г. седьмой лодки нового поколения. На их вооружении 16 новых ракет М-4 дальностью 4400 *км* с шестью РГЧ. Запрограммировано также переоснащение четырех из пяти существующих подводных лодок аналогичными ракетами, сооружение атомного авианосца, вооружение 18 истребителей-бомбардировщиков «Мираж-IV» ядерными ракетами «воздух — земля» дальностью 200 *км* и мощностью до 300 *кт* вместо атомных бомб в 60—70 *кт*. Такие же ракеты будут нести новые самолеты тактической ядерной авиации «Мираж 200-Н» (36 таких самолетов будут поставлены армии в период с 1984 по 1988 гг. и еще 49 — после 1988 г.) и самолеты палубной авиации «Сюпер-Этандар» (43 — до 1988 г. и еще 10 — после 1988 г.). Программой предусматривалось разработать стратегическую мобильную ракету класса «земля — земля» дальностью 4000 *км*, военный разведывательный спутник, а также производство тактических ракет «Гадес».

На ядерные вооружения ассигнуется около 30% всех выделяемых средств по разделу «Оснащение». Остальное идет на производство обычных вооружений и модернизацию армии, авиации, флота, включая создание «сил быстрых действий», а также на разработку лазерного, химического и других видов оружия.

Программа на 1984—1988 гг. дала новый импульс производству вооружений во Франции и экспорту военной техники за ее пределы. Социалисты не отказались от торговли оружием, придя к выводу, что это — эффективное средство выравнивания торгового и платежного балансов, укрепления позиций в «третьем мире», особенно в нефтедобывающих странах Северной Африки и Ближнего Востока, куда направляется от 70 до 80% экспортируемого Францией оружия. Забыв о собственных взглядах на это счет (находясь в оппозиции, социалисты решительно выступали против экспорта вооружений), они пошли по пути активного поиска новых рынков, дав соответствующее задание генеральной дирекции вооружений. По оценке Стокгольмского международного исследовательского института проблем мира (СИПРИ), Франция прочно заняла второе место среди западных торговцев оружием после США. В 1980 г. она получила заказов на поставки оружия на 37,3 млрд. франков, в 1981 — на 38,8, в 1982 — на 41,6, в 1983 — на 29,1, а в 1984 году ей удалось запродать оружия на 61,8 млрд. франков.

В общем социалисты явно решили не отставать от своих предшественников из правого лагеря, а кое в чем пошли значительно дальше. Ратуя, как выразился Эрню, за «сильную оборону», они немало потрудились над тем, чтобы поставить французские вооруженные силы на службу «общим интересам Запада», другими словами — Атлантическому альянсу. «Весьма ортодоксальным атлантизмом» назвала эту линию газета французских коммунистов «Юманите».

Разоружение: слова и дела

«Защита мира обеспечивается не нейтрализмом, а равновесием сил. Если это равновесие нарушено, должны быть сделаны дополнительные усилия для его восстановления. Только в ситуации равновесия сил переговоры могут достичь цели. Они должны быть направлены на снижение уровня вооружений». Это кредо, изложенное правительством в Национальном собрании 8 июля 1981 г., повторялось затем на разных уровнях с различными вариациями, но его ядро — равновесие сил — неизменно подтверждалось как условие любых шагов Франции в сторону разоружения. Само же это равновесие обычно сводилось к ядерному паритету между «двумя сверхдержа-

вами», причем Советский Союз, как правило, изображался в качестве его нарушителя, а за Соединенными Штатами признавалось право на довооружение. Французские и британские ядерные силы как «независимые» выводились за скобки баланса сил между НАТО и ОВД. На этом основании отвергался и принцип одинаковой безопасности для противостоящих военно-политических систем.

В области обычных вооружений «реальное равновесие» между этими системами в Париже мыслили аналогичным образом, исходя из натовского тезиса о советском превосходстве на европейском театре военных действий.

Несмотря на декларации о приверженности делу мира и разоружения, Франция и при социалистах не присоединилась ни к одному договору, ни к одной резолюции ООН об ограничении, сокращении, нераспространении, прекращении испытаний, не говоря уже о полном запрещении и ликвидации ядерного оружия, включая его нейтронную модификацию.

Выступая на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению 11 июня 1982 г., французский министр внешних сношений утверждал: «Говорить о разоружении — значит говорить о выживании наших цивилизаций. Нет более сложного вопроса. Но нет и более важного вопроса, так как он затрагивает все государства, все народы, всех людей...» Цели разоружения, по Шейсону, — это обеспечение равновесия между Востоком и Западом «на самом низком, самом надежном и самом стабильном уровне, насколько это возможно». Ради этого международное сообщество должно «укрепить процедуры и институты, занимающиеся разоружением, следить за информацией и мобилизацией общественного мнения».

В то же время, по его словам, именно «ядерное сдерживание», особенно французское, и является «орудием мира», а всеобщее ядерное разоружение и всеобщее обязательство неприменения первыми ядерного оружия — не более чем «утопия».

Пусть разоружаются «сверхдержавы», а мы посмотрим — так говорили и в домиттерановские времена. Таков смысл и заявлений Шейсона о том, что Франция могла бы подключиться к переговорам об ограничении ядерных вооружений лишь на следующих трех условиях: 1) «сверхдержавы» сокращают свои ядерные арсеналы

до уровня, на котором изменится суть различия между ними и ядерными арсеналами других стран; 2) необходимо достижение договоренности о количественном и качественном ограничении систем, способных нейтрализовать ядерное сдерживание; 3) надо устранить неравновесие в обычных вооружениях и химическую угрозу.

В самих по себе этих положениях было, несомненно, рациональное зерно. Ни у кого не вызвала возражений задача сокращения ядерных арсеналов СССР и США. Имела под собой серьезные основания и постановка вопроса о предотвращении милитаризации космоса — а именно об этом по существу шла речь во втором условии Шейсона, который дополнил его высказываниями в пользу соблюдения советско-американского договора 1972 г. об ограничении систем ПРО и заключения конвенции о запрещении противоспутникового оружия. Если отвлечься от натовского тезиса о неравновесии в обычных вооружениях, то и в третьем условии был свой конструктивный аспект: устранение химической угрозы путем, как пояснял далее Шейсон, заключения конвенции о запрещении производства и хранения химического оружия. Только вот само выдвижение условий, выполнение которых требовало много усилий и времени, отодвигало решение об участии Франции в борьбе против гонки ядерных вооружений до греческих календ и на деле служило прикрытием и оправданием ее неконструктивной позиции.

28 сентября 1983 г. на 38-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Миттеран вернулся к этому вопросу и сформулировал те же три условия, внеся некоторые уточнения. «Различия природы» арсеналов «двух главных держав и других стран», как это явствовало из выступления Миттерана, заключались в том, что для СССР и США, это — оружие утверждения своей мощи, а для всех остальных — всего лишь средство защиты собственного существования. Требование устранения «неравновесия» в обычных вооружениях дополнялось столь же необоснованным утверждением о «неравновесии» в химических вооружениях, к которым было добавлено еще и биологическое оружие, причем предлагалось заключить конвенцию о запрещении последнего (хотя такая конвенция была принята еще в 1972 г. Позднее, в сентябре 1984 г., Франция присоединилась к ней). В уточнениях Миттерана говорилось о прекращении наращивания противоракетного и противоспутникового

оружия, к которым он добавил еще и противолодочное оружие, и был совершенно справедливо поставлен вопрос о необходимости «уберечь народы от угрозы из космоса».

В ходе визита М. С. Горбачева во Францию в октябре 1985 г. Миттеран проявил интерес к советским предложениям, изложенным Генеральным секретарем ЦК КПСС на встрече с французскими парламентариями, уделив особое внимание сокращению на 50% стратегических ядерных вооружений СССР и США. Он отметил даже, что значительного сокращения вооружений удалось бы достигнуть лишь в увязке с невозможностью переноса гонки вооружений в космос. Миттеран согласился на обмен мнениями с СССР по проблемам ядерных вооружений. В связи с состоявшейся в ноябре 1985 г. в Женеве советско-американской встречей на высшем уровне Миттеран выступил с заявлением, в котором он выразил удовлетворение тем, что она проходила в хорошей атмосфере, но вновь подтвердил, что Франция намерена и впредь обеспечивать свою безопасность при помощи «ядерных сил сдерживания».

В развитие этой позиции в декабре 1985 г. Франция вместе с США и Англией проголосовала на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН против резолюции о безотлагательном прекращении и запрещении испытаний ядерного оружия, принятой подавляющим большинством членов этой организации.

31 января 1986 г. министр экономики, финансов и бюджета Франции П. Береговуа передал члену Политбюро ЦК КПСС, министру иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе ответное послание президента Миттерана на Обращение Генерального секретаря ЦК КПСС в связи с новыми советскими внешнеполитическими инициативами, изложенными в Заявлении М. С. Горбачева от 15 января. Французский министр отметил, что советские предложения восприняты во Франции как смелые и далеко идущие и что они изучаются с позитивным интересом. Аналогичные оценки содержались и в опубликованной в конце января 1986 г. книге Ф. Миттерана «Размышления о внешней политике Франции».

Правительство Миттерана не возражало против сокращения советских и американских ядерных вооружений. Не устраивали его те части советской инициативы, которые касались замораживания и последующей ликвидации ядерного потенциала самой Франции, что повлекло

бы за собой и пересмотр всей военной доктрины, на которой зиждется ее политика в области безопасности. Продолжая уповать на «превентивную роль ядерного сдерживания», Франция не желала отказываться и от ядерных взрывов на тихоокеанском атолле Муруроа, игнорируя протесты всех близлежащих к району испытаний государств.

В речи на XXVII съезде КПСС Э. А. Шеварднадзе дал следующий анализ линии поведения Запада в связи с советскими предложениями по ракетам средней дальности в Европе. «Беседуя с рядом государственных деятелей стран НАТО, мы слышали от них: прогресс в наших отношениях зависит от вашей готовности удалить из Европы советские ядерные ракеты средней дальности. Не связывайте эту проблему со стратегическими вооружениями и космосом.

Теперь, когда ясно высказана готовность поступить именно так, полностью ликвидировать на взаимной основе советские и американские ракеты средней дальности в европейской зоне, обнаруживаются странные метаморфозы. Наши недавние собеседники явно утрачивают энтузиазм, прибегают к оговоркам и отговоркам...

Единственное, что мы хотим от Франции и Англии, — это то, чтобы они количественно не наращивали, в случае если договоренность с США будет достигнута, свои соответствующие ядерные вооружения. Все относящееся к этому вопросу могло бы явиться предметом прямого обмена мнениями с Францией и Англией.

Надо сказать без обиняков: не за счет ядерных вооружений Франции и Англии — это, конечно, компромиссный вариант, ломающий привычную логику гонки вооружений. Самое время Западной Европе сказать свое слово, показать свое лицо. Мера ее политической ответственности подвергается сегодня серьезному испытанию».

Некоторым исключением во французской позиции по ядерным вооружениям было и оставалось согласие соблюдать (правда, не подписывая) Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. В ответе на парламентский запрос, опубликованном 20 ноября 1981 г., говорилось следующее: «Французское правительство придает самое большое значение вопросу о нераспространении ядерного оружия. Оно считает, что мирное использование ядерной энергии должно быть обеспечено всеми необходимыми гарантиями, чтобы избежать отвлечения ядерных средств на военные цели. В этом плане

оно сохраняет свою поддержку МАГАТЭ и его системы международного контроля. Оно сохраняет также собственную политику контроля за экспортом, установленную на основе лондонских директив* и решений Совета внешней ядерной политики**. Заботясь об усилении эффективности международных действий против распространения ядерного оружия, правительство изучает меры, которые оно сможет принять для содействия этому. На нынешней стадии оно не предусматривает выдвижения предложений международному сообществу. Главное в этой области, как ему представляется, состоит в том, чтобы добиться присоединения всех государств к уже известным принципам нераспространения, и их лучшем применении».

Отношение Франции к безъядерным зонам продолжало носить двойственный характер. Из выступления Шейсона на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению 11 июня 1982 г. явствовало, что такой статус могут иметь Латинская Америка, Африка, Ближний Восток, но в Европе безъядерных зон создавать нельзя, поскольку там равновесие сил покоится-де на ядерном сдерживании. Вместе с тем Франция — за предоставление гарантий от любой ядерной агрессии любому неядерному государству и сама обязуется не применять ядерное оружие против государств, не имеющих такого оружия, за исключением случаев участия неядерного государства в ассоциации или союзе с ядерным государством в агрессии против Франции или государства, с которым она связана соглашениями по вопросам безопасности.

Дипломатия Миттерана взяла в свой актив и выдвинутую при Жискар д'Эстэне идею взаимосвязи разоружения и развития, ориентированную на создание фонда преимущественно из поступлений от «налога на сверхвооруженность». На 38-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1983 г. Миттеран изложил французскую позицию по этому вопросу следующим образом. «Чтобы поставить разоружение на службу развитию, недостаточно пытаться распределять между странами Юга нечто вроде поступлений от налога на военные бюджеты, хотя сама по себе

---

* Выработаны так называемым «лондонским клубом» стран — экспортеров «мирного атома» и оформлены путем обмена письмами в январе 1976 г.

** Создан решением президента Жискар д'Эстэна в сентябре 1976 г.

эта идея и неплоха». Нужен «глобальный политический демарш», затрагивающий истоки военных расходов, а именно: рост военной угрозы, питающий гонку вооружений. В этих целях, считал президент, требуется оценить внешний и внутренний эффект роста военных расходов, соизмерить их эволюцию с главными факторами «международного экономического беспорядка» и приступить к финансированию практического решения проблем общечеловеческого значения (здравоохранение, профессиональная подготовка, аграрное развитие «третьего мира») путем выделения крупных сумм, высвобождаемых в процессе постепенного, но постоянного сокращения военных расходов основных стран. Миттеран предлагал созвать в Париже международную конференцию сначала в составе представителей наиболее вооруженных держав, затем — всех членов ООН и создать на ней международный фонд разоружения для развития. Это предложение было принято с некоторыми поправками, однако Франция попросила отсрочить запланированное на лето 1986 г. проведение в Париже конференции ООН о взаимосвязи между разоружением и развитием.

Во времена Жискар д'Эстэна во Франции родилась идея созыва Конференции по разоружению в Европе (КРЕ) для рассмотрения вопросов о расширении мер доверия, предусмотренных хельсинкским Заключительным актом, и о сокращении обычных вооружений. Некоторые элементы этого предложения перекликались с инициативой Советского Союза, поставившего еще на общеевропейском совещании в Хельсинки в 1975 г. вопрос о дальнейшем развитии военной разрядки и поиске путей к сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе без ущерба для безопасности кого бы то ни было. Французское предложение предусматривало более широкую зону действия решений конференции — от Атлантики до Урала. В нем с самого начала содержалось и неприемлемое для социалистических стран требование «прозрачности» военных структур и деятельности участников будущего соглашения, не распространявшегося не только на США и Канаду, но и на американские ядерные средства передового базирования, размещенные в Европе, поскольку, по мысли авторов этого предложения, конференция должна была заниматься исключительно обычными вооружениями. Стремясь сохранить рациональное зерно французской идеи, социалистические страны выдвинули собственное предложение об

общеевропейской конференции по разоружению. На XXVI съезде КПСС было решено согласиться с расширением зоны мер доверия на Востоке Европы, но при условии соответствующего расширения ее и на Западе.

28 мая 1981 г. в интервью газете «Монд» Шейсон, поддержав жискаровскую идею КРЕ, заявил: «Мы полностью согласны с этим предложением и собираемся продвигать его самым активным образом».

На мадридской встрече представителей стран — участниц СБСЕ (1980—1983 гг.) Франция придерживалась в основном общей для стран Запада позиции. Основной смысл этой позиции заключался в согласии применять меры доверия, безопасности и разоружения в прилегающем к европейскому континенту морском районе и воздушном пространстве, но, правда, лишь при наличии функциональной связи между военной деятельностью на море, в воздухе и на суше, что представляло собой весьма произвольное толкование хельсинкского Заключительного акта. В результате переговоров мандат Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе, включенный в итоговый документ мадридской встречи, был разработан с учетом позиции социалистических стран. Он содержит уравновешенную формулу распространения мер доверия и безопасности на прилегающие морской (океанский) район и воздушное пространство; в нем ясно сказано, что меры эти «будут применяться к военной деятельности всех государств-участников, проходящей там, *всякий раз, когда эта деятельность затрагивает безопасность в Европе* (курсив мой. — *В. С.*), как и составляет часть такой деятельности, проходящей в пределах всей Европы, о которой они согласятся уведомлять». Попытки некоторых французских политологов и политиков преподносить эту формулу как якобы исключающую уведомление о военно-морских и военно-воздушных маневрах, проводимых независимо от маневров на суше или над сушей, лишены всяких оснований, ибо функциональная связь между теми и другими — это не единственный критерий для применения мер доверия и безопасности. Более того, мандат ставит на первое место критерий вероятной угрозы безопасности в Европе, не устанавливая обязательной увязки обоих критериев в нерасторжимый узел.

В ходе переговоров о мандате предстоявшей Стокгольмской конференции французские дипломаты упорно настаивали на определении в нем того, что Шейсон

назвал «обязательствами относительно прозрачности» военной деятельности. Ничего хоть сколько-нибудь напоминающего эту попытку легализации шпионажа в согласованный в Мадриде мандат не было включено. В нем говорится о том, что меры доверия и безопасности будут существенными в военном отношении, политически обязательными, что они будут обеспечиваться адекватными формами проверки, соответствующими их содержанию, и что приниматься эти меры будут на основе равенства прав, сбалансированности и взаимности, одинакового уважения интересов безопасности всех государств — участников СБСЕ. И никакой «прозрачности». Такой исход переговоров явно не устраивал Шейсона, и на заключительном заседании мадридской встречи 8 сентября 1983 г. он попытался дать свое явно расширительное толкование мандата, как якобы позволяющего «поиск большей прозрачности военной деятельности в Европе».

Французский министр внешних сношений выступил с попыткой ограничить предмет Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе обычными вооружениями, причем с постановкой перед ней задачи рассмотрения «неравновесия» в этих вооружениях в традиционной западной трактовке. Ничего подобного ни в какой форме в мандате тоже нет. Но Шейсон не просто выдавал желаемое за действительное. В его утверждениях просматривалась программа, с которой Франция намеревалась идти на конференцию, которую в Париже упорно называли по-старому соответственно первоначальному французскому предложению Конференцией по разоружению в Европе, давая и таким символическим образом понять, что мандат — мандатом, а Франция будет стоять на своем.

С этим они и пришли в Стокгольм, где 17 января 1984 г. открылась Конференция по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе.

Исходя из необходимости уменьшить опасности военного противостояния в Европе, укрепить безопасность стран этого континента, повысить степень доверия между ними, Советский Союз предложил целый комплекс крупномасштабных политических шагов в органическом сочетании с военно-техническими мерами. Советская делегация поставила вопрос о том, чтобы ее участники взяли на себя по примеру СССР обязательство не применять первыми ядерное оружие, заключили договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений

мира, который предусматривал бы отказ от применения первыми как ядерных, так и обычных вооружений, договорились об освобождении Европы от химического оружия, о неувеличении и сокращении военных расходов, о создании в различных районах Европы безъядерных зон. Одновременно была выражена готовность к разработке более значительных по характеру и более широких по охвату мер укрепления доверия в военной области, чем те, что уже осуществляются во исполнение Заключительного акта. Эти идеи были затем конкретизированы в развернутых предложениях, которые Советский Союз вместе с братскими социалистическими странами вносил на рассмотрение участников Стокгольмской конференции на протяжении всей ее работы.

США и другие страны НАТО противопоставили конструктивной позиции социалистических стран систематическую критику крупных политических предложений, отвергая их под всякого рода надуманными предлогами и пытаясь свести всю дискуссию к чисто военно-техническим мерам, призванным обеспечить беспрепятственный сбор разведывательной информации о военной структуре стран Варшавского Договора, превратить контроль в самоцель, не допустить ограничения масштабов переброски войск и военных учений, исключить из зоны охвата мерами доверия прилегающие к Европе морской (океанский) район и воздушное пространство, одним словом, обеспечить НАТО односторонние преимущества в нарушение мандата конференции, согласованного в Мадриде, и хельсинкского Заключительного акта.

В Стокгольме Франция заняла позицию, не расходившуюся с общей линией стран НАТО. На открытии конференции Шейсон, сделав оговорку против «блоковой дисциплины», в то же время подчеркнул, что не следует «игнорировать реальность альянсов», и повторил уже известную позицию Франции в отношении Стокгольмской конференции: ее первый этап должен быть посвящен прежде всего «уменьшению секретности», а второй — «установлению равновесия в обычных вооружениях путем соответствующего сокращения». Все, что касается ядерного оружия, французский министр объявил предметом переговоров, которые проходят «в другом месте». Он высказался в негативном плане в отношении советских предложений о крупных политических мерах.

Французская делегация в Стокгольме возражала против отказа от применения первыми ядерного оружия,

ибо это противоречит ее доктрине ядерного сдерживания. Об этом совершенно недвусмысленно говорилось в записке министерства внешних сношений Франции по вопросам Стокгольмской конференции от 12 июня 1984 г. Не устраивало Францию и договорное оформление принципа неприменения военной силы. В качестве «доказательства против» глава французской делегации Гашиньяр настойчиво проводил мысль о том, что в этом якобы нет нужды, поскольку существуют положения Устава ООН и Заключительного акта СБСЕ о неприменении силы или угрозы силой. Но речь-то шла о конкретизации и придании действенности зафиксированному в этих документах принципу, причем как раз во исполнение Заключительного акта, который требует «претворять в жизнь и выражать всеми путями и во всех формах, которые они сочтут подходящими, обязанность воздерживаться от угрозы силой или ее применения в отношениях друг с другом». «Во всех формах» — значит, и в договорной, и почему эта последняя оказалась неподходящей, французские дипломаты и юристы, как, впрочем, и их коллеги из других стран НАТО, так вразумительно объяснить и не могли.

Об отрицательном отношении Франции к безъядерным зонам в Европе мы уже говорили. В мае 1984 г., находясь с визитом в Стокгольме, Миттеран снова выразил скептицизм на этот счет. Предложение освободить Европу от химического оружия Франция в принципе поддержала, однако вскоре Шейсон заявил: мы не согласимся, чтобы такое хорошее дело, как запрещение химического оружия, было ограничено Европой. Но ведь никто и не предлагал такого ограничения, никто не отказывался продолжать переговоры в рамках женевской Конференции по разоружению. Вся беда была в том, что эти переговоры топтались на месте, и постановка вопроса о запрещении химического оружия на региональном европейском уровне была совершенно оправданной. Любопытно, что в данном случае французы явно отступили от своего собственного принципа «региональной безопасности», за который ратовали на спецсессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1982 г.

В конечном счете французская делегация согласилась на подтверждение принципа неприменения силы. В отношении военно-технических мер Франция вместе с другими странами НАТО настаивала — и в первом предложении от 24 января 1984 г., и в представленной 8 мар-

та 1985 г. «подборке документов» — на увеличении пресловутой «прозрачности» военной деятельности в Европе, а по сути дела — на раскрытии структуры вооруженных сил СССР и его союзников. Поскольку речь шла лишь о сухопутных войсках и авиации наземного базирования, за скобки выводились вооруженные силы НАТО в прилегающих морском (океанском) районе и воздушном пространстве, не говоря уже о том, что ни на свою территорию, ни на свои средства передового базирования Соединенные Штаты эти военно-технические меры распространять не соглашались. Предложения, нацеленные на обеспечение НАТО легальных путей получения разведывательной информации об оборонительном потенциале ОВД, настойчивые попытки США и их союзников добиться других односторонних преимуществ противоречили мадридскому мандату и затормозили работу Стокгольмской конференции на долгие месяцы.

Визит М. С. Горбачева во Францию в октябре 1985 г., советско-американская встреча на высшем уровне в Женеве в ноябре того же года, Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС от 15 января 1986 г. оказали положительное воздействие на ход работы конференции в Стокгольме. Удалось определить круг вопросов, которые могли бы составить контуры будущей договоренности, были выделены координаторы для разработки итогового документа. Конференция вплотную подошла к редактированию взаимоприемлемых формулировок. Поставлена задача достигнуть положительных результатов до начала венской встречи представителей стран — участниц СБСЕ, намеченной на осень 1986 г.

Своеобразную позицию заняла Франция в отношении американских планов «звездных войн». Опасаясь за эффективность своих ядерных сил в случае, если в ответ на попытки американцев прикрыть свою территорию, а скорее всего — свои стратегические ракеты, космическим щитом Советский Союз окажется вынужденным дать отпор и построить свою защитную систему, непроницаемую для американских, а следовательно, и французских ракет, Париж уже в 1982 г. выступил против создания противоракетного и противоспутникового оружия с космическими компонентами, способного, как заявил Шейсон на спецсессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, «нейтрализовать ядерное сдерживание». Таким образом, французские руководители начали выступать за ограничение военной деятельности в космосе,

дабы предотвратить его превращение в «плацдарм актов агрессии» и обеспечить «иммунитет спутников», как заявил 2 сентября 1982 г. представитель Франции в женевском Комитете по разоружению.

23 марта 1983 г. Рейган обнародовал программу, которая несколько позже получила название «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Основная цель программы — создание ударного оружия особого класса с элементами космического базирования для поражения объектов в космосе, в атмосфере или на земле. Речь идет прежде всего о средствах перехвата межконтинентальных баллистических ракет на всех участках их полета, а также ракет средней дальности и тактических ракет. Космическое оружие может быть использовано и против любых других объектов, включая спутники и наземные цели. Создавая его параллельно с дальнейшим наращиванием своих наступательных средств, Вашингтон стремится обрести способность безнаказанного первого ядерного удара по советским стратегическим силам. Разговоры об оборонительном характере новой затеи Пентагона — маскировочный маневр, призванный обеспечить этой программе поддержку в самих США и со стороны их союзников.

Реализация СОИ означает грубое нарушение советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны, заключенного в 1972 г., который строго ограничил число противоракет с обеих сторон и поставил под запрет создание, испытание и развертывание любых новых средств ПРО, в том числе космического базирования, а также передачу их другим государствам и размещение вне национальной территории.

Во Франции эта программа была встречена с большой тревогой. Даже правая печать не могла обойти молчанием противоправный характер «новой стратегии» Рейгана. Серж Маффер в «Фигаро» довольно убедительно показал сугубо наступательный характер «оборонной инициативы» Рейгана. Более решительно высказали свое отношение к СОИ французские коммунисты. «Безумные проекты американского президента угрожают всему миру. И во всех странах, а следовательно, и во Франции надо активизировать борьбу за разоружение», — отмечала «Юманите».

Министерство внешних сношений подчеркивало в этой связи важное значение договора ПРО 1972 г. для стабильности стратегических отношений между двумя самы-

ми крупными державами и предложило начать обсуждение «перспектив, открываемых технологией», на женевской Конференции по разоружению.

Правительство социалистов подвергалось давлению со стороны определенной части французского военно-промышленного комплекса, умонастроения которого нередко выражает на страницах печати полковник Марк Женест, активно пропагандирующий разработку новых вооружений. В свое время, действуя в паре с американским политологом Сэмом Коганом, он «прославился» защитой нейтронного оружия. На этот раз полковник выступил в роли рьяного адвоката СОИ, причем тоже в компании с американским исследователем — Арнольдом Крамишем. В январском 1984 г. номере военно-политического журнала «Дефанс насьональ» была опубликована их статья, в которой они на все лады расхваливали преимущества космической «обороны». А в феврале в Париж явилась секретная миссия от самого Рейгана, которая должна была убедить французское правительство в том, что милитаризацией космоса США собираются заняться для того, чтобы «упредить» Советский Союз, который, оказывается, угрожает Западу и с этой стороны.

О стремлении выработать свою или европейскую позицию в ответ на американскую инициативу Ф. Миттеран говорил в Гааге в речи 7 февраля: «Уже сейчас надо видеть дальше ядерного оружия, иначе мы очень быстро окажемся обойденными». Ведь «системы, создаваемые в настоящее время, в частности, в Соединенных Штатах Америки, и последние решения Рейгана свидетельствуют о том, что с появлением снарядов, летающих со скоростью света, и лазерных средств обороны, которые окружат Соединенные Штаты Америки чем-то вроде сетки безопасности, позволяющей остановить любую возможную агрессию, ядерное оружие станет устаревшей техникой, может быть, раньше, чем ныне предполагают. Во всяком случае оно будет уже не главной осью, а всего лишь одним из элементов стратегии будущего, которое наступит до конца века». Констатировав это, Миттеран сделал вывод: и «малой Европе» надо позаботиться об «обеспечении своей безопасности не только посредством обычных вооружений, но также и с помощью новых средств, которые появятся на мировой арене». Отсюда его предложение об учреждении «европейского космического сообщества» с целью вывода на околоземную орбиту собственной обитаемой станции, позволяющей «отра-

жение любой угрозы». При этом Миттеран призывал «не забывать и о достижениях в области электронно-вычислительной техники и искусственной памяти, а также об известной способности запускать снаряды, перемещающиеся со скоростью света».

12 июня 1984 г. министерство внешних сношений подготовило документ под названием «Французская позиция о военном использовании космоса». В тот же день глава делегации Франции на женевской Конференции по разоружению Франсуа де ля Горс изложил французскую позицию в своем выступлении на этом форуме и 14 июня внес на его рассмотрение официальный меморандум с предложениями. Как явствует из этих документов, Франция, не отказываясь от ранее предпринимавшихся попыток представить американскую «исследовательскую программу» как нечто, остающееся в границах договора ПРО, заявила о своей озабоченности в связи с «новым оборотом, который рискует принять до конца нынешнего столетия гонка вооружений в космосе». В Париже пришли к выводу, что глобальная эффективность «новых технологий» выявится не раньше, чем лет через десять-пятнадцать, но тенденция к их использованию в военных целях может очень скоро привести к разорительному и дестабилизирующему стратегическое равновесие технологическому соревнованию, подтолкнуть работу и над новым наступательным оружием, сорвать окончательно советско-американский стратегический диалог, поставить под вопрос безопасность Франции и Западной Европы. Франция предложила договориться о строгом ограничении противоспутниковых средств; о введении пятилетнего (с последующим продлением) моратория на испытания и развертывание на земле, в атмосфере и космосе оружия, основанного на использовании энергии направленных лучей, предназначенного для поражения баллистических ракет и спутников на «большом расстоянии»; об укреплении существующей системы уведомлений; о распространении на спутники третьих стран положений об иммунитете определенных космических объектов, сформулированных в двусторонних советско-американских соглашениях. Франция выразила пожелание продолжать диалог с США и СССР «по вопросам военного использования космоса», подтвердила «удовлетворение союзников США» готовностью последних «обсуждать с Советским Союзом программы исследований в области стратегической обороны», поддержала идею создания

«специальной рабочей группы по проблемам милитаризации космоса» в рамках женевской Конференции по разоружению и подчеркнула свою приверженность международному сотрудничеству в области мирного использования космоса.

Предложенные Францией меры носили не запретительный, а ограничительный характер и не охватывали весь новый класс ударных космических вооружений. Ни слова не говорилось и о запрещении соответствующих научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), что тоже не случайно: в самой Франции, по признанию руководителей ее военного ведомства, уже велась работа над созданием собственной системы «космической обороны» — ракеты-носителя «Ариадна-5» с челночным кораблем «Гермес», комплекса, вполне пригодного для военных целей (ориентировочные сроки первого полета — 1995—1997 гг.), спутников-шпионов, систем противоракетного оружия, в том числе с применением лазеров, и др.

Тем не менее важно было уже то, что французские руководители настороженно отнеслись к американским планам милитаризации космоса, начали выступать против «космической линии Мажино», за «звездный мир», призывать американцев «не торопиться с выводами». Стремление Рейгана построить щит вокруг США «означает прежде всего сверхвооружение, а это не то направление, по которому надо идти» — подчеркивал в телеинтервью 16 декабря 1984 г. президент Миттеран, отмечая, что у Франции «другая позиция — не противоположная американской, но другая: надо наблюдать за всем, что происходит в космосе, но избегать наращивания вооружений в нем». Поэтому позиция Франции ориентируется на «немилитаризацию космоса».

Париж приветствовал итоги встречи А. А. Громыко с Дж. Шульцем в Женеве 8 января 1985 г., на которой была достигнута договоренность о переговорах по космическим и ядерным вооружениям. В заявлении министерства внешних сношений по этому поводу отмечалось, что «возобновление американо-советского диалога отвечает пожеланиям Франции», поскольку она поддерживает «все, что может способствовать уменьшению напряженности между Востоком и Западом и прогрессу на пути проверяемого сокращения вооружений».

Однако уже в начале февраля министр внешних сношений Р. Дюма, отвечая на вопрос корреспондента

«Вашингтон пост» (4 февраля 1985 г.) о проектах «звездных войн», сообщил, что Франция испытывает «законное любопытство» в отношении «соблазнительной философии» Рейгана и хотела бы глубже обсудить «его идею защитного занавеса, влекущего за собой исчезновение наступательных систем». 5 февраля Дюма встретился с Рейганом. Судя по информации газеты «Монд», французского министра больше всего беспокоила перспектива ослабления внимания к стратегическим ядерным вооружениям и лишения Западной Европы американского ядерного зонтика. В Вашингтоне его, видимо, успокоили на этот счет, поскольку после бесед с американскими руководителями Дюма заявил: «Мы пришли к общему заключению, что принцип безопасности, вытекающий из равновесия наступательных вооружений, останется фундаментальным принципом в течение многих лет».

Вернувшись в Париж из Вашингтона, Р. Дюма всячески расхваливал «важную инициативу президента Рейгана». По его словам, это — «новая философия, которая нацелена на замену наступательной концепции, сфокусированной на равновесие стратегических сил сдерживания, иной концепцией, базирующейся на оборонительной защите... Это — долгосрочная перспектива. Говорят о повороте в конце века, но решения принимаются сейчас». Он вновь подчеркивал «соблазнительность» СОИ, поскольку она-де идет на смену агрессивной стратегии и может увенчаться «исчезновением бомбы». Процитировав эти высказывания Дюма, «Юманите» раскрыла источник его вдохновения: изображая милитаризацию космоса чуть ли не как свидетельство заботы о мире и разоружении, министр повторяет аргументы Вашингтона, так загипнотизировавшего французское правительство, что это становится опасным. «Франция должна играть другую роль, чтобы избежать апокалипсиса», — решительно заявила газета французских коммунистов.

Интерес к СОИ зарейнского соседа Франции, который увидел в американской программе путь к преодолению «комплекса неполноценности», связанного с невозможностью для себя обрести статус ядерной державы, усилил беспокойство демократической общественности Франции. Сигнал тревоги подала левая газета «Либерасьон», выступившая с предостережением: «Став полноправной участницей системы обороны, которая, если верить американцам, сделает устаревшим ядерное оружие, ФРГ приобретет статус полноценной великой державы... и

одновременно извлечет немаловажные технологические выгоды из своего участия в самой обширной научно-исследовательской программе, какую когда-либо знало человечество».

Сторонники «новой философии» из французской военной верхушки выдвинули свой, европейский вариант СОИ. В газете «Монд» от 6 марта 1985 г. была опубликована статья под псевдонимом Гоплит, в которой предлагалось, не ожидая, что выйдет из советско-американских переговоров по космическим и ядерным вооружениям (а выйти, по его мнению, может и «советско-американский кондоминиум»), мобилизовать все силы и обзавестись собственными средствами космической защиты нескольких городов и ядерного арсенала Франции. В мае 1985 г. начальник генштаба французских вооруженных сил Лаказ, выступая перед слушателями Высшего института национальной обороны, сообщил, что год назад одобрен долгосрочный план, предусматривающий создание системы космического оружия, в том числе совместно с другими западноевропейскими странами. На первых порах для этого потребуется 20 млрд. франков, а в последующем Франции надо будет подумать, говорил Лаказ, и о проектировании противоспутниковой системы, призванной усилить французскую «политику независимости и сдерживания». Начав с критики планов милитаризации космоса как фактора «дестабилизации стратегических отношений», французский военачальник выдвинул в конце концов тезис о... «стабилизирующей роли» космического оружия, которое, по его мнению, «должно рассматриваться как средство дополнения и укрепления, а не замены» сил ядерного сдерживания. В таком же духе выступил министр обороны Эрню, сообщивший о решении учредить при штабе вооруженных сил и главном управлении вооружений (что и было сделано в начале июня 1985 г.) рабочую группу, возглавляемую двумя генералами, с целью придать «космическое измерение» французской военной политике в свете перспективы, обозначенной президентом республики. «В следующем веке стратегия обязательно будет космической», — заявил Миттеран на церемонии выхода в первое плавание шестой ракетно-ядерной подводной лодки «Энфлексибль» 25 мая 1985 г. «Сдерживание остается единственной надежной системой обороны, — успокаивал Эрню, — но будущее не сводится только к модернизации нашей ядерной силы, хотя это и необходимо. Мы должны готовить наше присутствие

в космосе, так как это измерение существенно для нашей обороны». В июле 1985 г. Эрню поведал миру, что Франция уже работает над созданием противоракетных систем, и призвал к сотрудничеству другие страны Западной Европы. На этот призыв особенно охотно откликнулся министр обороны ФРГ Вернер, начавший активно продвигать среди западноевропейских членов НАТО идею «европейской оборонной инициативы», суть которой сводилась к созданию западноевропейской ПРО как своего рода «довеска» к американскому космическому щиту.

Американскую программу СОИ французские руководители критиковали, но отнюдь не отвергали. Во всяком случае ее исследовательский этап. Так, например, выступал 26 марта 1985 г. в Хельсинки Р. Дюма. Ссылаясь на то, что «прогресса не остановить», он предлагал отложить предотвращение милитаризации космоса до «момента перехода от исследований к развертыванию». Поэтому советское предложение о моратории на создание ударных космических вооружений, включая научно-исследовательские работы, не встретило должного понимания в Париже.

Франция была в числе тех государств, которым Пентагон официально предложил принять участие в научно-исследовательских работах в рамках СОИ. 27 марта министр обороны США К. Уайнбергер прибыл в Париж с целью убедить французских руководителей дать положительный ответ. Ш. Эрню заявил в тот же день по радио, что «есть смысл изучить» американские предложения. После состоявшихся бесед в окружении французского министра обороны высказывалось мнение, что теперь американцы понимают лучше заботы европейцев о собственной безопасности и представляют СОИ уже не как концепцию обороны, выходящую за рамки ядерного сдерживания и призванную заменить его, а лишь как дополнение к нему. В то же время Эрню считал, что речь идет не только о стратегическом вызове Советскому Союзу, но и о технологическом вызове европейским союзникам США, который может быть принят только коллективно, что потребует предварительных консультаций между странами Западной Европы и определения процедур равноправного сотрудничества между ними и США в области космических исследований. Поэтому конкретных форм такого сотрудничества он в беседах с Уайнбергером не касался.

Судя по дальнейшему развитию событий, ни о каком

равноправии американские стратеги «звездных войн» как раз и не помышляли. Более того, они предприняли попытку расколоть западноевропейцев, с тем чтобы выкручивать руки каждому поодиночке и давить на сомневающихся через наиболее податливых. В роли последних с самого начала выступали канцлер ФРГ Г. Коль и премьер-министр Великобритании М. Тэтчер. Учитывая складывающуюся ситуацию, Франция выступила с инициативой альтернативного ответа на американский «технологический вызов». В середине апреля 1985 г. она предложила партнерам по ЕЭС, а также Испании и Португалии создать открытое и для некоторых других стран Европейское агентство для координации исследований (в области передовой технологии), английское наименование которого в аббревиатуре звучит, как известное восклицание Архимеда «Эврика!». В качестве основных направлений деятельности этого агентства Париж предлагал создание сверхмощной «европейской» ЭВМ на 30 млрд. операций в секунду для проектирования комплексных систем (научно-исследовательские лаборатории, авиационная и автомобильная промышленность, метеорология и др.), высокоэффективных микропроцессоров, высокоемких запоминающих устройств, единого центра математического обеспечения («Евроматик»), роботов, обладающих способностью автономного передвижения и принятия решений, завода с полностью автоматизированным циклом производства на базе использования искусственного интеллекта, микроэлектроники, оптоэлектроники, телекоммуникаций и мощных лазерных установок («Евроробот»), компьютеризованной информационной системы на базе суперкоммутатора («Евроком»), новых материалов («Евромат») и многого другого, в том числе в области генной инженерии («Евробио»), всего 24 проекта. Программы для каждого из этих направлений должны были разработать «комитеты управления» в составе представителей правительств, предприятий и исследовательских институтов. Расходы по финансированию этих программ предлагалось разделить на паритетной основе между правительствами и частным капиталом. Во Франции и ряде других западноевропейских стран уже велась исследовательская работа по большинству из обозначенных в «Эврике» тем, и, как разъяснил смысл французской инициативы министр по научным исследованиям и технологии Кюрьен, речь шла не о создании каких-то новых лабораторий, а о том, чтобы иметь «единую исследователь-

скую политику». И делать это с прицелом на переход от исследований к внедрению.

Добиваясь принятия программы «Эврика», Франция опиралась прежде всего на поддержку ФРГ, которая изъявила готовность работать на два фронта: участвовать в СОИ и одновременно содействовать реализации программы «Эврика». Впоследствии Миттеран открыл секрет: «Эврика» была задумана вместе с западными немцами, и с инициативой мог вполне выступить не Дюма, а Геншер.

Дабы сделать «Эврику» возможно более привлекательной для общественного мнения, ее инициаторы всячески подчеркивали преимущественно гражданский характер предпринимаемых исследований, но не отрицали, что их результаты могут найти и военное применение. Военный аспект «Эврики» признавался французскими, западногерманскими, британскими и другими ее участниками. О нем говорил в телеинтервью 15 декабря 1985 г. и президент Миттеран. Но в качестве главного обоснования неизменно выдвигался тезис о том, что первоочередная задача «Эврики» — обеспечить технологическую независимость Западной Европы, для чего необходимо объединить ее интеллектуальные, финансовые и производственные усилия с целью преодоления отставания от США и Японии в таких областях, как, например, технология информатики или прикладная биотехнология, и не допустить вероятного отставания там, где у Франции и других стран Западной Европы есть свои значительные достижения и большие потенциальные возможности. Вместе с тем с самого начала Париж намекал и на то, что, предлагая «Эврику», Франция хотела бы при этом избежать столкновения с Вашингтоном.

На заседании совета ЗЕС в Бонне 21—22 апреля 1985 г. министры иностранных дел и обороны семи стран-участниц договорились о продолжении консультаций в целях выработки скоординированной реакции своих правительств на предложение США об участии в научно-исследовательской программе в рамках СОИ.

К совещанию «большой семерки» в Бонне (2—4 мая 1985 г.) страны Общего рынка шли разрозненными рядами. Миттеран открыто демонстрировал скептицизм в отношении СОИ, делал акцент на то, что он не может принять проект, содержание которого остается неизвестным. И на самом совещании он заявил, что отказывается от участия в СОИ «в том виде, в каком этот проект су-

ществует ныне, и учитывая, что не известно в точности, что он представляет собой и что в нем содержится». Несколькими днями позже он добавил еще один аргумент: «Франция не может согласиться занять какое-то место в системе, в которой она не будет пользоваться равноправием» с Вашингтоном, предложившим ей роль «субподрядчика». Однако «это не означает, что мы навсегда расходимся на данном пути... Могут быть мостики и мосты от одного проекта к другому», — заявил Миттеран сразу же по окончании совещания «семерки», имея в виду взаимодополняемость «Эврики» и СОИ. И когда ему задали вопрос, как французское правительство смотрит на то, что французские фирмы заключают контракты с американцами в рамках СОИ, Миттеран ответил: «Я не из тех, кто запрещает». Эта позиция неоднократно подтверждалась президентом Франции или его министрами. Другими словами, отклонив официальное участие Франции в СОИ, Миттеран не стал перекрывать каналы фактического участия, и французские военно-промышленные концерны не замедлили воспользоваться этим. Причем первыми вступили в деловой контакт с Организацией по осуществлению СОИ национализированные компании «Матра», «Аэроспасьяль», «Томсон», «Компани женераль д'электрисите».

Миттеран воспротивился прямому упоминанию о СОИ в политической декларации боннского совещания «семерки», но вместе с другими участниками этого совещания подписался под документом, в котором безоговорочно одобрялись «позитивные предложения» США на женевских переговорах по космическим и ядерным вооружениям. По существу такую же позицию заняла Франция и на сессиях совета НАТО в Эшториле (Португалия) в начале июня 1985 г. и в Брюсселе в декабре того же года, где ее министр внешних сношений расписался под коммюнике, в котором участники сессии «решительно поддержали усилия США во всех трех областях переговоров» в Женеве, хотя прошедшие к тому времени раунды этих переговоров убедительно показали, что США далеки от позитивных предложений и сколько-нибудь конструктивных усилий. Они открыто саботировали рассмотрение и решение вопроса о предотвращении гонки вооружений в космосе и пытались легализовать свою программу форсированной милитаризации космического пространства, предлагая договориться лишь о правилах развертывания ударных космических средств. Что же ка-

сается ядерных арсеналов большой и средней дальности, то в Женеве американская делегация ограничилась повторением старых предложений США, уже доказавших свою полную несостоятельность. С американской стороны была предпринята и откровенная попытка нарушить зафиксированную в совместном заявлении от 8 января 1985 г. договоренность о том, что вопросы, касающиеся космических и ядерных вооружений, должны рассматриваться во взаимосвязи.

Французские официальные лица, руководство СП неоднократно заявляли, что они понимают опасность гонки вооружений в космосе. Вместе с тем 7 января 1986 г. министр обороны Поль Килес заявил по поводу СОИ, что «критическая позиция не мешает Франции одобрять стремление американского союзника укреплять свою оборону». Французские военно-промышленные магнаты не хотели выступать в роли субподрядчиков американских концернов, но на равных они были готовы включиться в технологическую гонку в рамках СОИ и одними из первых вступили в переговоры с американским военным ведомством. Не забывали они и об «Эврике». Руководители стран Европейского сообщества одобрили эту программу в Милане 28—29 июня 1985 г., юридически она была оформлена на парижском совещании 17 стран Западной Европы («десятка» ЕЭС, Испания и Португалия, Норвегия, Швейцария, Швеция, Австрия и Финляндия) 17 июля того же года и затем конкретизирована путем одобрения первых десяти проектов на аналогичном совещании в Ганновере 5—6 ноября 1985 г. Все это делалось не только ради прогресса чистой науки и развития экономики, охраны окружающей среды, совершенствования диагностики болезней и т. д., но и в целях разработки новых технологий, позволяющих создание новых видов и систем оружия, как космического, так и всякого иного. При Ш. Эрню, пребывавшем на посту министра обороны до осени 1985 г., началась разработка «космического измерения» собственной военной доктрины Франции. Его преемник Килес заявил 9 декабря 1985 г. в Вашингтоне в связи с вопросом о СОИ: «Франция и Европа работают над сходными или близкими проектами». В январе 1986 г. он сообщил, что усилия министерства обороны Франции в области космических проблем «значительно активизируются». И сказано это было уже после выдвижения новой советской программы полной ликвидации ядерного оружия до конца XX века при одновременном запрете на ударные космические вооружения.

Глава II.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТУПИКИ

Внутренние экономические трудности и внешняя обстановка, характеризовавшаяся наступлением США и Японии на позиции Западной Европы и обострением межимпериалистических противоречий, толкали Париж к поиску выхода из кризисных тупиков на путях «европейского строительства», т. е. интеграционных процессов в области экономики стран — членов ЕЭС и политического сотрудничества между ними. Это направление внешней политики Франции сохранило свое приоритетное значение и при Миттеране, который столкнулся с теми же проблемами, что и Жискар д' Эстэн, но занял свою специфическую линию в отношении западноевропейской интеграции, особенно в политической области.

В Париже не отказались от надежд использовать экономические и политические потенции «малой Европы» для решения своих внутренних проблем и оказания сопротивления США и Японии. Потенции эти действительно весьма значительны. Используя рычаги Общего рынка, Западной Европе удалось усилить свои конкурентные позиции перед лицом двух других центров империализма. Хотя французы и продолжают считать «малую Европу» второй экономической державой капиталистического мира, по многим важным показателям она достигла равенства с США, а по некоторым превзошла их. Клод Шейсон не ошибался, когда утверждал в сентябре 1984 г., что «Европейское сообщество является самой крупной торговой державой мира»: за период 1960—1983 гг. доля США в экспорте развитых капиталистических стран упала с 24 до 18%, Япония увеличила свое участие в нем с 4 до 13%, а ЕЭС стабильно удерживалось на уровне 49%. В области промышленного производства доля ЕЭС за тот же период сократилась с 41 до 35%. Но и США ушли недалеко: в 1983 г. на их долю

приходилось 37% против 40 в 1960 г., и только Япония продвинулась вперед — с 7 до 16%. К началу 80-х годов «малая Европа» обогнала США по совокупному валовому продукту: 2743,5 млрд. долл. против 2639,5 млрд. долл. у Соединенных Штатов в 1981 г. Начала она наступать на пятки американцам и в области иностранных инвестиций: в 1981 г. прямые капиталовложения стран ЕЭС за рубежом составили 224,1 млрд. долл., т. е. 42,7% общих инвестиций капиталистических стран, тогда как на США приходилось 43,3% (227,3 млрд. долл.). ЕЭС вполне можно было считать и первой финансовой державой капиталистического мира, особенно по совокупным золотовалютным авуарам входящих в него стран.

Однако Шейсон был, видимо, прав и тогда, когда говорил, что экономической силой Сообщество, как таковое, является лишь на бумаге, ибо, несмотря на вышеприведенные цифры, оно не так уж часто выступает единым фронтом в конкурентной борьбе с США и Японией. Интересы его членов постоянно вступают в столкновение друг с другом. Американский союзник ловко пользуется этим, раздувая распри, поощряя локальные комбинации внутри ЕЭС, особенно с участием Англии, открыто играющей роль троянского коня в Общем рынке. Все это зачастую делает «первую экономическую державу» бессильной перед лицом нахрапистого конкурента и ставит ее в прямую зависимость от США. Признавая это, К. Шейсон констатировал, что без американцев «малая Европа» не в состоянии покончить с «экономическим беспорядком», так как «в конечном счете повсюду превалирует их решение».

Но к такому пессимистическому выводу в Париже пришли не сразу, да и сам этот вывод отнюдь не означал отказа от борьбы за интересы Франции внутри ЕЭС и за интересы Сообщества перед лицом США и Японии.

Три меморандума

Приступив к управлению страной, социалисты, которые в свое время приложили руку к созданию Европейского экономического сообщества, поставили перед собой задачу вдохнуть в него новую жизнь. «Чтобы существовать, Европа («малая». — *В. С.*) нуждается в самоутверждении, в обретении веры в себя, — писал премьер-министр П. Моруа в своей книге «Дорога проходит именно здесь». — Она должна обрести тот порыв, который чет-

верть века назад позволил заключить Римский договор. А она — вся в сомнениях и вопросах... Пора, давно пора осознать нашу солидарность в момент, когда центр тяжести планеты перемещается все более четко от Атлантики к Тихому океану... Необходимо восстать против перспективы экономической вассализации Европы, постоянно сводимой на положение крупного субподрядчика. Как нам кажется, пробил час рывка. Надо вернуть народам Европы политическую перспективу».

Как и в отношении внешней политики в целом, в области «европейского строительства» Миттеран начал с реорганизации соответствующих органов государственного аппарата. Впервые в истории Пятой республики было создано министерство европейских дел, первоначально подчиненное министру внешних сношений, а с конца 1983 г., в преддверии председательства Франции в Европейском сообществе (1 января — 30 июня 1984 г.), превращенное в самостоятельное ведомство.

Миттеран, Моруа, Шейсон, министр европейских дел А. Шандернагор, другие члены правительства подтвердили свою приверженность «Европе десяти» и важность для Франции «европейского измерения» во всех его аспектах. В своей правительственной декларации 8 июля 1981 г. Моруа обещал, что Франция будет конструктивно подходить к проблемам перестройки бюджета ЕЭС, реформы общей сельскохозяйственной политики, расширения Сообщества, стремясь соизмерять при этом «определение общих позиций и ограждение интересов Франции». Особый акцент премьер-министр делал на необходимости совместной борьбы с кризисными явлениями. и в первую очередь с безработицей, на решении проблем, связанных с реорганизацией промышленности и энергоснабжением. Касаясь вопроса о политической интеграции, он заметил: «Мы — не идеологи наднациональности, но и не борцы против нее». В этой попытке избежать возобновления старого спора о конечной цели «европейского строительства» — быть «малой Европе» федерацией или конфедерацией — явно просматривалась готовность к компромиссам, вылившаяся впоследствии в прямую поддержку интеграционистских тенденций.

В общем и целом в Париже пришли к выводу, что существующие институты Сообщества и его экономические параметры устраивают Францию, хотя и требуют совершенствования. В первую очередь это касалось общей сельскохозяйственной политики, позволяющей

французским аграриям компенсировать свою недостаточную конкурентоспособность на мировом рынке и пользоваться преференциями внутри ЕЭС, таможенного союза, выгодного французским промышленным монополиям, и европейской валютной системы, создававшей определенные гарантии устойчивости французского франка, несмотря на периодическое «упорядочение» паритетов в рамках этой системы, в результате чего франк приходилось неоднократно девальвировать. В то же время французское правительство констатировало практическое отсутствие единой политики ЕЭС в социальной, промышленной, энергетической и других областях.

Столкнулось оно и с рядом специфических проблем взаимоотношений с партнерами. Прежде всего речь шла о том, что торговый обмен с ними для Франции сводился с возрастающим отрицательным сальдо порядка нескольких десятков миллиардов франков, и это в условиях, когда на ЕЭС приходится половина всей внешней торговли Франции. Особо остро стоял вопрос о будущем французской черной металлургии, оказавшейся неконкурентоспособной, испытывавшей кризис перепроизводства и требовавшей структурных изменений, как, впрочем, и черная металлургия других стран Сообщества, что предвещало сокращение занятости на 100—150 тыс. рабочих мест в странах ЕЭС в целом. Для Франции это означало, как выяснилось через два года, увеличение армии безработных на 40 тыс. человек. «Стальная война» США против Западной Европы усугубляла положение. Под ударами иностранных конкурентов начала терять не только внешний, но и внутренний рынок французская автомобильная промышленность. Аналогичные проблемы возникали и в других отраслях французской экономики. Все это обусловило особый интерес Парижа к выработке единой промышленной политики ЕЭС, опираясь на опыт, накопленный Европейским космическим агентством, финансирующим создание ракеты «Ариадна» и спутников с коммерческими целями, и программой «Аэробус», породившей несколько разновидностей реактивного пассажирского самолета средней дальности с повышенной загрузкой (до 300 с лишним пассажиров) и довольно успешно конкурирующей с американскими авиастроительными фирмами.

Поставив целью сохранить за Францией «моторную роль» в «малой Европе», Миттеран поручил своим советникам и экспертам подготовить инициативные предложе-

ния, которые намечали бы серию мер, призванных стимулировать процесс интеграции Сообщества и не требовали бы значительных новых расходов.

В процессе выработки этих предложений французское правительство начало подбрасывать партнерам пробные шары, наблюдая за их реакцией и выясняя перспективы принятия той или иной идеи. Так, уже в июне 1981 г. Миттеран выдвинул идею «европейского социального пространства», довольно холодно встреченную в Англии и ФРГ. Министр по европейским делам Шандернагор в июле 1981 г. предложил увеличить ресурсы ЕЭС путем повышения отчислений в его бюджет с налога на прибавленную стоимость, взимаемого в странах ЕЭС (ТВА). И в этом вопросе французы встретили сопротивление ФРГ, Англии, а также Голландии, не желавших поднимать потолок этих отчислений сверх установленного уровня в 1% от национальных поступлений. В октябре 1981 г. Шейсон выдвинул идею «Европы с переменной геометрией» по примеру европейской валютной системы (в которой не участвует Англия) и ряда промышленных и технологических проектов, осуществляемых не всей «десяткой».

7 октября 1981 г. правительство Франции одобрило текст меморандума об активизации Сообщества. В нем оно призывало партнеров «к коллективным усилиям для достижения конкретного и быстрого прогресса» на всех уровнях и во всех секторах экономической и социальной жизни Сообщества, которое должно «поставить перед собой амбициозные цели в области занятости, энергетической автономии, промышленной независимости и социальной справедливости». Правительства стран — членов ЕЭС должны, по мысли авторов меморандума, предпринять шаги к тому, чтобы добиться «подлинной конвергенции национальных экономик» и выработать «подлинную внешнюю политику» ЕЭС в области торговли и привлечения иностранных инвестиций, а также шире использовать механизм займов для создания специализированных фондов, призванных финансировать меры по экономии энергии, структурную перестройку экономики отдельных районов, поощрение научных исследований и совершенствование технологии.

В меморандуме сформулированы цели «европейского социального пространства»: поставить занятость в центр внимания ЕЭС, интенсифицировать «социальный диалог», улучшить сотрудничество в области «социальной

защиты» граждан. Для достижения этих целей предлагалось переориентировать работу Европейского социального фонда, занимающегося в основном вопросами профессионального обучения, на создание новых рабочих мест, сокращение рабочей недели и т. п., активизировать деятельность «трехсторонней конференции» в составе представителей властей, предпринимателей и профсоюзов, учредить «европейский социальный бюджет».

Париж согласился пойти на реформу «зеленой Европы» в целях более четкой оценки уровня расходов в рамках общей сельскохозяйственной политики при одновременном восстановлении единства рынка внутри Сообщества путем упразднения компенсационных валютных сумм (КВС)* и гармонизации системы отчислений от ТВА, а также проведения «динамичной экспортной политики», в том числе посредством заключения долгосрочных соглашений о поставках продовольствия в третьи страны, что позволило бы завоевать новые рынки сбыта.

Меморандум предусматривал целую серию мер в области энергетики, поставил вопрос о создании «европейского научного и технологического пространства» (породнение лабораторий, лучшее использование общего научно-исследовательского центра и т. п.), предлагал не ограничиваться помощью отдельным промышленным предприятиям, испытывающим трудности, а выработать план развития промышленности и промышленной кооперации.

Специальный раздел меморандума посвящался проблемам диалога Север — Юг, и в частности помощи странам «третьего мира» по государственной линии.

26 апреля 1982 г. Шандернагор представил совету министров ЕЭС новый меморандум о совершенствовании торговой политики Сообщества с целью более эффективного противодействия конкурентам. Сделав оговорку, что речь не идет о протекционистских мерах, французское правительство предложило «улучшить систему статисти-

* Суть системы КВС сводится к тому, что страна, валюта которой обесценивается, выплачивает образовавшуюся разницу в ценах при импорте и взимает при экспорте (негативные КВС), а страна с сильной валютой выплачивает соответствующие суммы при экспорте и взимает при импорте (позитивные КВС). Платежи осуществляются через Европейский фонд гарантий и ориентаций (ФЕОГА).

ческого наблюдения за импортом» и дать Сообществу «новый инструмент, позволяющий противодействовать нечестной торговой практике третьих стран». Не ссылаясь прямо на французский меморандум, Европейский совет на заседании в Брюсселе 29—30 июня 1982 г. подчеркнул важность «решительной защиты законных интересов Сообщества в соответствующих организациях, и в частности в ГАТТ», и призвал «сделать все необходимое, чтобы Сообщество, управляя своей торговой политикой, действовало так же быстро и эффективно, как и его торговые партнеры». Ставилась также задача срочно установить «реальный и эффективный диалог» с США. Как развивался этот диалог, уже было показано в предыдущей главе. Что же касается «нового инструмента» для борьбы с конкурентами, то им ЕЭС так и не обзавелось.

Аналогичная судьба постигла и французскую идею «европейского социального пространства», хотя К С, казалось бы, поддержала Францию, разработав целый план борьбы с безработицей, а на заседаниях Европейского совета, как и на совещаниях «большой семерки», все вроде бы признавали необходимость что-то предпринять. Однако западногерманские и британские представители в совете министров ЕЭС сделали все, чтобы похоронить эту инициативу Миттерана.

12 сентября 1983 г. Шандернагор вручил партнерам по «десятке» третий меморандум, в котором было сформулировано предложение создать в рамках ЕЭС «совместное пространство промышленности и научных исследований», призванное преодолеть растущее отставание Западной Европы от США и Японии в области передовой технологии. По данным КЕС, промышленность «десятки», выпускающая информатическое оборудование, «не покрывает даже половины внутреннего рынка Сообщества, который составляет 34% мирового рынка», оцениваемого в 280 млрд. долл. Чтобы наверстать упущенное, КЕС выдвинула программу «Разум»*, предусматривающую ориентацию западноевропейской промышленности на производство информационно-вычислительной техники будущих поколений. Стоимость программы

* Европейская стратегическая программа исследований в области технологии информатики European Strategic Programme for Research in Information Technologie-Esprit (фр. — разум). Именно так эту программу называют во Франции.

определена в размере 1,5 млрд. экю. Половину этой суммы должен был дать бюджет ЕЭС, другую половину — промышленники. Франция поддержала программу «Разум». В меморандуме от 12 сентября 1983 г. она предложила постепенное расширение финансирования «десяткой» совместных научно-исследовательских программ и поощрение соглашений между государственными и частными исследовательскими центрами о совместном использовании оборудования и обмене информацией, создание «европейского нормативного бюро» в целях гармонизации деятельности национальных органов и постепенное увеличение государственных заказов, повышение таможенных барьеров для защиты западноевропейской промышленности, ориентированной на передовую технологию, стимулирование сотрудничества между западноевропейскими фирмами, учреждение специализированных агентств, объединяющих не обязательно всех членов ЕЭС, и т. д. Став 1 января 1984 г. председателем «десятки», Франция способствовала утверждению программы «Разум» советом министров ЕЭС 28 февраля 1984 г. с бюджетом в размере 750 млн. экю на 1984—1988 гг. и с расчетом на получение такой же суммы от заказчиков.

Париж — Бонн: альянс в альянсе

Организуя взаимоотношения с партнерами по ЕЭС, новые французские руководители первоначально пытались представить дело таким образом, что идея директории в составе крупнейших членов Сообщества, равно как и оси Париж — Бонн, ими отвергается, и Франция со всеми будет говорить на равных. Но на практике, в плане особых отношений с отдельными партнерами, все осталось попрежнему, за исключением периода председательства Франции в Сообществе, когда Миттеран за полгода имел как минимум две двусторонние встречи с руководителями каждого государства-члена. В остальное время с Италией была продолжена жискаровская традиция ежегодных встреч, с премьер-министром Англии Миттеран встречался один-два раза в год, с канцлерами ФРГ (сначала Шмидтом, затем Колем) — практически по четыре раза в год как минимум, а в 1985 — десять раз, причем не только в ходе франко-западногерманских совещаний на высшем уровне с участием многочисленных министров, проводимых в

рамках Елисейского договора 1963 г.*, но и в неофициальной обстановке загородных резиденций или приграничных городков.

По мнению французского историка А. Гроссера, отношения между Францией и ФРГ «не претерпели заметных изменений» ни с приходом нового президента в Елисейский дворец в 1981 г., ни со сменой канцлера в 1982 г. Однако это не совсем так. При Миттеране значительно оживилось политическое и военное сотрудничество Франции с ФРГ. Дела Сообщества в целом, как правило, обговаривались предварительно между Парижем и Бонном, после чего французы и западные немцы выходили с согласованными предложениями в соответствующие органы ЕЭС. Определенные сдвиги в «европейском строительстве» были результатом именно франко-западногерманских договоренностей, и тандем Париж — Бонн сохранял свою ведущую роль в Сообществе. Уже в ответе на поздравительную телеграмму Шмидта по случаю вступления на пост президента Франции Миттеран выразил убеждение, что «развитие сотрудничества и дружбы между народами обеих стран имеет решающее значение для Европы», а «углубление доверительных отношений между Францией и ФРГ позволит им противостоять вызовам, с которыми сталкивается современный мир». Миттеран обязался «еще больше» развивать это сотрудничество «в духе Елисейского договора». И развивал довольно последовательно. Правительство социалистов поддержало линию ФРГ на размещение в Западной Европе «Першингов-2» и крылатых ракет, оживление военных статей франко-западногерманского договора 1963 г., выступило с инициативой о снятии ограничений ЗЕС с производства Западной Германией стратегических бомбардировщиков и ракет дальнего действия.

Канцлер ФРГ Шмидт был первым иностранным руководителем, с которым встретился Миттеран, став президентом. 24 мая 1981 г. Шмидт по дороге из Вашингтона сделал остановку в Париже. Устроенный по этому

---

* Подписан 22 января 1963 г. в Елисейском дворце. Регулирует сотрудничество между Францией и ФРГ во всех областях двусторонних отношений. В соответствии с ним проводятся дважды в год совещания на высшем уровне в Париже и Бонне с участием министров иностранных дел, обороны, экономики, финансов, сельского хозяйства, национального образования и др.

поводу завтрак вылился в трехчасовую беседу руководителей двух стран с глазу на глаз. Миттеран сразу же пообещал Шмидту полную поддержку в вопросе о развертывании американских «евроракет» в ФРГ. Канцлер обязался защищать паритет франка в рамках европейской валютной системы. Серьезные переговоры по острым проблемам «европейского строительства» были отложены до осени, чтобы французское правительство имело достаточно времени для их изучения. С Бонна начал свои визиты за рубеж министр внешних сношений Клод Шейсон, проведя переговоры с Геншером в июне 1981 г. Основная цель — заверить западных немцев в приверженности нового правительства атлантизму, «европейскому строительству» и франко-западногерманскому сотрудничеству. После бесед с Шейсоном Геншер выразил удовлетворение «полным франко-(западно) германским согласием по фундаментальным вопросам». Вслед за Шейсоном в Бонн 11 июня отправился министр обороны Ш. Эрню — крепить сотрудничество с ФРГ в военной области. Для него это тоже был первый зарубежный вояж.

12—13 июля 1981 г. в Бонне состоялась первая при Миттеране франко-западногерманская встреча на высшем уровне, посвященная подготовке к совещанию «семерки» в Оттаве. Миттеран советовался со Шмидтом по поводу возможных инициатив Франции внутри Европейского сообщества. Как отмечала французская пресса, в ходе беседы с канцлером ФРГ в Париже 13 января 1982 г. Миттеран проявил «понимание» умонастроений руководителей Западной Германии, которую «от Красной Армии отделяет всего лишь граница». Они скоординировали свои позиции в отношении Польши и договорились «консультироваться по каждой важной проблеме, когда равновесие в мире оказывается под вопросом».

«Крайне важными» сочли обе стороны переговоры Миттерана со Шмидтом 24—25 февраля 1982 г. в Париже, в ходе которых они пытались выработать единую стратегию в отношении Советского Союза, Соединенных Штатов, а также по проблемам Европейского сообщества. В совместной декларации, опубликованной после этих переговоров, подтверждался «фундаментальный характер их сотрудничества» и содержалось обязательство действовать вместе «самым тесным образом». Они выразили общее стремление «увеличить вес Европы в мире», интенсифицировать политическое сотрудничество

между странами Сообщества, добиваться реального продвижения к «Европейскому союзу». Не обошлось без клеветнических обвинений в адрес СССР в связи с положением в Афганистане и Польше, сопровождавшихся заверениями в верности Атлантическому альянсу, Критика в адрес США ограничивалась ламентациями по поводу высоких учетных ставок. А в двустороннем плане Шмидт и Миттеран договорились усилить согласование своих внешнеполитических курсов и военной политики. Французские газеты в один голос расценили эту декларацию как свидетельство «восстановления тандема Париж — Бонн», возвращения к привилегированным отношениям и «возрождения франко-(западно) германского лидерства в ЕЭС».

Смена канцлеров в ФРГ 1 октября 1982 г. не нарушила оси Париж — Бонн. Миттеран очень быстро нашел общий язык с христианским демократом Колем, и двусторонние отношения продолжали укрепляться.

Уже 4 октября Коль и Геншер прибыли с визитом в Париж, где подтвердили особо важное значение, которое они придают отношениям с Францией. Миттеран высказался за сохранение и углубление «отношений дружбы и совместной работы как в двустороннем плане, так и в рамках Сообщества и Атлантического альянса». 21—22 октября в Бонне состоялось сороковое франко-западногерманское совещание на высшем уровне. Миттеран и Коль договорились укрепить двусторонний военно-политический альянс на базе военного сотрудничества и постоянных консультаций между военными ведомствами, а также улучшить координацию экономических мероприятий обоих правительств и их действий внутри Сообщества.

В начале 1983 г. в Париже и Бонне отмечали 20-летие Елисейского договора. Центральным событием устроенных по этому случаю торжеств была речь французского президента в бундестаге 20 января, в которой он подтвердил верность Франции Атлантическому альянсу, вновь поддержал размещение американских ядерных ракет в ФРГ и других странах Западной Европы, призвал к «сближению военных доктрин» Франции и ФРГ, обещал выполнять союзные обязательства в отношении ФРГ, восхвалял французскую военную программу на 1984—1988 гг. как нечто, якобы представляющее собой «усилие ради мира в Европе», подчеркивал невозможность прогресса в «европейском строительстве» без

сотрудничества Бонна и Парижа и т. д. Колю оставалось только аплодировать. Аплодировал и Франц-Йозеф Штраус. Еще бы, ведь кроме всего прочего французский президент не остановился перед тем, чтобы проиллюстрировать свое «понимание» устремлений ФРГ намеками на чаяния «великого германского народа», выражением сочувствия в адрес «разделенных немцев», отождествлением ФРГ со всей Германией, подтверждением французской «ответственности» за «весь Берлин». Западногерманские социал-демократы дали четко понять, что они не разделяют взглядов французского президента-социалиста, изложенных в бундестаге. Как отмечал А. Гроссер, эта речь «буквально шокировала социал-демократических депутатов», в глазах которых миттерановская Франция предстала в «крайне милитаристском» обличье.

Позднее линия французского руководства на поддержку пангерманизма в ФРГ подтверждалась не единожды. 22 сентября 1984 г. в Вердене Миттеран вместе с Колем чествовал немецких солдат, «погибших в боях прошлого». Весьма своеобразно Париж откликнулся на дипломатический конфликт между Бонном и Римом, вызванный высказываниями итальянского министра иностранных дел Джулио Андреотти о том, что «существует два германских государства, и эти два государства следует сохранить», что пора бы отказаться от пангерманизма и от попыток ставить под сомнение ялтинские соглашения и послевоенные границы. Министерство внешних сношений Франции заявило на этот счет следующее: «Нам задавали вопросы по поводу недавних высказываний, касающихся Германии. Позиция Франции известна издавна... Франция поддерживает политику ФРГ, направленную на установление в Европе состояния мира, которое позволило бы германскому народу мирным путем реализовать свое единство через свободное самоопределение. Это право принадлежит всем немцам, и никто не может отрицать его». В Париже явно не хотели видеть опасных для дела мира элементов в политике Бонна.

Как и в отношениях с США, игра в политические поддавки с ФРГ не всегда приносила Франции дивиденды. Расхождение экономических интересов давало себя знать почти постоянно, когда речь заходила о конкретных проблемах, решение которых требовало финансовых усилий. Спор вокруг системы валютных компенсационных

сумм (КВС), которая поставила французских производителей — экспортеров сельскохозяйственной продукции в невыгодное положение по сравнению с западными немцами, приобрел затяжной характер, и Франция долго добивалась отмены КВС. Бонн остался глухим к призывам Парижа сыграть роль «локомотива» в отношении западноевропейской экономики. Западные немцы и пальцем не шевельнули, чтобы сократить огромное отрицательное для Франции сальдо в ее торговом обмене с ФРГ (38 млрд. франков в 1983 г.). По словам министра внешней торговли Эдит Крессон, «ФРГ — европейская страна, создающая больше всего трудностей Франции в области экспорта своими нормами безопасности и гигиены, которые она навязывает Франции и за которыми ловко прячется, чтобы защитить свою продукцию». Не проявляли по ту сторону Рейна и особого желания оказывать совместное давление на США с целью стабилизации курса доллара. Довольно прохладно, как уже отмечалось, в ФРГ отнеслись и к идее «европейского социального пространства».

Расхождения между Францией и ФРГ неоднократно возникали и во многих других случаях, в том числе по проблемам, заводившим ЕЭС в тупики (сокращение британского взноса в общий бюджет, увеличение собственных финансовых ресурсов ЕЭС, консолидация европейской валютной системы, реформа сельскохозяйственной политики, прием Испании и Португалии и др.). Однако все, что удавалось «десятке», имело своим источником достижение соответствующего согласия между Бонном и Парижем. Стержнем этого тандема было и остается политическое и военное сотрудничество между ФРГ и Францией, которое неизменно находилось в центре внимания президента и канцлера на каждой их встрече. В мае 1984 г. Коль поддержал идеи Миттерана, направленные на оживление ЗЕС. Тогда же было намечено свыше 50 совместных проектов в области вооружений включая запуск спутника-шпиона и создание нового боевого вертолета. Договорились они и о полном открытии границы между Францией и ФРГ, и о совместных действиях в продвижении проектов политической интеграции «десятки».

В 1985 г. продолжалось развитие франко-западногерманского сотрудничества в самых различных областях. Разумеется, далеко не по всем вопросам удалось договориться руководителям Франции и ФРГ, но они

тем не менее подтвердили свою линию на согласование военно-политических позиций. Как утверждал министр обороны Франции Килес, в результате встречи Миттерана с Колем в Париже 17 декабря 1985 г. произошло сближение военных доктрин обеих стран и была достигнута договоренность о проведении в 1986—1987 гг. крупных совместных учений войск Франции и ФРГ с участием французских «сил быстрого действия» (всего около 150 тыс. солдат и офицеров). Эти учения, по словам Килеса, должны стать для обеих армий «самым важным событием подобного рода со времени окончания последней мировой войны». Согласно сообщениям западной печати, Миттеран высказался также за создание «консультативного механизма», задачей которого будет «выработка ответных мер на случай нападения на территорию ФРГ». Тенденция к укреплению военного аспекта оси Париж — Бонн была подтверждена и в ходе переговоров между президентом Франции и канцлером ФРГ в Баден-Бадене 16 января и в Париже 27 февраля 1986 г. Договорившись с Колем о расширенном оперативном сотрудничестве между вооруженными силами двух стран (конкретным выражением такого сотрудничества и будут упомянутые выше маневры), Миттеран объявил также о своей готовности консультироваться с федеральным канцлером о возможном применении французского «предстратегического» ядерного оружия на немецкой земле и делать это «с предельной быстротой», оставляя за собой исключительное право принятия решения об использовании этого оружия.

Параллельно укреплению оси Париж — Бонн Франция предпринимала усилия по развитию контактов с другими членами ЕЭС. Особое внимание Миттеран уделял довольно сложным и противоречивым отношениям с Англией, учитывая ее специфическую роль в «европейском строительстве».

Козни Альбиона

Накануне президентских выборов 1981 г. Клод Шейсон, бывший тогда членом Комиссии европейских сообществ и советником Миттерана — кандидата в президенты, высказался за «фундаментальную дискуссию с англичанами об их концепции Сообщества». 28 мая 1981 г. британский министр иностранных дел лорд Каррингтон

проездом из Алжира в Лондон сделал остановку в Париже и встретился с Шейсоном, который занял пост министра внешних сношений Франции. Англии предстояло полугодовое председательство в Сообществе с 1 июля, и эта беседа тем самым приобретала особую важность. Согласно информации агентства Франс Пресс, Шейсон и Каррингтон «договорились попытаться преодолеть проблемы, которые разделяют Париж и Лондон, особенно в плане развития Сообщества, чтобы идти вперед и установить добрые франко-британские отношения». Французский министр напомнил, что у Франции и Англии есть немало общего в политике и что «дипломатическое согласие» между ними вообще «просто замечательное». Действительно, как и с другими натовскими странами, миттерановская Франция довольно легко нашла общий язык с Англией в том, что касается атлантической солидарности в вопросах безопасности, включая размещение «евроракет» на Британских островах, ужесточения диалога Запад — Восток, более тесного сотрудничества с США на Ближнем Востоке и в других районах мира. В отличие от других конфликтных ситуаций, в которые Франция считает возможным вмешиваться тем или иным образом, проблема Ольстера была объявлена Шейсоном... выходящей за рамки компетенции Европейского сообщества и под этим предлогом фактически устранена из франко-британских отношений.

Сложнее обстояло дело с политикой Англии в отношении ЕЭС. Особо остро стояла бюджетная проблема. В свое время, еще при Жискар д'Эстэне, Маргарет Тэтчер потребовала компенсации британского взноса в общий бюджет ЕЭС под тем предлогом, что страна — член ЕЭС не должна давать Сообществу больше, чем она от него получает. На первый взгляд, это выглядело как требование справедливое. По данным французских специалистов, на начало 1984 г. взнос Англии в бюджет ЕЭС превышал поступления из этого бюджета почти на 2 млрд. экю (отрицательное сальдо для ФРГ составляло 3 млрд., для Франции — всего 5 млн. экю).

Лондон хотел, чтобы отрицательное сальдо его финансовых расчетов с ЕЭС не превышало 500 млн. экю. При этом англичане полагали, что можно игнорировать торговые преференции Сообщества и не платить за это, добиваясь для себя исключения из общего правила. «Забывали» они и тот факт, что, пользуясь субсидиями для своих сельских хозяев из соответствующего фонда

ЕЭС в меньшей степени, чем Франция, ФРГ, Италия и Голландия, Англия вместе с тем получила широкий рынок для своей промышленной продукции, и ее торговый баланс с партнерами начал сводиться с положительным сальдо, в то время как у Франции он носил хронически дефицитный характер.

Приведем несколько цифр. Бюджет ЕЭС в 1982 г. достиг 134 млрд. франков. Источник — это преимущественно отчисления с налога на прибавленную стоимость (ТВА) в размере 1%, которые дают около 70 млрд. франков. Это также изъятия из таможенных пошлин. Продолжая покупать продовольствие и другие товары широкого потребления за пределами ЕЭС, Англия вынуждена вносить в бюджет последнего значительные суммы из тех пошлин, которыми облагается импорт из-за его пределов. Две трети общего бюджета идут на дотацию сельским хозяевам. В то время как для Франции сельскохозяйственная продукция — это, по выражению газеты «Матэн», ее «зеленая нефть», для Англии она имеет «вес пера» (2,3% ВВП). Доля Англии в сельскохозяйственном производстве ЕЭС (13,4%) почти в два раза меньше французской (25,8%), значительно меньше итальянской (19,6%) и западногерманской (19,4%). Отсюда и сравнительная «незначительность» поступлений из аграрной части бюджета ЕЭС (около 10%) в копилку английских фермеров. Франция получает в два с лишним раза больше, Италия и ФРГ — почти в два раза больше Англии. Но в то же время, согласно признанию руководителя Генеральной конфедерации британских предпринимателей Т. Беккета, 2,5 млн. рабочих мест в Англии зависят от торговли с ЕЭС, на которое приходится 44% ее внешних обменов, причем британский экспорт на рынки стран ЕЭС за 10 лет возрос с 2,4 млрд. до 20 млрд. ф. ст.

Тем не менее 30 мая 1980 г. Лондону удалось добиться согласия Парижа и Бонна взять на себя весьма солидную часть британского взноса в казну Общего рынка на временной основе (в течение двух-трех лет), которую Тэтчер настойчиво стремилась сделать постоянной, добиваясь одновременно реформы общей сельскохозяйственной политики. В этом последнем вопросе Лондон мог рассчитывать на понимание Бонна (где считали завышенным вклад ФРГ в сельскохозяйственную копилку ЕЭС) и Рима (жаловавшегося на то, что Италия получает из нее недостаточно). Лондон согласился дать Франции

время на размышления и изучение стоящих перед Сообществом проблем. Но в КЕС англичане продолжали свою линию в направлении увеличения бюджетной компенсации и сокращения расходов в рамках сельскохозяйственного фонда. Однако их притязания наталкивались на сопротивление партнеров, включая Францию. По компромиссу от 30 мая 1980 г. Британии было выплачено 1,2 млрд. экю (свыше 7 млрд. франков по текущему курсу) и в 1981 г. — 1,4 млрд. экю. В июне 1981 г. КЕС предложила выплачивать Англии ежегодно по 1 млрд. экю, тоже временно, но без установления конечного срока. Причем основное бремя падало на страны, больше всего выигрывающие от существования сельскохозяйственного фонда, на который приходится около 70% всего бюджета ЕЭС. Одновременно предлагалось снизить цены на сельхозпродукцию до уровня мировых, установить потолки объемов производства и компенсировать эти меры прямой помощью мелким производителям и сельским хозяевам средиземноморской зоны.

29 июля 1981 г. Миттеран совершил свой первый визит в Лондон, где не только участвовал в церемонии женитьбы наследного принца Чарльза, но и посетил М.Тэтчер. До этого они уже встречались на заседании Европейского совета в Люксембурге, а также во время совещания «семерки» в Оттаве. Из этих встреч Маргарет Тэтчер вынесла впечатление, что с Миттераном дела пойдут лучше, чем с его предшественником. В Лондоне, как и в Бонне, Миттеран оказался на стороне консерваторов, а не соратников своей партии по Социнтерну, что отнюдь не облегчило ему борьбу против английских попыток перестроить Сообщество на свой лад.

В сентябре 1981 г. Миттеран снова побывал в Лондоне и вел переговоры с Тэтчер. По проблемам ЕЭС, которые заняли основное время переговоров, стороны согласия не достигли. Зато нашли общий язык в вопросах отношений Запад — Восток. Еще накануне визита в интервью «Таймс» Миттеран заявил, что он видит «советскую угрозу как в форме подрывных действий, так и в прямом смысле». Вполне устраивала британского премьер-министра и поддержка Миттераном «евроракет», и его неприязнь к борцам за мир. «Новый тон, взятый Парижем в отношении Лондона, должен был во всяком случае унять раздражение, а порой и страхи, вызванные по ту сторону Ла-Манша абсолютным приоритетом, которым пользовались до сих пор франко-(западно)гер-

манские отношения», — отмечала газета «Монд». Однако этот настрой не мог ни сгладить экономические противоречия между двумя странами, ни изменить поведение Англии в Общем рынке, и баталии на этом фронте продолжались, несмотря на значительную общность взглядов в области внешней политики. Евросовет в Лондоне 26—27 ноября 1981 г., обсуждавший проблему британского взноса в бюджет ЕЭС и будущее единой сельскохозяйственной политики, не принял никаких решений на этот счет. Миттеран согласился на «дополнительное финансовое усилие» в пользу Великобритании в течение трех ближайших лет, но при условии прекращения постоянной постановки под вопрос общей сельскохозяйственной политики и серьезного учета французских предложений о реформе, которой она должна подвергнуться. Тэтчер же хотела получать больше, чем давали партнеры, и на постоянной основе. Поэтому дискуссия продолжалась без ощутимых результатов. Каждый оставался на своих позициях.

Экономические проблемы ЕЭС создавали столь острые противоречия, что в Париже стали опасаться за будущее «европейского строительства», фундамент которого оказался под угрозой из-за британского обструкционизма: нерешенность проблемы компенсации взноса Англии в общий бюджет начала блокировать все остальные мероприятия. 27 апреля 1982 г. совет министров ЕЭС девятью голосами против одного (британского) отверг притязания Лондона, отказавшись увязывать бюджетный вопрос с проблемами «зеленой Европы». Это подкрепило французскую позицию. В интервью газете «Эко» министр по европейским делам Шандернагор подтвердил принцип, согласно которому любые финансовые уступки, мотивируемые экономическими трудностями Великобритании, должны быть ограниченными во времени, заранее обусловленными и постепенно снижающимися. Французский министр призвал англичан подчиниться правовым нормам Сообщества, под которыми они подписались, вступая в него. На тон выше поднял критику британской позиции К. Шейсон, который обвинил Англию в нежелании выполнять свои обязательства в ЕЭС. Он без обиняков заявил, что поддержка, оказываемая «десяткой» Англии в ее конфликте с Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, вытекает из ее членства в Сообществе. «Если вы вступили в клуб, — сказал он, — то вы должны признать и соблюдать его правила». Фо-

рин оффис воздержался от реакции на эти заявления.

В течение мая в Лондоне побывали министр внешних сношений, затем премьер-министр и, наконец, президент Франции, однако их переговоры с британскими руководителями оказались безуспешными. На совещании министров сельского хозяйства «десятки» в Брюсселе 17 мая 1982 г. Англия попыталась расколоть партнеров, выдвинув принцип единогласия и пригрозив «политикой пустого кресла», как это делал в свое время де Голль. Но сорвать решение о ежегодных ценах на сельскохозяйственную продукцию ей не удалось. Париж воспротивился «расширительному толкованию» принципа единогласия, к которому прибегли было англичане. Шейсон настаивал на том, что «люксембургский компромисс» 1966 г., позволяющий прибегать к праву вето, когда затрагиваются жизненные интересы члена ЕЭС, в данном случае не применим, так как речь идет о мерах исполнительно-распорядительного характера. Остальные партнеры пошли за Францией и договорились выполнять решение о ценах, принятое еще 30 апреля. В тот же день в Люксембурге министры иностранных дел рассматривали предложение КЕС, согласно которому Англия должна была получить в 1982 г. единовременное возмещение в размере 800 млн. экю с поправками в зависимости от объема ее бюджетного взноса и с учетом выполнения соглашения от 30 мая 1980 г. Лондон настаивал на возмещении ему 1,4 млрд. экю. Министры иностранных дел ЕЭС ответили тем, что отказались продлить срок действия экономических санкций против Аргентины, введенных 17 апреля на один месяц, а решение проблемы британского взноса затянулось на многие месяцы.

«Проблема, которая стоит сегодня, — заявил Миттеран, — это не проблема большинства или единогласия в совете министров Европейского сообщества, а проблема той роли, которую намерена играть в нем Великобритания. И в конечном счете в зависимости от ответа на этот вопрос это — проблема присутствия или природы присутствия Англии в Сообществе». Франция не требует выхода Англии из Сообщества, пояснил Шандернагор, но «недопустимо, чтобы она блокировала Сообщество и пыталась заставить девять других партнеров подчиниться своей концепции Сообщества и своим собственным интересам... Нельзя уступать шантажу, к которому

она прибегает...». Не стоит ли подумать об изменении условий принадлежности Англии к ЕЭС, чтобы вывести Сообщество из кризиса, заметил журналистам Шейсон. Тэтчер парировала этот выпад заявлением в палате общин о намерении Англии оставаться «полноправным членом Европейского сообщества», пообещав трудную жизнь партнерам. Однако уже 24 мая на совете министров «десятки» в Брюсселе был достигнут компромисс: англичане пошли на попятную, согласившись на компенсацию бюджетного взноса в размере 750 млн. экю вместо требуемых 1400 млн. и ввод в действие согласованных цен на продукцию сельского хозяйства на текущий год, а ряд членов «десятки», включая Францию и ФРГ, продлили эмбарго на товары из Аргентины «на неопределенный срок».

После высадки британских войск на Фолклендских островах 21 мая 1982 г. Лондон еще более нуждался в согласии с партнерами по ЕЭС. Отсюда его, казалось бы, неожиданная уступчивость. Атлантическая солидарность диктовала «десятке» оказание поддержки Лондону. «Никогда еще отношения между Великобританией и Сообществом не были так хороши», — возрадовался Шейсон. Но радоваться было рано... Полного удовлетворения своих финансовых претензий англичане не добились и складывать оружие не собирались, отложив очередную схватку с партнерами до лучших времен.

В отношении фолклендского конфликта Франция заняла двойственную позицию. С самого начала конфликта Париж, стремившийся нейтрализовать неблагоприятную реакцию латиноамериканских стран, усиленно подчеркивал, что он «никогда не формулировал свою позицию о юридическом положении» Фолклендских (Мальвинских) островов, т. е. по существу проблемы суверенитета, и выступал за урегулирование путем переговоров.

Это вызывало подозрительность и раздражение в Лондоне. Дело дошло до того, что британская пресса обвинила Францию в двурушничестве: 25 июля 1982 г. «Санди таймс» сообщила, что после начала фолклендского конфликта французские специалисты продолжали обслуживать ракеты «Экзосет» на самолетах «Сюпер-Этандар», поставленных аргентинскому ВМФ французской фирмой «Дассо», и этими ракетами было потоплено два британских военных судна. Министерство обороны Франции опровергло это сообщение, но «Санди таймс» настаивала на своем. Инцидент постепенно сошел на

нет, так как обе стороны не были склонны раздувать его.

22 сентября 1982 г. руководитель Форин оффиса Ф. Пим посетил Шейсона и вновь поднял вопрос о компенсации британского бюджетного взноса в казну ЕЭС. С французской стороны ему было заявлено, что состояние финансов Франции не позволяет ей идти на уступки Англии. В Лондоне рассердились и начали иронизировать публично по поводу «побед» экономической политики французских социалистов. Париж отреагировал с неменьшей иронией. Представитель Елисейского дворца по связям с печатью посоветовал британскому правительству, раз уж оно начало хулить экономическую политику Франции, пойти на сокращение той финансовой помощи, которую оно получает от Франции через бюджетную компенсацию и которая достигла в 1982 г. более 2 млрд. франков. Французы припугнули англичан и тем, что могут поддержать на сессии Генеральной Ассамблеи ООН латиноамериканский проект резолюции по фолклендскому вопросу.

Все это не вселяло оптимизма в отношении результатов очередной встречи Миттерана с Тэтчер, проходившей в Париже 4—5 ноября 1982 г. Правда, Миттеран разрядил обстановку, приняв решение о том, что в ООН при голосовании по фолклендскому вопросу Франция воздержится. Однако финансово-экономические противоречия от этого не уменьшились. Никаких договоренностей по «британской проблеме в ЕЭС» не было достигнуто. Единственным конкретным результатом «Монд» назвала решение о проведении ежемесячных совещаний уполномоченных обоих правительств для рассмотрения существующих спорных вопросов. Еще одним, куда более важным позитивным результатом встречи можно считать выявление в ходе переговоров общности взглядов сторон в отрицательной оценке действий американской администрации в отношении газопровода Сибирь — Западная Европа. Но на франко-британские двусторонние связи в экономической области он не повлиял. Буквально через неделю после парижской встречи Эдит Крессон объявила, что «все несчастья для французского сельского хозяйства исходят от Англии».

На совещании министров иностранных дел стран Общего рынка в Бонне в середине мая 1983 г. Шейсон выдвинул ультиматум: Великобритания не получит никакой компенсации в 1983 г., «если не будет выработано

решение проблемы в долгосрочной перспективе». Геншер высказался в том же духе. Лондон продолжал настаивать на своем требовании покрытия отрицательного сальдо в финансовых расчетах Англии с ЕЭС на 2/3, ссылаясь на практику прошлых лет. Он выступил одновременно и против увеличения отчислений из сумм, получаемых от сбора налога на прибавленную стоимость (ТВА), сверх установленного ЕЭС 1%. На заседании Европейского совета в Штутгарте 17—19 июня 1983 г. Тэтчер настаивала на получении компенсации для Англии за 1983 г. в размере 1,32 млрд. экю, но остальные участники не согласились, предложив только 750 млн. Причем Франция обусловила свое согласие на это решением вопроса об увеличении собственных ресурсов ЕЭС. По словам премьер-министра П. Моруа, канцлер Г. Коль и ряд других глав правительств стран — членов ЕЭС поддержали это условие. Министрам иностранных дел и финансов поручили провести комплексные переговоры и подготовить рекомендации по всем экономическим проблемам Общего рынка к следующей сессии Европейского совета «в пакете». Согласно специальной декларации по бюджетным вопросам, переговоры должны были покрывать проблему британского взноса, финансирование Сообщества в будущем, его расширение, реформу сельскохозяйственной политики и развитие сотрудничества на других направлениях. Была принята также «торжественная декларация о Европейском союзе», поставившая задачу активизации процесса политической интеграции «десятки».

В ходе комплексных переговоров по финансово-экономическим проблемам ЕЭС в 1983 г., проходивших в обстановке острых противоречий, положительных результатов достигнуть не удалось, несмотря на согласие Франции пойти навстречу Англии и ФРГ, настаивавшим на реформе общей сельскохозяйственной политики с целью сокращения расходов «десятки» на субсидии аграриям, выросших за период 1975—1983 гг. с 4,5 до 15,9 млрд. экю. Во время очередной встречи Миттерана с Тэтчер (Лондон, октябрь 1983 г.) ему не удалось повлиять на жесткую позицию британских тори. Руководители Франции и Англии разошлись в оценке реальных путей преодоления кризиса ЕЭС. Не привело к каким-либо ощутимым результатам и обсуждение этой проблемы на заседаниях совета министров ЕЭС 28—29 ноября в Брюсселе и Европейского совета 4—6 декабря 1983 г.

в Афинах, что дало Шейсону основания заявить: «Малой Европе грозит крушение».

Отвечая на запросы депутатов Национального собрания, премьер-министр П. Моруа сказал: «Франция была готова пройти свою часть пути и попросить своих сельских хозяев согласиться на разумную дисциплину... Мы были уверены, что развитие ЕЭС позволяет каждой стране все более четко осознавать извлекаемые ею выгоды... В предстоящие месяцы Франция постарается поставить перед партнерами вопросы, имеющие фундаментальное значение для будущего Европы...» Намек Моруа на возможные уступки со стороны Франции обеспокоил французских аграриев, и правительство заверило их, что базовыми принципами ЕЭС оно жертвовать не намерено. То же самое было сказано и в интервью Моруа лондонской газете «Таймс». Но коварный Альбион еще попортит немало крови Марианне в период ее председательства в ЕЭС.

На южном фланге

В своем стремлении уравновесить влияние ФРГ и Англии в «малой Европе» французские правительства и до Миттерана обращали внимание на средиземноморский фланг ЕЭС. Париж поддержал прием Греции в Сообщество* и положительно отнесся к просьбам Португалии и Испании о принятии их в Общий рынок. Франция при этом вполне учитывала риск усиления конкуренции со стороны португальских и особенно испанских производителей овощей, фруктов, вина, оливкового масла, текстиля, черных металлов, причем не только для производителей такого рода товаров, скажем, во Франции и Италии, но и для традиционных поставщиков продовольствия из стран Магриба, от привязки которых к экономической системе ЕЭС Западная Европа отнюдь не желала отказываться прежде всего по политическим и социальным мотивам. Но французские правящие круги считали, что Франция, как и другие члены ЕЭС, выиграет от открытия рынка за Пиренеями для зерна и мяса, для промышленных товаров и услуг. А самое главное было в том, что через вступление в Общий рынок Испания и Португалия еще теснее привязывались политически к системе Евро-

* Греция стала членом ЕЭС с 1 января 1982 г.

пейского сообщества. Что касается экономических рисков, то их собрались нейтрализовать, оговорив определенные гарантии в договорах о вступлении этих стран и предварив заключение этих договоров приспособлением регламентации торговли внутри ЕЭС к новым реалиям. Взяв курс на создание условий, позволяющих вовлечь в него новых членов без ущерба для собственных интересов, французское правительство активизировало диалог с Италией, ибо расширение средиземноморского фланга Сообщества волновало ее не меньше, чем Францию.

Смена президента и парламентского большинства во Франции обострила проблему расширения Общего рынка ввиду того, что коммунисты и многие социалисты решительно возражали против этого, опасаясь сокращения национального производства и появления новых тысяч безработных. К тому же и с Италией дела складывались довольно непросто, прежде всего из-за конкуренции в торговле продукцией сельского хозяйства средиземноморской зоны.

В начале июня 1981 г. Шейсон отправился в Рим, чтобы продемонстрировать стремление нового французского руководства поддерживать дружеские связи с Италией. Взаимопонимание в политических вопросах было достигнуто без труда. «Твердость» в отношении СССР без разрыва экономических связей, размещение американских крылатых ракет с ядерными боезарядами в Сицилии — по всем этим и тому подобным позициям демохристианская Италия и «социалистическая» Франция обнаружили большое сходство во взглядах. Куда сложнее оказалось выйти из кризиса, вызванного инцидентами между французскими виноделами и импортерами итальянского вина.

10 августа 1981 г. французские таможенники задержали выгрузку итальянского вина в порту Сет. Премьер-министр Моруа одобрил их действия и пообещал обложить пошлиной слишком дешевое итальянское вино. В тот же день правительство Италии обратилось в КЕС с требованием вмешаться в спор. Франция предложила решить его путем «глубокой модификации» правил ЕЭС, относящихся к торговле вином. 18 августа в Брюсселе под эгидой КЕС состоялись франко-итальянские переговоры, окончившиеся безрезультатно. Брюссельская комиссия напомнила Франции о правилах свободного движения товаров внутри ЕЭС и потребовала снять таможенные пломбы с задержанных итальянских

судов. Париж проигнорировал это требование, вызвав гневную реакцию Рима. И не только Рима. Сицилийские виноделы пригрозили бойкотом французских товаров, что нанесло бы серьезный удар по сбыту французской сельскохозяйственной продукции, экспорт которой в Италию оценивался в 12 млрд. франков. Заседание комитета управления рынками вина в ЕЭС 25—26 августа ничего не дало. На фронтах «винной войны» все осталось, казалось бы, без перемен, но с 31 августа французская таможня начала в небольших количествах пропускать итальянское вино через границу, а в октябре Париж принял решение деблокировать в течение двух месяцев весь задержанный в Сете миллион гектолитров. Наступила передышка.

18—19 ноября 1981 г. в Париже с официальным визитом находился председатель Совета министров Италии Джованни Спадолини, беседа которого с Миттераном обнаружила «полную идентичность взглядов по проблемам Европы». Французский президент одобрил итало-западногерманскую инициативу стимулирования политической интеграции стран ЕЭС (план Коломбо — Геншера, названный по имени соответствующих министров иностранных дел). У Моруа глава итальянского правительства встретил понимание в вопросах борьбы с терроризмом. Договорились в принципе и по вопросам реформы общей сельскохозяйственной политики ЕЭС.

Официальный рабочий визит Миттерана в Рим 26—27 февраля 1982 г. проходил в духе «переуравновешивания» Сообщества в сторону Средиземноморья. При этом с французской стороны делался вид, что с прежней политикой оси Париж — Бонн покончено, и отныне с Италией будут налажены чуть ли не столь же тесные отношения. Итальянцы такого рода декларации встретили с удовлетворением, надеясь, что обоюдная заинтересованность в защите сельского хозяйства «малой Европы» побудит Францию и Италию урегулировать имеющиеся между ними проблемы и действовать заодно. В беседах в Риме участвовало 14 членов обоих правительств. Спадолини заявил в этой связи, что он и Миттеран провели «первый совет министров двух стран» и что «это фундаментальное нововведение... должно вылиться в создание системы периодических консультаций, вписывающихся в ту же схему, что присуща отношениям между Францией и Западной Германией». Стороны договорились о совместных с ФРГ действиях по оказанию со-

противления американской валютной политике. Поставили они перед собой и задачу покончить с «винной войной», которая, по словам Миттерана, вспыхивает каждый год по нескольку раз. Французский президент попытался вывести этот вопрос за рамки двусторонних отношений. «Надо, чтобы Сообщество осознало, — сказал Миттеран, — что оно должно обеспечить средиземноморской продукции такое же положение, каким пользуется продукция Севера Европы, особенно в связи с проблемой вступления в Общий рынок Португалии и Испании. Расширение ЕЭС окажется невозможным без лучшего сплочения десяти государств-членов в этом деле». Позиция эта была не новой. Ее придерживался и Жискар д'Эстэн. Но на этот раз удалось достичь согласия с итальянцами о выработке общей линии. В Париже считали, что Миттерану удалось завоевать Рим на свою сторону в вопросах «европейского строительства». Обеспечил он себе и некоторый задел на будущее, встретившись в Риме с лидерами основных политических партий, включая социалиста Беттино Кракси, который вскоре возглавил итальянское правительство, и Генерального секретаря ИКП Энрико Берлингуэра. Обоих через несколько дней он принимал в Париже.

Визит во Францию президента Италии Сандро Пертини (5—9 июля 1982 г.) был ориентирован на преимущественное обсуждение проблем ЕЭС. Накануне в интервью итальянской газете «Стампа» Миттеран сделал акцент на общности интересов двух стран в том, что касается эволюции средиземноморского региона. Но разговор по конкретным вопросам, относящимся к проблемам Средиземноморья в связи с кандидатурой Испании и Португалии в Общий рынок, носил, по словам итальянского министра иностранных дел Коломбо, «теоретический характер».

В конце января 1983 г., во время визита в Марокко, Миттеран выдвинул идею созыва конференции стран Западного Средиземноморья. Итальянцы поддержали ее. Новый председатель Совета министров Италии Аминторе Фанфани на встрече с Миттераном в Париже 14—15 февраля заявил об этом официально, увязав французский проект с проблемами, которые возникнут для европейских и африканских стран Средиземноморья после вступления в ЕЭС Испании и Португалии. Однако идея созыва такой конференции не вызвала энтузиазма у других возможных участников, и она не состоялась.

Миттеран и Фанфани объявили, что отныне франко-итальянские совещания в верхах будут проходить дважды в год наподобие франко-западногерманских встреч. Это решение было призвано способствовать улучшению климата в отношениях между двумя странами и активизации их двусторонних связей, тем более что «винная война» уже утихла.

Свою первую поездку за рубеж новый глава итальянского правительства социалист Беттино Кракси начал с Парижа, где 15 сентября 1983 г. встречался с Миттераном и Моруа. К этому времени уже достаточно выявилась близость позиций Рима и Парижа не только по целому ряду международных проблем, но и в области «европейского строительства». Итальянцы, как и французы, считали, что необходимо увеличить собственные ресурсы Сообщества, окончательно урегулировать «британскую проблему», реорганизовать рынок продукции сельского хозяйства средиземноморской зоны до приема в ЕЭС Испании и Португалии. Одинаково видели они и перспективы промышленной политики Общего рынка. Париж надеялся на поддержку Италией своего меморандума о создании «пространства промышленности и научных исследований», внесенного на рассмотрение ЕЭС. Обсуждался и вопрос об устранении трений в двусторонних отношениях. Париж был особо озабочен отрицательным сальдо в торговле с Италией, достигшим 4,3 млрд. франков. По окончании визита Б. Кракси Елисейский дворец подчеркнул «большую идентичность взглядов» Парижа и Рима, особенно в отношении «евроракет» и Ливана, а о том, как прошло обсуждение других вопросов, умолчал. Развитие франко-итальянского сотрудничества продолжалось и в других областях. В начале ноября министры обороны обеих стран подписали в Риме рамочное соглашение о военном сотрудничестве, предусматривавшее совместное проектирование и производство противотанковых ракет, баллистических ракет средней дальности, истребителей, технологические разработки других видов современного оружия. Углублялось экономическое и научно-техническое сотрудничество в области авиастроения, электроники, информатики, энергетики. Согласовывались внешнеполитические позиции.

17—18 ноября 1983 г. состоялся второй франко-итальянский «совет министров», на этот раз в Венеции. Запланированной демонстрации единства не получилось. Встреча прошла в обстановке разногласий, которые кос-

нулись прежде всего такого острого вопроса, как оценка соотношения ядерных сил в Европе: итальянцы дали понять, что не учитывать французский потенциал по меньшей мере нереалистично, ибо он расположен «отнюдь не на Луне». Не приняли они и «аргументов» Миттерана, пытавшегося оправдать бомбардировку французской авиацией позиций прогрессивных сил Ливана. Не получилось «стыковки» и в вопросе расширения ЕЭС. Кракси высказал мнение, что бесконечно откладывать прием Испании и Португалии нельзя.

Позиция Франции по этому вопросу стала камнем преткновения в ее отношениях с Португалией и особенно с Испанией, которая к тому же предъявляла постоянные претензии к Франции по баскскому вопросу, обвиняя Париж в укрывательстве террористических элементов из числа баскских автономистов.

С самого начала Миттеран и его министры увязали расширение ЕЭС с предварительной перестройкой его сельскохозяйственной политики. Шандернагор заявил об этом летом 1981 г., а бывшая тогда министром сельского хозяйства Эдит Крессон открыто грозила, что социалисты будут голосовать против вступления Испании в ЕЭС, так как от этого могут пострадать французские сельские хозяева.

С Португалией дело было несколько проще, поскольку она не представляла серьезной угрозы для французской экономики. Накануне визита в Лиссабон (11—12 декабря 1981 г.) Миттеран в интервью португальскому телевидению пообещал, что Португалия может вступить в ЕЭС раньше Испании. Однако другие члены Общего рынка считали, что переговоры с обеими странами должны идти одновременно. Поэтому через некоторое время Франции пришлось скорректировать свою позицию, и в июне 1982 г. Моруа уже говорил португальскому премьер-министру Пинто Бальсемао, посетившему Париж, что для успешного завершения переговоров надо «урегулировать трудные проблемы, например некоторые вопросы, относящиеся к сельскому хозяйству и промышленности, а также финансовые аспекты», причем — до вступления Португалии.

Париж, стремясь улучшить свои отношения с Испанией, поддержал ее присоединение к НАТО, однако главный вопрос, интересовавший Испанию в ее отношениях с Францией, а именно устранение препятствий к вступлению в ЕЭС, оставался нерешенным. Испанское прави-

тельство открыто обвиняло Францию в том, что именно она сдерживает прием Испании в Сообщество. Контакты на уровне министров не давали никаких результатов. В июне 1982 г. Миттеран сам отправился в Мадрид с официальным визитом, дабы показать испанцам, что Франция придает большое значение своему запиренейскому соседу и хочет жить в согласии с ним. В Париже не могли не учитывать, что Испания стала крупным экономическим партнером Франции, занявшей первое место среди импортеров испанских товаров и четвертое среди поставщиков Испании. На испанской территории разместилось более тысячи французских предприятий. Весьма значительным был поток французских туристов в Испанию. Кроме того, французское руководство учитывало и перспективу прихода к власти в Испании социалистической партии.

В интервью испанской газете «Эль паис» Миттеран подчеркнул политическую целесообразность вступления Испании в ЕЭС и отрицал, что Франция выдвигает в связи с этим предварительные условия. В то же время он сказал, что появление нового члена в Сообществе представляется «опасным» с экономической точки зрения, поскольку принесет «дополнительные противоречия» Сообществу, которое не решило собственных проблем.

На заседании Европейского совета в Брюсселе (28—29 июня 1982 г.) Миттеран выступил с инициативой рассмотрения «испанского досье», заявив, что политически Франция — за прием Испании в ЕЭС, который должен быть обусловлен решением связанных с этим проблем. Условия, выдвигаемые Францией, оставались все теми же: определение четких обязательств для Испании в том, что касается экспорта вина, фруктов, овощей, оливкового масла, цветов, рыболовства, и перестройка общей сельскохозяйственной политики в целях ограждения интересов других стран ЕЭС, в особенности Франции и Италии. Эта линия была подтверждена и после победы испанских социалистов на парламентских выборах в октябре 1982 г. Испания попыталась сдвинуть дело с мертвой точки, пойдя на ряд уступок. 10—11 января 1983 г. министр иностранных дел Фернандо Моран в беседах с Шейсоном и другими французскими министрами заменил требование определения точного срока вступления Испании в Общий рынок предложением установить календарь переговоров, согласился с необходимостью предварительной реформы регламентации тор-

говли сельскохозяйственными продуктами. Моран выразил также удовлетворение улучшением сотрудничества между Испанией и Францией в вопросах борьбы с терроризмом. Шейсон в свою очередь отметил позитивный аспект испанской кандидатуры в Общий рынок: она побуждает сторонников вступления Испании заняться, наконец, рассмотрением проблемы равновесия между Севером и Югом Сообщества в области сельского хозяйства. Особо подчеркивались при этом «общие идеалы», связанные с западной солидарностью в международных вопросах, подходом к диалогу Север — Юг, оценкой положения в Латинской Америке и т. п.

Но решение вопроса о приеме Испании в Сообщество все откладывалось и откладывалось. И Мадрид начал активно нажимать на Англию и ФРГ, которые, поддерживая кандидатуру Испании, блокировали рассмотрение проблем средиземноморского сельского хозяйства и увеличения собственных ресурсов ЕЭС, как того добивался Париж. Однако заседавший в Штутгарте (17—19 июня 1983 г.) Европейский совет, увязав в один «пакет» все проблемы Сообщества, вновь отложил их решение. Вскоре после этого недалеко от Сеговии встретились 12 испанских и французских министров. Обсуждение ими международных проблем не вызвало сколько-нибудь серьезных разногласий. Договорились они и о развитии двустороннего промышленного, научно-технического и культурного сотрудничества. Главной же темой переговоров было все то же вступление Испании в ЕЭС. Испанские министры выразили надежду, что окончательное решение будет принято до конца 1984 г. и что французское председательство в Сообществе поможет этому.

Испания и Португалия продолжали усиливать нажим на «десятку», давая понять, что им может надоесть топтаться у ворот ЕЭС и они обратят свои взоры в другую сторону, за океан. 18 ноября 1983 г. Фелипе Гонзалес направил главам правительств стран Сообщества открытое письмо с требованием занять «ясную позицию» и принять на заседании Европейского совета в Афинах решение о завершении переговоров в течение 1984 г. с тем, чтобы полная интеграция Испании в ЕЭС завершилась к 1 января 1986 г. Португальский премьер М. Соареш, полагая, что «португальское досье» должно быть легче для «десятки», чем испанское, требовал, чтобы Португалия вступила в Сообщество в первой половине 1984 г., во всяком случае раньше Испании. После встречи

с Колем в Бонне 24—25 ноября 1983 г. Миттеран высказался за то, чтобы Испании и Португалии был дан «ясный ответ в относительно короткие сроки». И хотя Евросовет в Афинах (4—6 декабря 1983 г.) такого ответа не дал, Париж постарался заверить кандидатов, что сделает все возможное для ускорения переговоров.

Компромиссы Фонтенбло

С 1 января 1984 г. Франция приступила к выполнению функций председателя Сообщества в течение последующих шести месяцев. Перед французскими государственными деятелями стояла архитрудная задача попытаться размотать клубок противоречий, раздиравших ЕЭС, и найти решение проблем, блокировавших его дальнейшую деятельность. В Париже решили действовать осторожно, отказались от широковещательных деклараций и обещаний и заранее объявили, что не ожидают чудес. Переговоры с партнерами по ЕЭС отличались большой секретностью, а все нити управления процессом подготовки возможных компромиссов были сосредоточены в Елисейском дворце. Главным средством достижения договоренностей стала активная дипломатия президента Франции, который посетил столицы всех стран Сообщества и принимал глав правительств этих стран в Париже. За полгода состоялось около двадцати таких двусторонних встреч на высшем уровне, не считая контактов на заседаниях Европейского совета и совещании «большой семерки» в Лондоне. Основной упор был сделан на переговоры с Лондоном, Бонном и Римом. Параллельно премьер-министр Моруа встречался с руководителями Испании и Португалии. Интенсивные контакты поддерживали с коллегами председательствовавшие на заседаниях совета министров ЕЭС французские министры: внешних сношений, сельского хозяйства, экономики и финансов, научных исследований и промышленности, внешней торговли, не говоря уже о новом министре европейских дел Ролане Дюма, ведомство которого было выделено из подчинения министерству внешних сношений и работало под непосредственным руководством Елисейского дворца.

По данным, просочившимся в западную прессу, Франция наметила следующие цели своей политики в отношении ЕЭС: «обуздать» расходы Общего рынка, не жертвуя интересами сельского хозяйства; добиться упразднe-

ния компенсационных валютных сумм (КВС); лишить постоянного характера финансовую компенсацию Англии; предварить расширение Сообщества решением связанных с этим проблем; поставить под контроль импорт извне; попытаться продвинуть французские предложения в области «новых политик» ЕЭС (промышленность, научные исследования, информатика, энергетика, транспорт); развивать внешнеполитическое сотрудничество в рамках Сообщества; совершенствовать его политические структуры.

18 января Шейсон выступил в Страсбурге с пространной речью в «европарламенте». Он информировал его депутатов о том, как французское правительство собирается «урегулировать спорные вопросы» и придать Сообществу «новое дыхание». Говоря о сельскохозяйственной политике, Шейсон признал необходимость ее упорядочения, включая решение проблемы излишков продукции, настаивал на укреплении преференций в отношении товаров, производимых внутри ЕЭС, и защите их пошлинами от иностранной, особенно американской, конкуренции. Напомнив, что Римский договор, на котором покоится здание «малой Европы», отнюдь не предусматривает финансовых компенсаций, ежегодно требуемых Англией, Шейсон дал понять, что компромисса с ней надо искать с учетом этого обстоятельства. В своем выступлении он отстаивал необходимость единой политики в области промышленного сотрудничества и научных исследований, ориентированных на передовую технологию, торговли с внешним миром, социальных проблем, остроту которых подчеркивал факт возрастания армии безработных в странах «десятки» до 12 млн. и кризис ряда отраслей промышленности, особенно черной металлургии, энергетики и транспорта. По мнению Шейсона, переговоры о расширении Сообщества могли бы быть успешно завершены при условии, если акты о присоединении Испании и Португалии будут уравновешены решениями, гарантирующими «законные интересы» как государств «десятки», так и вступающих в нее стран. Кроме того, он поставил вопрос об учете интересов тех средиземноморских стран, которые ассоциированы с Общим рынком и конкурируют с Испанией и Португалией.

Подчеркнув привилегированный характер политических связей «десятки» с США, Шейсон вместе с тем призвал к «укреплению сплоченности европейских стран перед лицом эволюции доллара и учетных ставок», а

также к «самой большой бдительности» в отношении торговой экспансии Японии. Он упомянул о переговорах со странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ) на предмет заключения третьей Ломейской конвенции и о совместных действиях «в пользу центральноамериканской группы» (что впоследствии привело к установлению экономического сотрудничества между ЕЭС и Центральноамериканским общим рынком). Коснулся Шейсон и экономических отношений, которые «Сообщество желает развивать со странами Восточной Европы». Дополнив этот тезис дежурными словами о «разделенной» Европе, он высказался тем не менее за «диалог во всех областях» и отверг «принцип санкций и бойкотов».

Зондаж позиций и выявление возможностей достижения согласия Париж начал с самого трудного — новой попытки навести мосты через Ла-Манш. 23 января 1984 г. Маргарет Тэтчер прилетела в Париж. В удаленном от столичной сутолоки и гласности пригороде — Марли-Ле-Руа, где у правительства есть особняк, предназначенный для конфиденциальных встреч, британский премьер-министр и французский президент провели «первое прощупывание пульса европейских дел» в период председательства Франции и опять остались на своих позициях. Тэтчер продолжала настаивать на своем, игнорируя правила ЕЭС, выполнение которых само по себе сократило бы ее взнос в общий бюджет, и добивалась сокращения субсидий аграриям стран «десятки».

2 февраля Миттеран провел такую же «неофициальную» встречу с канцлером Колем в Эденкобене (Пфальц). Коль проявил интерес к высказанным Миттераном идеям и предложил продолжить обмен мнениями в конце февраля, после того как французский президент проведет переговоры с остальными партнерами.

В канун своего визита в Голландию Миттеран приоткрыл один из своих «козырей»: намерение сделать шаги навстречу сторонникам политической интеграции Европейского сообщества. В интервью голландской газете «Хандельсблад», признав нереалистичность проектов превращения «десятки» в конфедерацию, а тем более в федерацию государств в ближайшее время, Миттеран тем не менее заявил, что «федеративная Европа — это желанная цель». Это уже было нечто новое по сравнению с заявлениями Моруа о нежелании выбирать между наднациональностью и антинаднациональностью, которые

делались в самом начале миттерановского семилетия, очевидно, с целью усыпить бдительность тех, кто выступал за деголлевскую «Европу государств» и проводил курс на усиление межгосударственной основы политических отношений между членами Сообщества.

Еще в августе 1981 г. министр иностранных дел ФРГ Геншер выдвинул идею «нового договора, в котором сплавились бы Европейское сообщество и Европейский совет» (последний, как известно, Римским договором предусмотрен не был и представляет собой институт, действующий на межгосударственной основе). Геншер предложил также создать совет министров по вопросам безопасности и другой совет — по вопросам культурного сотрудничества. Не найдя поддержки со стороны большинства партнеров по ЕЭС, Бонн «подправил» свое предложение: в сентябре 1981 г. речь уже шла не о договоре, а о некоем «акте о Европейском союзе», в силу которого Европейский совет должен был стать исполнительным органом Сообщества, подотчетным «европарламенту», компетенция которого значительно расширялась. Наднациональный характер этой затеи был очевиден. Рим ее поддержал. Остальные столицы стран «десятки» промолчали. Париж сообщил, что западногерманское предложение изучается.

В октябре 1981 г. министры иностранных дел «десятки» договорились создать нечто вроде секретариата при председателе Сообщества в составе представителей министерств иностранных дел председательствующего государства, его предшественника и его преемника. На случай международных кризисов было решено собирать в срочном порядке политический комитет, состоящий обычно из директоров политических департаментов министерств иностранных дел или самих министров. Это решение, казалось бы, не имело наднационального характера, и вполне укладывалось в рамки политического сотрудничества, осуществляемого на межправительственной основе. Но уже в ноябре 1981 г. под видом усиления центральной роли Евросовета Бонн и Рим совместно выдвинули «план Геншера—Коломбо». Весь этот план Париж тогда не поддержал, но идею подотчетности председателя Сообщества «европарламенту» принял, сделав таким образом первый серьезный шаг в сторону от политики своих предшественников. В мае 1982 г. на заседании совета министров ЕЭС «десятка» нарушила принцип единогласия, игнорировав британское вето при

решении вопроса о ценах на сельскохозяйственную продукцию. В октябре того же года «европарламент» одобрил «Европейский акт». Против голосовали только французские коммунисты и датские социал-демократы. Одним из проявлений линии французского правительства на поощрение наднациональных тенденций в «европейском строительстве» было выдвижение французским министром юстиции проекта учреждения европейского уголовного суда, который даже его коллегам в странах ЕЭС показался нереалистичным «забеганием вперед».

19 июня 1983 г. в Штутгарте Евросовет принял «торжественную декларацию о Европейском союзе», согласно которой очередной председатель Сообщества должен отчитываться перед «европарламентом» после каждого заседания Евросовета и представлять «европарламенту» ежегодные доклады «об успехах на пути к Европейскому союзу». Декларация вменила в обязанности совета министров ЕЭС, его членов и Комиссии европейских сообществ отвечать на запросы депутатов «европарламента» и принятые им резолюции. Поддержав этот документ, порожденный «планом Геншера — Коломбо», Франция заметно продвинулась в поощрении федерализма.

Проведя первый тур переговоров с главами правительств «десятки», в феврале 1984 г. Миттеран снова встретился с Колем в Париже, а в начале марта отправился в Чекерс для переговоров с Тэтчер. В ходе этих контактов начал вырисовываться компромисс по финансовым вопросам. Франция предложила связать увеличение ресурсов Сообщества с усилением дисциплины в расходовании средств, компенсировать Бонну отмену КВС, удовлетворить требования Лондона путем введения системы перерасчетов для всех членов ЕЭС. Однако если у Коля Миттеран нашел понимание, то Тэтчер продолжала стоять на своем, требуя увековечения «возврата» $^2/_3$ британской «переплаты» в кассу ЕЭС.

Заседавший в Брюсселе 19—20 марта Евросовет споткнулся, как и можно было ожидать, на упрямстве «железной леди», продолжавшей требовать 1,5 млрд. экю и отвергшей предлагавшиеся 750 млн. По инициативе канцлера Коля был выдвинут компромиссный вариант: выплачивать Англии по одному миллиарду в течение пяти лет. Но и это, как и ряд других, предложение Тэтчер не приняла. Евросовет зашел в тупик. Миттеран, не скрывавший разочарования итогами этого заседания, не считал его полностью неудавшимся. Он исходил из

того, что ряд договоренностей в Брюсселе все же был зафиксирован, включая отмену КВС и повышение отчислений от ТВА с 1,0 до 1,4% с 1 января 1986 г. и до 1,6% с 1 января 1988 г., че добивалась Франция. Было решено также заблокировать выплату Англии 750 млн. экю в счет компенсации за 1983 г. Более того, в Париже дали понять Лондону, что «десятка» вообще может обойтись без Англии. «Нельзя быть одновременно внутри и вне» Сообщества, заявил Миттеран, и пригласил «тех, кто хочет, чтобы Европа строилась», собраться на конференцию. Правда, при этом он уточнил, что сам он желает чтобы участников было все же десять. Но намек был понят. Причем его подхватила и французская оппозиция. Обвинив Миттерана в том, что он «плохо сыграл» в Брюсселе, лидер ОПР — мэр Парижа Жак Ширак предложил, чтобы Англия «отключилась» от общей сельскохозяйственной политики, раз она ее не устраивает.

Тэтчер перешла в наступление. Она отказалась выплачивать очередной взнос в бюджет ЕЭС и встретиться с Миттераном на открытии западноевропейского исследовательского термоядерного центра «Джет» в Калхэме (Оксфордшир). Французскому президенту ничего не оставалось делать, как начать новый тур переговоров, рассчитывая прежде всего на помощь Бонна и Рима.

В течение апреля, мая и июня 1984 г. продолжались переговоры по всем аспектам «пакета» проблем, стоявших перед Сообществом, но британский замок заклинило. Визит Тэтчер в Елисейский дворец 4 мая не внес изменений в ее позицию. В этих условиях важно было не дать англичанам внести разброд в ряды других партнеров. Особое внимание Париж уделял Бонну. 20 мая Миттеран встречался с канцлером ФРГ в Саарбрюкене. 28—29 мая переговоры между ними были продолжены в Рамбуйе. В промежутке между этими встречами, 24 мая, Миттеран выступил в «европарламенте» в Страсбурге и, нарисовав радужную картину возможностей новых форм сотрудничества между странами «десятки» в самых различных областях (электроника, освоение космоса, ядерная энергетика, телекоммуникации, биотехнология, окружающая среда, транспорт, культурные связи и т. д.), сделал ряд новых жестов в адрес сторонников политической интеграции Сообщества. Он предложил, в частности, ограничить применение права вето, усилить роль КЕС, создать «постоянный секретариат политического сотрудничества» и поддержал предложение заклю-

чить договор об учреждении Европейского союза в дополнение к Римскому договору (соответствующий проект договора был одобрен «европарламентом» в феврале 1984 г.). Коль пообещал Миттерану, что на заседании Евросовета в Фонтенбло будет придерживаться единой с ним позиции. Это было важно, но отнюдь не устранило всех препятствий.

Накануне встречи в Фонтенбло Сообщество увязло в трясине противоречий, которые усугублялись грубым давлением Вашингтона и американских монополий на экономическом фронте. Новый провал грозил серьезными последствиями Европейскому сообществу. И его лидеры сделали все, чтобы избежать такого исхода.

Евросовет в Фонтенбло (25—26 июня 1984 г.) подтвердил решения, принятые в Брюсселе и, как отмечалось в «выводах председателя», «принял новые ориентации относительно оживления европейского сотрудничества». Прежде всего его участникам удалось, наконец, разрубить гордиев узел «британской проблемы». Они ввели общий для всех принцип «корректировки» в случаях, когда будет сочтено, что бюджетный взнос государства-члена представляется чрезмерным в сравнении с уровнем его экономического положения. Было принято решение выплатить Англии 1 млрд. экю в счет 1984 г. (Напомним, что требовала она сначала 1,5, затем 1,25 млрд.) В течение следующих трех лет Англии будет возвращаться 66% разницы между той частью ее взноса в бюджет Сообщества, которая образуется из отчислений с налога на прибавленную стоимость (ТВА), и получаемыми ею субсидиями из бюджета ЕЭС, что составит на деле лишь 55% британского дефицита в финансовых расчетах с Сообществом, поскольку суммы, взимаемые в пользу последнего в виде таможенных пошлин, которыми облагается импорт в Англию из третьих стран (прежде всего из стран Британского содружества), из этого урегулирования по настоянию Франции были исключены. В результате сумма, которую предстояло выплатить Англии в 1985 г., должна была составить 1,32 млрд. экю.

Лондон снял свои возражения против увеличения собственных ресурсов Сообщества, согласно формуле, принятой на брюссельском заседании Евросовета. Это разблокировало переговоры о расширении Сообщества, дата завершения которых — 30 сентября 1984 г. — была утверждена в Фонтенбло.

ФРГ в обмен на согласие отказаться от позитивных КВС заручилась принятым в Фонтенбло решением поручить КЕС и совету министров ЕЭС разработать меры, позволяющие западногерманским сельским хозяевам сократить свои платежи ТВА в национальный бюджет на 5% в течение периода с 1 июля 1984 г. по 31 декабря 1988 г., что улучшало их экспортные возможности.

Евросовет в Фонтенбло сделал значительный шаг в области политической интеграции Сообщества, создав два специальных комитета в составе личных представителей глав государств и правительств стран-членов. Первому поручалось разработать меры по созданию «Европы граждан». Среди этих мер — учреждение единого паспорта (о чем впервые «десятка» договорилась в ходе заседания совета министров ЕЭС в Люксембурге 22 июня 1981 г.), флага и гимна Сообщества, унификация регламентации, регулирующей движение товаров, упразднение полицейских и таможенных формальностей на границах между странами Сообщества, введение единой системы эквивалентности университетских дипломов, «гармонизация» преподавания истории, формирование единых спортивных команд, чеканка «европейской» денежной единицы (экю), создание корпуса «европейских волонтеров» для работы в развивающихся странах и т. д. Второй специальный комитет должен был заняться подготовкой предложений об улучшении функционирования механизмов сотрудничества между странами-членами, в том числе в политической области.

Франсуа Миттеран по окончании встречи в Фонтенбло с облегчением заявил: «Спорных проблем больше нет». Однако успех этот был с явной червоточиной. Начать хотя бы с «британской проблемы», которая была решена отнюдь не окончательно, ибо по истечении трех лет Лондон вполне мог вновь поднять вопрос о компенсации своего взноса в бюджет Сообщества. Одно утешение, что на этот раз вроде бы договорились об ограниченности во времени достигнутого компромисса, который, по словам французского президента, не может служить прецедентом. Но это отнюдь не смущало Лондон, поскольку он добился главного: возможности возобновления дискуссии по истечении установленных сроков и фактического признания права на «законный возврат» переплаченных сумм. Такое стоило отказа от одной-двух сотен миллионов экю, заметил бывший премьер-министр Франции Морис Кув де Мюрвиль, оспоривший «триумф» Митте-

рана в Фонтенбло. К тому же и ФРГ удалось добиться снижения своей официальной квоты покрытия возвращаемых англичанам сумм с 36 до 24%, что вело к увеличению бремени для Франции и других членов Общего рынка.

Достигнутое в Фонтенбло согласие на компенсацию западногерманским сельским хозяевам сразу же вызвало отрицательную реакцию во Франции. Лидер французских аграриев Франсуа Гийом выразил недовольство по поводу «этих новых преимуществ», улучшающих конкурентоспособность зарейнских бауэров в ущерб французским фермерам. Дорогой ценой обошлось последним и утвержденное в Фонтенбло решение о сокращении производства молочных продуктов. Далеко не все препятствия были устранены и на пути вступления Испании и Португалии в ЕЭС.

Серьезными последствиями для суверенитета стран — членов Сообщества чреваты и решения, призванные стимулировать наднациональные тенденции и политическую интеграцию.

Подчеркивая «временный и шаткий характер компромисса, который радикально не решил ни одной проблемы и даже не застраховал «десятку» сколько-нибудь надежно от риска банкротства», советский экономист А. А. Кудрявцев справедливо отмечал, что решения, принятые в Фонтенбло, «напоминают скорее перемирие перед новыми схватками, нежели прочный мир». Жизнь подтвердила этот вывод.

Новые схватки

Последние дни своего председательства в ЕЭС Миттеран посвятил поездкам в Лиссабон (27 июня) и Мадрид (29 июня 1984 г.), где постарался преподнести решение Евросовета об ускорении переговоров о вступлении Португалии и Испании в Сообщество как заслугу своей личной дипломатии. Но, когда министры и дипломаты вплотную подошли к рассмотрению нерешенных проблем, они констатировали, что, если с Португалией дело обстоит в общем и целом довольно просто, то в «испанском досье» еще немало сложностей. Вопреки ранее делавшимся заявлениям оказалось, что угроза экспорту на рынки ЕЭС фруктов, овощей, оливкового масла и других товаров из стран Магриба оставалась не устраненной. В подвешенном состоянии находились вопросы урегулирования по-

ложения с рыболовством. Более того, продолжались стычки между французскими пограничниками и испанскими рыбаками. По признанию Шейсона, «десятку» беспокоило также сильное промышленное присутствие США в Испании. Испанцев в свою очередь не устраивало стремление «десятки» растянуть переходный период обретения ею всех прав члена ЕЭС. В результате к 30 сентября 1984 г. переговоры не были завершены. 6 октября Ролан Дюма заявил, что для подготовки договора о вступлении Испании и его ратификации потребуется еще не менее года, а обретение Испанией полноправия в Сообществе потребует не менее десяти лет. Очередная франко-испанская встреча с участием ведущих министров обоих правительств, состоявшаяся 19—20 октября в Барселоне, завершилась без конкретных выводов, хотя обе стороны и говорили журналистам о «сердечности» переговоров и выявлении «важных элементов согласия». Опасения испанцев относительно длительной затяжки переговоров не были развеяны. Премьер-министр Испании Фелипе Гонзалес в специальном письме главам государств и правительств стран ЕЭС выразил свое недовольство по этому поводу. Забеспокоился и португальский премьер-министр Мариу Соареш, который 19 октября вызвал послов стран «десятки» в Лиссабоне, чтобы напомнить им о необходимости «соблюдать политическое обязательство, взятое на совещании в Фонтенбло». 22—23 октября 1984 г. министрам иностранных дел «десятки» удалось решить некоторые технические вопросы расширения ЕЭС. Они заявили, что процесс интеграции Испании и Португалии стал «необратимым». Однако оставалось немало сложных нерешенных вопросов, среди которых — проблема допуска испанского рыболовного флота (60% тоннажа всех стран «десятки», вместе взятых) в 200-мильную экономическую зону ЕЭС, реорганизация рынка вина, установление квот на другие виды сельскохозяйственной продукции, бюджетная дисциплина и т. д. Не так просто, как хотелось Соарешу, добивавшемуся отдельных от Испании переговоров, складывалось дело и с приемом Португалии. Предметом острой дискуссии между Лиссабоном и «десяткой» были португальские сардины, конкурирующие с французскими и марокканскими, томаты и портвейн.

18—19 февраля 1985 г. состоялся очередной раунд переговоров ЕЭС с Испанией и Португалией. И на этот раз компромисса достигнуть не удалось. Установленный

в Фонтенбло срок вступления стран Иберийского полуострова в Сообщество — 1 января 1986 г. — оказался под вопросом.

В конце февраля проблема расширения ЕЭС обсуждалась Миттераном с главой правительства Италии, председательствовавшей в «десятке» в первой половине 1985 г., и с канцлером ФРГ. Было решено продвигать переговоры с Испанией и Португалией «любой ценой». Это означало готовность принесения в жертву интересов трудящихся Средиземноморских стран Сообщества. Именно так расценили, в частности, французские виноделы решение совета министров сельского хозяйства ЕЭС от 26 февраля о сокращении производства вина, равноценное уничтожению значительной части виноградников во Франции и Италии.

Вступление двух новых стран действительно создавало реальные трудности и для Сообщества, и для них самих. Но правящие круги ведущих стран «десятки» пошли на компромисс в расчете на усиление «западного лагеря», на укрепление пронатовских тенденций в Испании и Португалии, на расширение возможностей для своих ТНК. Кандидаты в Сообщество в свою очередь надеялись с помощью более развитых индустриальных государств Западной Европы модернизировать отсталые отрасли своей промышленности и полукустарное сельское хозяйство, получить доступ к передовой технологии, обеспечить гарантированный сбыт товаров на рынках ЕЭС и ассоциированных с ним развивающихся стран, улучшить положение сотен тысяч своих граждан, работающих за Пиренеями, и т. д.

Взаимная заинтересованность в конце концов взяла свое. 12 июня 1985 г. в Мадриде и Лиссабоне были подписаны договоры о приеме Испании и Португалии в Сообщество. В конце июня они уже приняли участие в работе Европейского совета, а с 1 июля — совета министров ЕЭС в качестве наблюдателей. 1 января 1986 г. они получили право голоса во всех органах Сообщества.

Не менее сложно развивались события и вокруг финансовых проблем. Лондон возобновил свою тактику саботажа, и «десятка» вновь погрузилась в пучину бюджетных споров.

23—26 октября 1984 г. Миттеран совершил государственный визит в Лондон, приуроченный к 80-й годовщине франко-британского «сердечного согласия». В произнесенных по этому случаю речах обе стороны заверяли

друг друга в дружбе, подчеркивая общность в политике «большой твердости» в отношении Советского Союза. Но в вопросах, касающихся будущего «малой Европы», единства взглядов Миттеран и Тэтчер не обнаружили, и французский президент был вынужден заявить, что, если не удастся достичь согласия до конца 1984 г., все «здание Сообщества вновь окажется под угрозой».

Не удалось Парижу сколько-нибудь продвинуть идею консолидации европейской валютной системы (ЕВС), функционирующей с 1979 г., и расширения роли экю. Здесь основным противником выступала уже не Англия, не входящая в ЕВС, а ФРГ, которая была инициатором ее создания вместе с Францией. Бонн опасался дополнительных издержек во имя стабилизации валютных курсов и выдвинул в качестве предварительных условий процесса валютной интеграции установление единых приоритетов экономической политики для всех стран ЕЭС (что практически невозможно) и уравновешенность их экономик (что весьма проблематично). Как справедливо заметил советский экономист А. Кудрявцев, консервация ЕВС в ее первоначальном виде «лишала Западную Европу возможности проводить независимый от США экономический курс».

Непродуктивными оказались и все меморандумы французского правительства об оживлении и углублении интеграционных процессов на таких направлениях, как борьба с безработицей («социальное пространство») и организация решительного отпора американской и японской экономической экспансии (меморандум об усилении торговой политики). «Европейский рынок, — констатировал в ноябре 1984 г. Ролан Дюма, бывший тогда министром по европейским делам, — остается расчлененным, сохраняются технические препоны обменам, неевропейские предприятия все более проникают за линию традиционных бастионов нашей промышленности, зависимость Сообщества в области передовой технологии не сокращается».

В октябре 1984 г. состоялось первое заседание созданного на Евросовете в Фонтенбло специального комитета по институционным вопросам. И здесь с самого начала обнаружился различный подход к тому, каким должен быть Европейский союз. Перспектива политической интеграции в ущерб национальному суверенитету устраивала далеко не всех. Интересно, что и кое-кто во Франции вспомнил о традиционной политике «Европы государств», которая проводилась во времена предшественников Мит-

терана на посту президента. Жак Ширак объявил проекты Европейского союза «не очень серьезными, не очень реалистичными» и, проведя четкое различие между «интегрированной Европой» и «Европой государств», подверг критике тех, кто «утратил чувство нации и независимости».

Основания для такой критики были Франция, которой в свое время принадлежала инициатива признания за каждым членом Сообщества права вето, призванного ограждать его «жизненные интересы», «обратилась в новую веру мажоритарного голосования». Как точно подметил французский буржуазный публицист Янн де л'Экотэ, среди социалистов всегда было больше всего «интеграционистов» — сторонников федеративного устройства Европейского сообщества. Именно в таком направлении работал указанный специальный комитет, получивший название «комитета Дуга» (по имени возглавившего его представителя правительства Ирландии).

Основной идеей «промежуточного» доклада, подготовленного комитетом и представленного на рассмотрение Евросовета, заседавшего в Дублине (3—4 декабря 1984 г.), с оговорками Греции, Дании, Англии, был отказ от права вето и введение после «переходного периода» правила принятия решений в органах Сообщества простым или квалифицированным большинством голосов. Составители доклада предлагали также расширить прерогативы «европарламента» и КЕС. К приоритетным целям, уже фигурирующим в других документах Сообщества, включая Римский договор (свобода передвижения капиталов, товаров, людей, гармонизация финансовой и экономической политики, общая транспортная система и др.), было добавлено усиление внешнеполитического и военного сотрудничества.

После очередного заседания «комитета Дуга» (Париж, 27 февраля 1985 г.) стало известно о некоторых предложениях представителя французского президента в этом комитете — Мориса Фора, одобренных Елисейским дворцом. Речь шла о «более точном и более полном» изложении в «окончательном» докладе комитета положений по вопросам военно-политической интеграции. Фор считал, что необходимо «учитывать существующие структуры» (НАТО и ЗЕС), а также «различную способность и ответственность, равно как и особое положение каждого государства — члена Сообщества». Он выступил за «развитие и укрепление процесса согласования позиций по

проблемам безопасности в рамках политического сотрудничества», включая «обмен мнениями о природе внешних угроз» и «о том, каким образом интересы безопасности государств-членов могут быть затронуты международным контекстом, в частности эволюцией военной техники и стратегических доктрин», а также за «гармонизацию — каждый раз, когда это окажется возможным, — позиций, которые должны будут занимать государства-члены по крупным проблемам сохранения мира в Европе», равно как и стандартизацию технологических норм производства вооружений. Странам — членам Сообщества предлагалось отказаться от права вето под предлогом ограждения жизненных интересов каждой из них в пользу жизненных интересов Сообщества в целом, за что давно уже выступала ФРГ. Париж согласился сохранить принцип единогласия только для решений, касающихся расширения Сообщества и определения компетенции его органов. Он поддержал и итало-западногерманское предложение о наделении «европарламента» законодательными функциями и известном уравнении его в правах с Европейским советом и советом министров ЕЭС.

Публикация сведений о содержании предложений Фора совпала по времени с заявлением Миттерана о том, что «в ближайшие месяцы» он выступит с новой инициативой, цель которой — «преобразовать европейские институты». Радиостанция «Европа-1», нередко используемая Елисейским дворцом для пропаганды своих идей, сообщила 4 марта, что одним из элементов этой инициативы как раз и будет «отказ от правила единогласия в пользу правила большинства для многих решений ЕЭС». Тем самым, писала «Юманите», президент становится проводником «старого реакционного проекта (де Голль всегда был его противником) интегрированного сообщества, члены которого не будут больше хозяевами своей экономики, своих финансов, своей обороны, своей полиции, своей организации и политических ориентаций... Франсуа Миттеран берет на себя тяжелую ответственность перед историей за отчуждение независимости Франции, за подчинение принципа национального суверенитета принципу какого-то высшего суверенитета, за изъятие судеб своей страны из рук собственного народа и передачу их в чужие руки».

Многие французские политические наблюдатели увидели в интеграционистской линии правительства маневр, направленный на то, чтобы, сделав политическую интег-

рацию центральным направлением в своей дипломатической деятельности, привлечь на свою сторону «европеистов» из правой оппозиции и подготовить почву для обеспечения парламентской поддержки в случае поражения социалистов на выборах в Национальное собрание в марте 1986 г.

Высказанные Фором идеи легли в основу окончательного варианта доклада «комитета Дуга», представленного Европейскому совету на его брюссельской сессии 29—30 марта 1985 г. Новый французский подход, навязанный комитету, ряд его членов, включая самого Дуга, сопроводил существенными оговорками. По словам Дуга, рекомендации комитета по вопросам безопасности и обороны носили «компрометирующий характер», так как в них «явно звучала фразеология НАТО».

Доклад содержал рекомендации о завершении экономической интеграции в рамках Римского договора, о создании «технологического сообщества», об укреплении европейской валютной системы и т. д. И по этим вопросам рядом членов комитета были внесены многочисленные оговорки, направленные на ограждение национальных интересов от посягательств «суперинтеграционистов». Но главный смысл доклада не на этом направлении, а в предложениях о такой перестройке структуры и содержания деятельности Сообщества, которая превратила бы его в «подлинную политическую сущность», именуемую Европейским союзом, способным решать «от имени всех граждан» вопросы «социального и политического развития, экономического прогресса и безопасности» не только в рамках межправительственного сотрудничества и существующих договоров, как это имело место до сих пор, но и путем создания «новых инструментов» принятия решений.

Перед политическим сотрудничеством, осуществляемым на межгосударственной основе, ставилась цель «систематического формулирования и осуществления совместной внешней политики», «гармонизации позиций» в области безопасности и обороны, включая производство вооружений. Предлагалось создать «постоянный секретариат политического сотрудничества».

В докладе «комитета Дуга» содержались рекомендации о принятии решений в совете министров ЕЭС квалифицированным или простым большинством голосов, кроме исключительных случаев, для которых сохранялось правило единогласия, о таком повышении роли Комиссии европейских сообществ, при котором она превраща-

лась в своего рода «европейское правительство», о наделении «европарламента» полномочиями законодательного характера и т. д. «Комитет Дуга» предложил созвать конференцию представителей правительств государств-членов для подготовки проекта договора о Европейском союзе с приглашением на нее Испании и Португалии, а также представителей КЕС и «европарламента».

Реализация этих рекомендаций в полном объеме действительно привела бы к созданию на базе Европейского экономического сообщества новой структуры с наднациональными органами, наделенными довольно широкими полномочиями. Это была бы, конечно, еще не федерация, а нечто вроде конфедеративного союза государств, но с более существенным ограничением суверенитета последних по сравнению с нынешним положением дел. Другими словами, был бы сделан шаг к политической интеграции Сообщества с перспективой (не очень близкой, правда) его федерализации.

Рекомендации «комитета Дуга» не вызвали энтузиазма у многих членов Сообщества. Незадолго до сессии Евросовета в Милане (28—29 июня 1985 г.) Англия предприняла обходный маневр, предложив ограничиться созданием «секретариата по иностранным делам». Тогда Франция и ФРГ попытались форсировать события и накануне миланского форума представили на рассмотрение партнеров проект договора о Европейском союзе. Проект предусматривал превращение Европейского совета в Совет Европейского союза, покоящегося на двух китах — европейских сообществах, договорная основа которых оставалась прежней, и механизме политического сотрудничества, юридическую основу которому давал новый договор. При Совете Европейского союза учреждался генеральный секретариат.

Сессия Европейского совета в Милане обсудила и доклад «комитета Дуга», и франко-западногерманский проект договора, и британское предложение. Греция, Дания и Англия выступили против изменения Римского договора в наднациональном духе и отвергли проект договора о Европейском союзе. Однако в последующем они приняли участие в созванной по инициативе Италии межправительственной конференции для выработки рекомендаций о реформе Сообщества. Конференция собиралась несколько раз на протяжении октября—декабря 1985 г. и при самом активном участии Франции подготовила «Единый европейский акт» из двух частей: проекта

договора о европейском сотрудничестве в области внешней политики и дополнений к Римскому договору (новые положения, касающиеся европейской валютной системы, охраны окружающей среды, сотрудничества в области передовой технологии, устранения препятствий к созданию к 1992 г. единого рынка товаров, услуг и капиталов, а также перехода к принятию решений по ряду вопросов квалифицированным большинством голосов и расширения полномочий таких наднациональных органов, как КЕС и «европарламент»).

В январе 1986 г. датский фолькетинг отклонил этот проект. Правительства Греции и Италии обусловили свое присоединение согласием Дании. В результате 17 февраля в Люксембурге «Единый европейский акт» подписали только девять из двенадцати стран Сообщества. 27 февраля, в ходе проведенного в Дании референдума, большинство датчан высказалось за участие страны в перестройке Европейского сообщества, и на следующий день, 28 февраля, министры иностранных дел Дании, Греции и Италии поставили свои подписи под «Европейским единым актом». Однако борьба вокруг реформы Сообщества на этом не закончилась, ибо поправки, которые должны быть внесены в Римский договор, в соответствии с одобренным правительствами документом, требуют его ратификации национальными парламентами всех стран-членов.

Глава III

ПРОТИВОРЕЧИЯ «ТЬЕРМОНДИЗМА»

Французские правящие круги традиционно придают важное значение позициям Франции в «третьем мире». Эта линия наметилась при де Голле, ее развивали Помпиду и особенно Жискар д'Эстэн. Социалисты не отказались от нее, но попытались внести нечто новое. Введя в политический лексикон понятие «тьермондизм» (tiers monde — фр. «третий мир»), они сохранили неоколониалистскую суть политики французского государства в отношении развивающихся стран. Как и другие империалистические державы, Франция ставит перед собой цель удержать «третий мир» в системе капитализма, навязать освободившимся странам свою модель развития, воспрепятствовать прогрессивным преобразованиям, помешать установлению уз равноправного сотрудничества между этими странами и социалистическим содружеством.

При Миттеране Париж занял позицию публичных возражений против твердолобого подхода Вашингтона, усматривающего «руку Москвы» в любой вспышке народного гнева в «третьем мире». Президент и министры-социалисты предложили не рассматривать эти вспышки в свете соперничества Восток — Запад. Как справедливо заметил французский политический обозреватель Серж Маффер, социалисты добавили к «тьермондистской константе французской политики» недостававшую ей «риторическую пламенность», а суть осталась прежней.

Прежней она осталась еще и потому, что, находясь в большой экономической зависимости от «третьего мира», откуда Франция черпает жизненно необходимое ей энергетическое и иное сырье и в котором она нуждается как в рынке сбыта своей промышленной продукции, включая оружие, нередко сталкивалась с более мощными конкурентами в лице США, ФРГ, Японии. В то же время француз-

ский империализм естественно не забывает об общих интересах капиталистического Запада. В этом корни противоречивости политики Франции в «третьем мире».

Прожекты и обещания

Во всех официальных документах социалистической партии, в публичных выступлениях ее теоретиков настойчиво обосновывалась идея зависимости будущего Франции и Западной Европы в целом от того, как им удастся наладить отношения с «третьим миром». Нового в этом по сравнению с тем, что говорил Жискар д'Эстэн, по существу не было. Новой была резкая критика в адрес тех, кто страдает «ностальгией по колониальным временам», сдобренная заявлениями о том, что социалисты руководствуются высокими принципами прав народов на самоопределение и прав человека, сочувствуют униженным и эксплуатируемым, стремятся прийти на помощь обездоленным. Более того, «разрыв с капитализмом», провозглашенный в «социалистическом проекте для Франции 80-х годов» (программном документе социалистической партии, опубликованном в 1980 г.), стал фундаментом и «тьермондистских» деклараций: «Голод и нужду можно победить путем развития, заменив нынешнюю международную экономическую систему — капиталистический порядок, основанный на эксплуатации и господстве над сотнями миллионов человеческих существ, — на новый международный порядок, основанный на независимости народов и их сотрудничестве».

Однако если внимательно вчитаться в заявления теоретиков и политиков из соцпартии, то становится очевидным, что беспокоит их вовсе не бедственное положение народов «третьего мира». Авторы изданной в 1977 г. работы «Социалисты и прочный мир. Элементы социалистического подхода к отношениям с третьим миром» утверждали: «Судьба старых промышленно развитых наций будет решаться на основе отношений, которые они сумеют завязать» со странами «третьего мира».

Не будь развивающихся стран, западные державы были бы обречены на постоянное падение производства и рост безработицы, признавал Клод Шейсон. Чтобы спасти капиталистический Запад от кризисов, надо стимулировать потребление в «третьем мире» и тем самым способствовать расширению рынков для продукции промышленно развитых стран. К этому по существу и сводилась

сформулированная им доктрина «планетарного нового курса». Речь идет о «предоставлении права на развитие, на потребление сотням миллионов человек», — писал Шейсон. Но для этого нужны валютные инъекции. Откуда взять деньги? Во-первых, можно мобилизовать излишки «нефтедолларов», образовавшиеся в результате роста цен на нефть. Как показала жизнь, это был расчет, основанный на временном явлении. Во-вторых, использовать миллиардные ресурсы МВФ и МБРР. Против этого возражал американский конгресс, но Шейсон надеялся убедить американцев в необходимости помощи «третьему миру». В-третьих, определенными ресурсами располагает Общий рынок, а если их не хватит, он мог бы пойти и на выпуск займов. В-четвертых, требуются «бюджетные усилия» западных стран с целью увеличения помощи по государственной линии. Но это-то как раз и не входило в намерения ни США, ни ряда других западных держав, отдававших предпочтение поощрению частных инвестиций. «Многочисленные исследования, проведенные недавно, — убеждал своих оппонентов Шейсон, — показывают, что промышленно развитые страны (Запада. — *В. С.*) выигрывают больше от поставок оборудования и технологии в третий мир, чем они теряют затем от импорта продукции создаваемой там промышленности... Чтобы стимулировать экономику наших стран и увеличить занятость, надо оживить спрос, и третий мир — замечательное поле действия в этом плане».

После победы социалистов на выборах 1981 г. в отношениях Франции с «третьим миром» начал все более явственно проявляться прагматический подход. Если 21 мая 1981 г. Миттеран еще продолжал говорить о том, что «не может быть подлинного международного сообщества, пока две трети планеты продолжают обменивать своих людей и свое имущество на голод и презрение», то уже 4 июня того же года в интервью «Нью-Йорк таймс» он отмечал «очевидный экономический интерес» Западной Европы к развитию обмена с «третьим миром», поскольку 40% ее экспорта направляется именно туда. Вслед за ним Шейсон квалифицировал помощь странам как «политическую необходимость и потребность для мировой экономики», доказывая, что «планетарный новый курс» поможет Западу выйти из экономического кризиса. «Мы импортируем 75% нашего сырья, — говорил он. — Единственные экспортные рынки, получившие развитие после 1973 г., — это рынки третьего мира. Если завтра он по-

терпит крах, на нас обрушится гигантская катастрофа». И дальше: «...Экономический прогресс Юга — средство экономического роста в мировом масштабе. Мы даже думаем, что это — главное средство экономического роста. Поэтому надо заниматься проблемами Юга».

Для Франции «Юг» — это прежде всего Африка. В опубликованном летом 1981 г. документе «Социалистическая партия и Африка южнее Сахары» подчеркивается заинтересованность Франции в африканском уране как факторе ее безопасности и источнике крупных прибылей, поскольку с ним связано развитие военной и гражданской ядерной промышленности Франции и будущее ее энергетики. «Африка придает Франции мировые масштабы благодаря базам, которые мы там имеем», — говорится в этом документе. Через культурное влияние во франкоязычной Африке обеспечивается французское политическое присутствие, создающее Франции определенную клиентуру и позволяющее ей заручиться несколькими десятками голосов в международных организациях.

Из независимых стран Африки и прилегающих к ней островных государств (за исключением ЮАР) Франция получает не только 99% импортируемого ею урана, но также 51% марганца, 42% бокситов, 38% кобальта, 32% меди, 28% хрома, 29% железа, 20% свинца. Везут оттуда во Францию олово, золото, платину, вольфрам, титан и другие редкие металлы, промышленные алмазы, фосфаты, нефть, ценную древесину, какао, кофе... Доля всего континента во французском экспорте упала с 14% в 1981 г. до 12,4% в 1983 г., в импорте, наоборот, поднялась за этот же период с 8 до 10,2%. За счет Африки Франция поправляет свой торговый баланс, сводимый с огромным дефицитом с ФРГ, США, Голландией, Японией и с положительным сальдо с Египтом, Тунисом, Конго, Сенегалом, Камеруном и другими странами континента. «Юг» для Франции — это и арабский мир, который служит главным источником нефти для нее и главным рынком сбыта французского оружия.

Вот почему социалисты считали необходимым «заниматься проблемами Юга». Что же они предлагали? Жан-Пьер Кот, возглавивший в июне 1981 г. министерство по делам сотрудничества и развития, в компетенцию которого входило заключение и наблюдение за выполнением договоров и соглашений о сотрудничестве с африканскими государствами к югу от Сахары (в основном это бывшие колонии Франции), проявил большой инте-

рес к отношениям со всеми странами «третьего мира» и следующим образом сформулировал основные принципы этих отношений. Первый из них — «отказ сводить проблемы развития, проблемы между Севером и Югом к проблемам между Востоком и Западом». Второй, вытекающий из первого, сводился к утверждению о том, что развитие «третьего мира» не пойдет по пути «воспроизводства промышленных моделей Востока или Запада», поскольку-де и тот и другой «построили свое процветание на горбу этого третьего мира». Отрицать очевидное — ограбление стран Африки, Азии и Латинской Америки империализмом — Ж.-П. Кот не может, а потому — для «равновесия» — заодно клевещет и на социалистический мир. Причем никаких доказательств (а откуда их взять?), естественно, не приводится, да они Коту и не нужны: ложное суждение просто выдается за аксиому — и все тут! Причем оно же используется для «обоснования» не менее ложной идеи: «...Поэтому развивающиеся страны должны (!) выработать тип автономного, эндогенного, самодовлеющего развития», о котором они якобы только и мечтают. За этой наукообразной формулой кроется все та же навязчивая идея: лишь бы только эти страны не избирали путь социалистической ориентации, а уж как жить дальше — это им подскажут доброхоты из Вашингтона, Парижа или Лондона. Так, например, в упомянутом выше документе ФСП утверждается, что, «за редким исключением», в африканских странах южнее Сахары нет условий для «сбалансированного промышленного развития», а посему «следует стимулировать создание сбалансированных экономических группировок». В области сельского хозяйства эти страны, оказывается, также не могут всерьез решать конкретные проблемы, поэтому надо влиять на их развитие «путем выбора проектов, которым мы (Запад. — *В. С.)* будем отдавать предпочтение». И тут повторяется известный тезис о том, что основой развития африканских стран должно быть исключительно сельское хозяйство, ибо большинство африканцев живет в деревне, и «нежелательно, чтобы дело обстояло иначе», по крайней мере «в среднесрочном плане». Промышленному же развитию отводится роль «дополнения к сельской деятельности», и предлагаемые проекты сводятся к первичной переработке минерального и сельскохозяйственного сырья на месте.

В том же духе рассуждает Ж.-П. Кот. Ратуя за «равноправный диалог» с развивающимися странами (это

еще один из его основных принципов отношений с «третьим миром»), он призывает ориентировать помощь им преимущественно на аграрное развитие, а содействие в подготовке кадров и передача технологии мыслятся им как средство создания условий для выработки «подлинной планируемой продовольственной стратегии». Французский министр по делам развития и сотрудничества подтвердил курс страны на привязывание развивающихся стран к Франции и ЕЭС в целом посредством долгосрочных коллективных соглашений межрегионального типа по примеру Ломейской конвенции между ЕЭС и странами АКТ (Африки, Карибского бассейна и Тихого океана) и предлагал параллельно заключить двусторонние среднесрочные «соглашения о соразвитии».

Юрист-международник профессор Жан Тускоз считает эту идею довольно расплывчатой, но она занимает, по его мнению, центральное место в политике социалистической партии в отношении «третьего мира» и отражает «стремление установить рамки обменов между Францией и странами третьего мира путем государственной регламентации и планирования на двусторонней основе».

По-неоколониалистски распорядились французские социалисты и собственными обещаниями политического характера в отношении развивающихся стран. В документе «Социалистическая партия и Африка южнее Сахары» формулировалась задача содействия урегулированию основных конфликтов, а через два года Франция пошла на вооруженную интервенцию в Чаде.

«В Южной Африке сохранение расистского режима — одна из самых больших несправедливостей нашего времени. Его политика становится все более агрессивной и угрожает всему континенту, — справедливо подчеркивалось в этом документе. — Левое правительство должно принять немедленно меры по прекращению финансовой и технической поддержки режима Претории», запретить инвестиции в ЮАР и в оккупированной Намибии, присоединиться к резолюциям ООН об экономических санкциях, сократить импорт из ЮАР. Осуждение апартеида сохранилось в лексиконе правительства социалистов, но отважилось оно лишь на ограниченные добровольные санкции против ЮАР, а предложения об обязательных санкциях не поддержало.

Собирались социалисты продвигать жискаровскую идею международной конференции для урегулирования

проблем Африканского Рога, но очень скоро «забыли» об этом. Зато свое обещание поддерживать эритрейских сепаратистов социалистическая партия выполняла, осложняя отношения своего правительства с Эфиопией.

Социалисты осуждали развертывание в Индийском океане военных баз и наращивание военно-морского присутствия «великих держав», обещая содействовать осуществлению идеи превращения этого региона в зону мира. Придя к управлению страной, они полностью сохранили французское военное присутствие в Индийском океане и не выдвинули ни одного возражения против укрепления там агрессивного военного потенциала США.

Постоянное присутствие французских войск на африканском континенте они критиковали как «фактор внутренней напряженности» в африканских странах. Но ни одна из французских военных баз не была ликвидирована, а интервенционистские силы на территории самой Франции, предназначение которых — срочная помощь «заморским друзьям», были укреплены и модернизированы.

Да и сам круг этих «друзей» в основном остался прежним. Предшественников социалисты ругали за консерватизм, за то, что центральным направлением жискаровской стратегии было «твердое ядро» бывшей колониальной империи, дополненное «расширенной франкофонией», т. е. распространением сферы влияния на другие франкоязычные страны, а по возможности и за пределы этой зоны. Однако «новая концепция сотрудничества», по мысли авторов доктрины социалистической партии для Африки, «отнюдь не означала, что Франция должна отказаться от своей особой ответственности по отношению к странам, которые в течение трех четвертей века были тесно связаны с ее историей и разделяют вместе с ней не только одинаковый язык общения, но во многом и образ жизни и мышления...». Другими словами, речь шла все о том же «твердом ядре» и «расширенной франкофонии», тем более что и сами социалисты увязывали объем и характер помощи развивающимся странам с «природой и интенсивностью политических отношений» с ними.

Канкунские миражи

В начальный период президентства Миттерана французское правительство активно подключилось к усилиям, направленным на оживление так называемого диалога Север — Юг, т. е. всесторонних переговоров между промышленно развитыми и развивающимися странами о перестройке международных экономических отношений и создании нового мирового экономического порядка. Напомним, что первой серьезной попыткой налаживания такого диалога между капиталистическим Севером и развивающимся Югом была проведенная по инициативе Франции в Париже в 1975—1977 гг. Конференция по международному экономическому сотрудничеству (КМЭС), которая стараниями США и ряда ориентировавшихся на них западноевропейских стран существенных результатов не дала.

В сентябре 1979 г. высшие руководители неприсоединившихся государств на встрече в Гаване потребовали открытия новой серии переговоров по всем крупным проблемам отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами, высказав убеждение, что в силу тесной взаимозависимости эти проблемы надо рассматривать все вместе и в одной инстанции. 8 февраля 1980 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла единогласно резолюцию № 34/138 о новых «глобальных переговорах» по вопросам сырья, энергетики, торговли, развития, а также по валютно-финансовым проблемам, которые уже были предметом дискуссии на КМЭС. Однако США при поддержке Англии и ФРГ воспрепятствовали проведению ее в жизнь. Усилия развивающихся стран оказались заблокированными, хотя их собственные проблемы все более усугублялись экономическим кризисом, в который начали вползать развитые капиталистические страны. Как снежный ком, росла задолженность «третьего мира», достигшая в 1985 г. 970 млрд. долл. Бывшие колониальные и зависимые страны, освободившиеся от политической зависимости, попали в жестокую экономическую кабалу от западных держав и контролируемых ими транснациональных корпораций (ТНК).

Согласно выкладкам французского публициста Франсуа Шлоссера, треть торговли капиталистического мира приходится на оборот между головными и дочерними предприятиями ТНК. «В этой системе, — пишет он, — развивающиеся страны — идеальные жертвы, легко за-

гоняемые в ловушку и нещадно обкрадываемые». «Помощь», которая поступает в «третий мир», с лихвой возвращается капиталистическим «донорам» и к тому же, замечает Шлоссер, служит финансированию проектов, интересующих в первую очередь тех, кто эту помощь предоставляет. Когда помогают сельскому хозяйству, это почти всегда касается экспортных культур, производство которых позволяет выплачивать проценты по внешним долгам ценой голодания местного населения.

В результате ограбления стран «третьего мира» между ними и капиталистическим Севером, или, вернее, Западом, образовалась глубочайшая пропасть.

В поисках выхода из тупика развивающиеся страны обратились к «докладу Брандта», подготовленному возглавляемой бывшим канцлером ФРГ «независимой комиссией по вопросам международного развития». Изложенная в докладе «Программа для выживания» содержала целый ряд рекомендаций, призванных сдвинуть с мертвой точки диалог Север — Юг. «Комиссия Брандта» предложила провести совещание в верхах ограниченного числа «ключевых» промышленно развитых и развивающихся стран для обсуждения проблем, связанных с организацией в рамках ООН «глобальных переговоров» по вопросам международных экономических отношений. Мексика и Австрия выступили инициаторами созыва этого совещания, местом проведения которого был избран мексиканский курортный городок Канкун. Состав участников был определен совершенно произвольно. Руководители западных держав, и прежде всего США, отправились в Канкун отнюдь не ради удовлетворения законных требований развивающихся стран, а для того, чтобы отвести от себя обвинения в саботаже соответствующих решений ООН, расколоть развивающиеся страны, не дать им выступать единым фронтом против империалистических грабителей, повернуть диалог Север — Юг в русло бесплодных дискуссий, позволяющих уйти от конкретных обязательств, очернить советскую позицию в деле помощи развивающимся странам. «Опыт прошлого, — писала «Правда» в канун Канкуна, — свидетельствует, что никакие подобные встречи не могут дать положительных результатов, если капиталистические государства не изменят в корне своего подхода к развивающимся странам, не прекратят дискриминацию в экономических связях с ними, не откажутся от грабежа этих стран».

Решение об участии Франции в совещании было принято еще Жискар д'Эстэном. Миттеран не только не отменил этого решения, но сразу же дал понять, что Франция намерена играть в Канкуне «моторную роль» и вообще будет «неутомимым адвокатом развития и нового мирового экономического порядка». В таком духе и выступали французские представители на всех западных форумах, предшествовавших канкунской встрече. Более того, им удалось даже уговорить США и других участников совещания «большой семерки» в Оттаве (июль 1981 г.) заявить о готовности к участию в подготовке «взаимоприемлемого процесса глобальных переговоров» в условиях, позволяющих надеяться на значительный успех. Однако эта расплывчатая формула не устранила сомнений стран «третьего мира» в искренности американской позиции. И они не ошиблись в своих пессимистических оценках. Из-за обструкционистской линии США министры иностранных дел 22 стран, собравшиеся в Канкуне 1 августа 1981 г. для подготовки совещания, получившего название Международной встречи по сотрудничеству и развитию (МВСР), не выработали четкой повестки дня этого совещания и ограничились общим согласием «попытаться реактивизировать диалог Север — Юг» путем обмена мнениями на высшем уровне без каких-либо конкретных переговоров и решений.

Свое нежелание идти навстречу развивающимся странам Соединенные Штаты продемонстрировали на проходившей в Найроби в августе 1981 г. конференции ООН по новым и возобновляемым источникам энергии. Франция выступила на этой конференции за начало глобальных переговоров, существенным компонентом которых должна была быть энергетическая проблема, и попыталась найти какое-то среднее решение, которое устроило бы развивающиеся страны, с одной стороны, и США, а также ФРГ и Англию — с другой. Поддержав идею создания энергетического филиала МБРР, выдвинутую бывшим президентом МБРР Р. Макнамарой и отвергаемую администрацией Рейгана, Франция высказалась за «эффективную мобилизацию дополнительных средств для энергетического развития третьего мира». Однако конференция в Найроби завершилась без принятия на себя определенных финансовых обязательств промышленно развитыми странами Запада. Заблокировали США и рекомендации о создании энергетического филиала МБРР.

С 1 по 14 сентября 1981 г. в Париже проходила Кон-

ференция ООН по наименее развитым странам (НРС)*, которая была использована французским правительством как трамплин в Канкун: на парижской конференции Франция постаралась предстать в облике лучшего друга развивающихся стран, не останавливающегося перед конфронтацией (правда, не очень резкой и в основном словесной) с Соединенными Штатами. В речи на открытии этой конференции Миттеран вновь поддержал идею глобальных переговоров в рамках диалога Север — Юг и проект энергетического филиала МБРР, обещал увеличить государственную помощь Франции развивающимся странам к 1988 г. (последний год его президентского мандата) до уровня 0,7% ВНП (в 1981 г. она составляла 0,45%, или 2,6 млрд. долл.), благоприятно отнесся к мерам по стабилизации экспортных доходов развивающихся стран, предпринимаемым в рамках ЮНКТАД и Ломейской конвенции между ЕЭС и АКТ, и высказался за то, чтобы борьба за повышение благосостояния сопровождалась усилиями, направленными на сохранение культурного своеобразия народов. Через несколько дней французский министр экономики и финансов Делор подтвердил ранее объявленное намерение Франции довести помощь НРС до 0,15% ВНП уже к 1985 г.

И на этой конференции США сделали все, чтобы не оказаться связанными серьезными обязательствами в отношении объемов и сроков увеличения помощи НРС, настаивая на своем тезисе: «Либеральная система торговли есть основа экономического роста во всех странах».

Конференция приняла программу действий в отношении 31 НРС, которая кроме призывов к правительствам и благих пожеланий общего характера содержит обязательство промышленно развитых стран увеличить помощь НРС по государственной линии до 0,15% своих ВНП либо удвоить эту помощь «в течение ближайших лет», т. е. без определения срока, как того хотели развивающиеся страны. Для Франции 0,15% и означает удвоение. Для США удвоение означало бы доведение их помощи НРС до 0,04% их ВНП, но они и против этого возражали. Многие западноевропейские страны поддержали Францию и объявили об увеличении своего вклада, но без конкре-

* 31 страна с совокупным населением в 280 млн. человек и с усредненным доходом на душу населения в размере 1000 франков. В 1979 г. для развивающихся стран в целом эта цифра достигала 3500 франков, для стран Запада — 40 тыс. франков.

тизации. В итоге НРС не получили того, на что рассчитывали: дополнительные 7,7 млрд. долл. в год, как это вытекало из материалов парижской конференции, позволяли им «в лучшем случае» пребывать в состоянии застоя, и положение их оставалось драматическим.

Французская пресса констатировала скромность результатов парижской конференции. Вместе с тем всячески подчеркивалось, что Франции удалось добиться «дипломатического успеха». Министр по делам сотрудничества и развития Жан-Пьер Кот «без лишней скромности» (это его собственные слова) приписал все сколько-нибудь значащие договоренности, достигнутые на конференции, «влиянию Франции», которая якобы сыграла «решающую роль». Из заявлений этого министра явствовало также, что обещание увеличить французскую помощь развивающимся странам носило отнюдь не бескорыстный характер. «Во-первых, — признался он журналистам из Ассоциации дипломатической прессы, — я действительно думаю, что мы должны содействовать в освоении минеральных ресурсов Африки, которые значительны и еще мало изучены». А во-вторых, «надо, чтобы французские предприятия получали выгоды от этого развития сотрудничества, ибо таково условие поддержки французским общественным мнением возрастающих усилий в области развития (т. е. оказания помощи развивающимся странам. — *В. С.*). Мы должны повседневно доказывать общественному мнению, что в отношениях между Севером и Югом дело не в щедрости, а в правильно понятых обеими сторонами интересах». И чуть позднее он добавил: «Каждый франк, выданный в порядке оказания помощи, должен служить национальным интересам...» «Правильно понятый интерес» Франции и других стран Запада Миттеран на открытии Конференции по наименее развитым странам 1 сентября 1981 г. сформулировал кратко и ясно: «Помогать третьему миру — значит помогать самим себе выйти из кризиса».

Несмотря на расхождения в выборе тактических средств (США в основном рассчитывают на грубую силу и прямой нажим, Франция стремится «приручить» развивающиеся страны путем принятия некоторых выдвигаемых ими требований), в том что касается общих стратегических интересов, им в конечном итоге удается договариваться, причем, как правило, за счет приближения французской позиции к американской, а не наоборот. Так, находясь в Вашингтоне в конце сентября 1981 г.,

Ж.-П. Кот заявил, что, как и США, Франция отдает предпочтение помощи в двустороннем порядке и поддерживает требование ее обусловленности. «В той мере, в какой мы полагаем, что помощь должна быть поставлена в зависимость от экономических и финансовых реформ, мы согласны со взглядами американской администрации», — сказал он. А главную задачу этих реформ и в Париже, и в Вашингтоне видят одинаково: удержать освободившиеся от колониальной и полуколониальной зависимости страны в рамках системы, контролируемой империалистическими центрами и транснациональными корпорациями. Ради этого можно и пойти на частичную корректировку отношений Север — Юг, а заодно выхолостить антиимпериалистическую направленность требований развивающихся стран. В то же время нередко выражаемое Парижем несогласие с американской позицией в отношении стран «третьего мира» отражает серьезную обеспокоенность Франции тем, что полное игнорирование интересов развивающихся государств может привести к банкротству многих из них, что неизбежно обернется резким ухудшением условий экономической экспансии Запада и ослаблением его политической клиентуры в «третьем мире».

Нельзя, наконец, сбрасывать со счетов и заинтересованность Франции и разделяющих ее точку зрения стран Севера в союзниках против валютно-финансового разбоя США, от которого все больше страдают не только страны «третьего мира», но и многие промышленно развитые страны Запада. «Мы думаем, — говорил Ж.-П. Кот, — что настало время свернуть шею лису, свободно безобразничающему в курятнике, и выработать новые правила игры». Лис — это, как нетрудно догадаться, всемогущий доллар, чье «беспорядочное плавание» на валютных рынках сделало неустойчивыми цены на сырье и энергоносители, нанося удары по интересам и производителей, и покупателей. «Новые правила игры — это новый мировой экономический порядок. В таком деле вполне можно представить себе альянс между некоторыми странами Севера и большинством стран Юга», — не без оснований утверждал французский министр. Но американский союзник уступать не собирался.

На открытии в конце сентября 1981 г. очередной ассамблеи МВФ и МБРР Рейган подтвердил намерение США ограничить государственную помощь развивающимся странам и содействовать проникновению в их экономику

транснациональных корпораций. Франция осудила эту позицию. Министр экономики и финансов Делор объявил ее «не только безнравственной, но и экономически ошибочной».

В беседах с мексиканским президентом Портильо в Мехико 19—21 октября 1981 г. Миттеран высказался за возобновление глобальных переговоров о новом мировом экономическом порядке до конца года и быстрое достижение согласия по вопросам энергоснабжения и стабилизации цен на сырье. Он вновь выдвинул идею «всеобщего соразвития» стран, «пораженных кризисом». На пресс-конференции перед отъездом из Мехико в Канкун 21 октября он предупредил: «Запад совершает грубую ошибку, когда не берет на себя инициативу в выдвижении требования свобод. Ошибочно толкать народы, которые страдают от олигархии, на поиск средств освобождения в другом месте». Поскольку под «другим местом» следует понимать не что иное, как социалистическое содружество, в этом высказывании отчетливо просматривается одна из главных целей политики Франции, включая период президентства Миттерана, в отношении «третьего мира».

Канкунская встреча, в которой приняли участие делегации 22 стран, проходила 21—23 октября 1981 г. Как и следовало ожидать, Рейган сделал ставку на разобщение участников, представляющих Юг, и упорно проводил известный тезис Вашингтона о том, что экономические успехи США идут якобы на пользу всем, включая самые слабые страны. ФРГ и Англия подыгрывали ему. Из западных держав только Франция выступила с более или менее конкретными предложениями, изложенными в речи Миттерана и «рабочем документе». В них были сформулированы пять идей, шедших вразрез с позицией администрации Рейгана, но без прямой критики этой позиции, а с надеждой повлиять на нее. Это необходимость срочного решения проблем диалога Север — Юг; осознание того, что, помогая «третьему миру», Запад помогает самому себе; жесткая регламентация рыночного обращения путем создания соответствующих механизмов наблюдения и контроля, поскольку свободный рынок не позволяет развивающимся странам вырваться из тенет отсталости; увеличение помощи развивающимся странам по государственной линии; предпочтение «самодовлеющего развития», ориентированного на приоритетное удовлетворение жизненных потребностей населения,

развитию зависимому, основанному на экспортном сельском хозяйстве.

Для реализации этих идей Франция предлагала «организовать эффективные глобальные переговоры», в ходе которых обсудить все потребности Юга и Севера, постоянные структурные факторы и конъюнктурные обстоятельства, не создавая новых бюрократических инструментов, а используя рамки резолюции 34/138 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 февраля 1980 г. Двум темам, по мнению французов, следовало уделить особое внимание: стабилизации цен на сырье, предполагающей создание специальных фондов, и решению проблемы обеспечения развивающихся стран продовольствием как путем налаживания собственного производства, так и создания резервных запасов продуктов первой необходимости (хлеба, риса, сахара, молочного порошка). Особо выделена во французском «рабочем документе» проблема оказания помощи энергетическому развитию стран «третьего мира». Предложения по решению этой проблемы сводились к поддержке уже известного проекта создания энергетического филиала МБРР, а если не получится (ведь США, командующие в этой специализированной организации ООН, были против), то любых других форм мобилизации финансовых средств.

Все эти проблемы в Канкуне в той или иной мере обсуждались, но ввиду различия в подходах итоги встречи оказались довольно скудными. Участники высказались в пользу начала глобальных переговоров в ООН «на взаимно согласованной основе и при обстоятельствах, позволяющих значительный прогресс». Что это за основа и за обстоятельства, в итоговом документе канкунской встречи (он появился на свет в виде «краткого обзора двух сопредседателей») ничего не говорилось. Все ограничилось перечислением проблем и рекомендаций, изложенных в самой общей форме. Да иного США, а именно они задавали тон в Канкуне, и не позволили бы. Миттеран пытался было утверждать, что решено «запустить» глобальные переговоры до конца 1981 г., выдав это за главный успех канкунской встречи, но потом признал, что до конца года должна быть предложена лишь процедура этих переговоров. Ни по сырью, ни по энергоносителям, ни тем более по валютно-финансовым вопросам в Канкуне согласия достигнуто не было. Соединенные Штаты, отмечала оппозиционная газета «Котидьен де Пари», «ни в чем не уступили по существу,

напротив, им удалось настоять на своих условиях». По словам одного из советников Белого дома, «самое большее, на что согласились США, так это на подтверждение намерения рассмотреть детально то, что скрывается за термином «глобальные переговоры». Их позиция не изменилась ни на йоту после Оттавы». Это означало, что Вашингтон сохранял для себя полную свободу маневра, позволявшую ему уклониться от переговоров в любой момент. Более того, американцам удалось навязать такой текст итогового документа, в котором о новом мировом экономическом порядке как о конечной цели глобальных переговоров даже не упоминалось.

Все это нашло отражение в оценках официального Парижа итогов встречи в Канкуне. Выступая в комиссии по иностранным делам Национального собрания, Ж.-П. Кот был вынужден признать, что после Канкуна «сохраняются многочисленные трудности» и в деле организации глобальных переговоров, и в проведении акций в пользу решения продовольственной проблемы и сельского развития, и в создании энергетического агентства МБРР. Чуть позже он добавил в этот список проблему стабилизации цен на сырье.

Как показало последующее развитие, в проигрыше остались развивающиеся страны. Уже в феврале 1982 г. газета «Монд» писала, что «дух Канкуна» приказал долго жить из-за позиции Вашингтона, оставшейся непримиримой. Некоторые американские официальные лица в частных беседах не скрывали, что никаких глобальных переговоров не будет, тем более в рамках ООН. Срывая эти переговоры под предлогом ограждения прерогатив МБРР, МВФ и ГАТТ, США вместе с тем сократили свой финансовый вклад в фонд Международной ассоциации развития (МАР), предоставляющей долгосрочные беспроцентные займы странам «третьего мира». А ведь эта ассоциация — филиал МБРР. Шейсон прямо указывал на этот «печальный парадокс» участникам очередной сессии Организации экономического сотрудничества и развития: в то время как глобальные переговоры в рамках ООН оттягиваются, дабы ничто не угрожало эффективности МВФ и МБРР, их самих ограничивают в средствах.

Не продвигался диалог Север — Юг и в ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию), созданной в 1964 г. для рассмотрения совокупности проблем международных экономических отношений и представляющей

подходящие рамки для глобальных переговоров в целях установления нового международного экономического порядка. Затянулась ратификация рядом стран, включая Францию, соглашения об общем фонде ЮНКТАД, призванном компенсировать потери от падения цен на сырье и финансировать его складирование.

Несмотря на первое разочарование, Франция продолжала настаивать перед своими западными партнерами на необходимости диалога Север — Юг, но США не шли на уступки. Не удалось Франции продвинуть в комитете развития МБРР предложение о создании спецфонда помощи развивающимся странам под управлением МАР. Более того, США и собственные программы в рамках этой ассоциации начали урезать. В одиночестве оказалась Франция — среди стран Запада — и в попытках добиться сдвигов в деле стабилизации цен на сырье.

Накануне очередного совещания «большой семерки», состоявшегося в 1982 г. в Версале, Миттеран признавал, что в вопросе о диалоге Север — Юг чаблюдается не продвижение вперед, а отступление даже по сравнению с куцыми договоренностями, достигнутыми год назад в Оттаве. Что же дала версальская встреча? Целый абзац о «помощи развитию» в итоговой декларации. Здесь вновь говорилось, что надо начать глобальные переговоры и что это — «главная политическая цель». И даже соответствующий проект резолюции группы неприсоединившихся в ООН «семерка» одобрила. Но тут же была сделана оговорка, что при этом должна быть гарантирована «независимость специализированных организаций», т. е. МВФ и МБРР (где все так же хозяйничали США), и уже не указывалось, что глобальные переговоры планировалось проводить в рамках ООН. Именно это и устраивало США, которые не хотели допустить решений, обязывающих упомянутые специализированные организации. Французская идея создания энергетического филиала МБРР в версальской декларации «семерки» нашла отражение лишь в форме возможных в будущем «нововведений» в деятельности этого банка. В 1983 г. в Вильямсберге «семерка» к теме глобальных переговоров фактически уже не возвращалась.

На VI сессии ЮНКТАД (Белград, 6 июня — 3 июля 1983 г.) американская дипломатия продолжала проводить обструкционистскую линию под тем предлогом, что в США началось оживление экономики и поэтому нужноде ждать ее «благотворных» последствий. Непримиримая

позиция американцев чуть было не привела эту сессию ЮНКТАД к полному провалу.

Французская делегация по традиции пыталась играть в Белграде посредническую роль. В результате собственная позиция Франции подверглась корректировке в сторону «большего реализма», т. е. сближения с позицией США, Англии, ФРГ, Японии. В выступлениях Ж. Делора на сессии тема глобальных переговоров оказалась подмененной идеей «глобального проекта», в котором решающая роль отводилась МВФ и МБРР.

На неофициальной встрече в Нью-Йорке в сентябре 1983 г. президентов и премьер-министров некоторых государств, прибывших на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, Миттеран вслед за Индирой Ганди высказывал сожаления по поводу застоя, переживаемого в развитии диалога Север — Юг после Канкуна, и ужесточения позиции ряда промышленно развитых стран по отношению к проблемам «третьего мира». Однако он не выдвинул каких-либо новых идей, предложив лишь, чтобы экономические и финансовые переговоры между Севером и Югом проводились в рамках МВФ и МБРР, которые «должны сохранять свою автономию». О глобальных переговорах французский президент на этой встрече умолчал. Не упоминалась эта проблема и в его речи на Генеральной Ассамблее.

Правда, в мотивировках задач плана экономического, социального и культурного развития Франции на 1984—1988 гг. признается необходимость «глобального подхода» к отношениям между Севером и Югом и наряду с задачами помощи на двусторонней основе и «согласования действий промышленно развитых стран в целях оживления мировой экономики» высказывается пожелание о создании путем переговоров «новой международной экономической, финансовой и валютной организации», которая основывалась бы на «реалистическом и справедливом разделении полномочий и ответственности между различными участниками мировой экономики». Но в этом «глобальном подходе» на первое место ставятся «организация и управление рыночными отношениями с тем, чтобы примирить гибкость и стабильность» (явный жест в сторону США и других сторонников «либерализма», т. е. рыночной стихии), а условия, необходимые для развития «третьего мира», фактически сводятся лишь к гарантированию доходов развивающихся стран, получаемых от экспорта сырья и промышленной продук-

ции. Это хотя и важное, но лишь одно из многочисленных требований развивающихся стран, которые должны были бы стать предметом глобальных переговоров. К тому же и осуществление идеи «новой организации» ее авторы откладывают «на более поздний срок».

Так постепенно и почти незаметно тема глобальных переговоров исчезла из «тьермондистских» деклараций французских руководителей, которые не преминули возложить ответственность за неосуществление канкунских решений на «весь остальной индустриальный мир», не пожелавший-де прислушаться к предложениям Франции.

В интересах поддержания своей репутации в «третьем мире» Париж сделал акцент на помощи Франции развивающимся странам на двусторонней основе, на ее усилиях, направленных на реформу мировой валютной системы, и на своей озабоченности катастрофическим ростом задолженности «третьего мира» Западу. На поверхность вновь выплыла жискаровская идея «налога на сверхвооруженность», установление которого якобы позволило бы увеличить помощь развивающимся странам.

22 февраля 1984 г. Миттеран принял постоянного представителя Мексики при ООН, председателя «группы 77» Порфирио Муньоса Ледо. Несмотря на то что ни VI сессия ЮНКТАД в июне 1983 г., ни 38-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, завершившаяся в декабре, не продвинули ни на шаг дело глобальных переговоров, развивающиеся страны решили вновь попытаться побудить западные державы вернуться к этому вопросу. Определенные надежды в этом плане возлагались на Францию. Поэтому мексиканский дипломат и прибыл в Париж, чтобы информировать французского президента о своих контактах в Нью-Йорке и «возможностях, которые открываются вновь». При этом он имел в виду реализацию алжирской идеи двухэтапных глобальных переговоров. По его словам, Миттеран проявил «заинтересованность». Однако во время своего визита в США в марте того же года президент предпочел ограничиться общими призывами к более внимательному отношению к проблемам Юга, поскольку от развития последнего зависит процветание Севера, но от конкретных предложений воздержался.

Как мы уже отмечали, на обращение президентов семи латиноамериканских стран и генерального секретаря ООН к участникам лондонской встречи руководителей семи ведущих капиталистических держав (1984 г.) с на-

стоятельными призывами перейти от обещаний к делу последние ответили, что «стратегия в отношении задолженности» будет по-прежнему применяться «гибким образом от случая к случаю» и в основном в зависимости от того, насколько лояльно страны-дебиторы будут выполнять рекомендации МВФ, особенно те, которые связаны с проведением ими «необходимых изменений в своей экономической и финансовой политике». Это было похоже на прямой диктат, причем без каких-либо конкретных обещаний. А о глобальных переговорах на совещании «семерки» на этот раз даже не упоминалось. На встрече «семерки» в Бонне (май 1985 г.) острые социально-экономические проблемы капиталистического мира были потоплены в море слов, а проблемы развивающихся стран отодвинуты на задний план.

На 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр внешних сношений Шейсон половину своей речи посвятил рассуждениям о трудностях, переживаемых «третьим миром», но в качестве панацеи предложил затверженный «семеркой» в Лондоне принцип «индивидуального подхода» к каждой «страдающей стране третьего мира», оставив за принципом «глобальности» лишь роль «основы для размышлений». В то же время он пытался преподнести Францию как чуть ли не единственную страну, увеличившую за последние три года государственную помощь развивающимся странам. То, что Франция действительно делала это, — далеко не факт. По данным статистики ОЭСР, отчисления на помощь из первых бюджетов, принятых в период правления Миттерана, росли только во франках, то есть фиктивно, поскольку сам франк постоянно падал в цене. В долларах французская помощь явно сокращалась. Не показывало заметного изменения и ее соотношение с ВНП. Тем не менее французские руководители неоднократно подтверждали поставленную цель: увеличить к 1988 г. помощь странам «третьего мира» до 0,7% ВНП. Заявляя о необходимости выправления бедственного положения развивающихся стран, они призывали своих западных союзников к более активным действиям на этом направлении. В своем выступлении на конференции Международного фонда сельскохозяйственного развития в Париже 22 октября 1984 г. президент Миттеран сделал довольно откровенные признания, касающиеся проблем диалога Север — Юг: «Что стало с четкими обязательствами, содержавшимися в итоговом документе канкун-

ской встречи? Что принес единодушный анализ и диагноз масштабов бедности, распространения голода, долгового кризиса? Что мы предприняли для того, чтобы запустить вновь глобальные переговоры Север — Юг, обеспечить лучшую организацию мировых рынков, стабилизировать цены на сырье? Где он, энергетический филиал МБРР? Что было сделано, чтобы помешать вползанию в долги, подтолкнуть развитие экономики, заблокированное почти во всех странах третьего мира, увеличить государственную помощь развивающимся странам, поддержать усилия самых бедных из них? Признаем, что результаты разочаровывают, поскольку большинство обязательств не выполнено».

Сами французские руководители к глобальным переговорам постепенно охладели, а причина тому — самая суть этих переговоров, ибо призваны они изменить мировой экономический порядок таким образом, чтобы империалистические державы и ТНК в конечном счете не могли эксплуатировать «третий мир».

За годы правления Миттерана левый «тьермондизм» довольно заметно и быстро правел. Место весьма радикальных настроений накануне канкунской встречи занял прагматический подход. Канкунские миражи рассеялись, и на первый план вышли повседневные заботы о сохранении французских позиций там, где имелись для этого определенные шансы, т. е. прежде всего во франкоязычной Африке. В конечном счете, как констатировала газета «Монд», правительство социалистов решило не упускать из рук Франции «африканскую добычу».

«Африканская добыча»

Вот уж где действительно можно всерьез говорить о преемственности, так это на африканском направлении французской внешней политики. Эта преемственность стала очевидной с момента очередной, восьмой по счету франко-африканской встречи на высшем уровне, состоявшейся в Париже в ноябре 1981 г. Миттеран шел явно по стопам своих предшественников, стремившихся с помощью этих встреч, начало которым положил Помпиду в 1973 г., закрепить «органические узы» между Францией и ее бывшими колониями, вовлекая в эту сеть по возможности и другие африканские государства.

Важным признаком преемственности африканской по-

литики Франции многие в Париже считали и тот факт, что африканские дела остались «заповедной зоной» Елисейского дворца, который сохранил практику направления в Африку, особенно при чрезвычайных обстоятельствах, не дипломатов с Ке д'Орсэ, а личных эмиссаров президента: Фоккара, Журниака, Кирша, служивших в этом качестве при предшественниках Миттерана, сменили Ги Пенн и некоторые другие особо доверенные лица, включая собственного сына президента — Жан-Кристофа Миттерана. Они немало потрудились для того, чтобы африканские консервативные режимы уверовали в намерение Миттерана поддерживать с ними те же отношения, что и его предшественники. И сам Миттеран воспользовался своей первой поездкой в Африку в мае 1982 г., чтобы еще раз подчеркнуть, что он лично отнюдь не собирается отмежевываться от прежней политики.

«Деперсонализации» и «деколонизации» отношений с африканскими государствами, о которых мечтал Ж.-П. Кот, очень быстро пришел конец. Да и сам этот сторонник левого «тьермондизма» недолго продержался на своем посту. Сначала Миттеран отклонил его проект суперминистерства по делам «третьего мира», дав понять, что руководимое им министерство по делам сотрудничества должно заниматься в первую очередь сугубо практическими вопросами повседневных отношений с франкоязычной Африкой. А в декабре 1982 г. Ж.-П. Кот ушел в отставку, окончательно убедившись, что все идет по-старому в африканской политике Елисейского дворца. Ж.-П. Кот перестал устраивать Миттерана, поскольку «умеренные» клиенты Франции в Африке, напуганные прогрессивными аспектами «тьермондизма», начали попросту игнорировать его, предпочитая обращаться прямо к президенту или его советникам, довольно быстро разглядев именно в Миттеране сторонника «реалистической» политики в Африке ради «сохранения там французского присутствия», в том числе и военного. Подходил им и «реалист» Ги Пенн, главный советник Миттерана по африканским делам. Ги Пенн, по профессии дантист, оказался в Елисейском дворце неспроста. Он — связной между Миттераном и франкмасонами, пользующимися до сих пор большим влиянием в правящих кругах консервативных, склонных к соглашательству с неоколониализмом африканских режимов. Французские правительства и в домиттерановский период благосклонно относились к «историческим связям» французских масонов с

их собратьями в Африке, где ложи, как свидетельствует газета «Монд», активно занимаются антикоммунистической пропагандой и «представляют собой наилучшее средство увековечения влияния бывшей колониальной державы». Не брезговал франкмасонскими каналами и де Голль, и африканская политика Миттерана «тоже ими не пренебрегает». По мнению автора этой корреспонденции в газете «Монд», масоны сыграли свою роль в удалении из правительства Ж.-П. Кота. Способствовала этому и правая оппозиция, опасавшаяся, как бы этот молодой министр не покусился на устои французского неоколониализма. В то же время представители правых, такие как, например, бывший министр по делам сотрудничества шираковец Робер Галлей, ставили в заслугу Миттерану то, что он «стал прагматиком», благодаря чему «в Африке преемственность весьма широко преобладает над переменами».

Правые не могли пожаловаться на плохое отношение правительства социалистов к французским компаниям, которые преспокойно продолжали хозяйничать в африканских странах, с лихвой окупая свои капиталовложения на континенте путем эксплуатации его материальных и людских ресурсов.

Их особенно устраивала преемственность в военной политике Парижа в Африке. Правительство Миттерана не отказалось ни от одного соглашения об обороне (таковые у Франции имеются с ЦАР, Габоном, Республикой Кот-д'Ивуар, Того, Сенегалом, Камеруном, Джибути и Коморами), ни от соглашений о военном сотрудничестве (заключенных с этими и рядом других африканских стран), ни от одной военной базы, где содержатся регулярные воинские части Франции (в Джибути, ЦАР, Сенегале, Кот-д'Ивуаре, Габоне), ни от размещения «сил присутствия» на островах в Индийском океане, остающихся под французским контролем. Полностью были сохранены «интервенционистские силы», предназначенные в основном для военных авантюр в Африке. Составляющие их 11-я парашютно-десантная дивизия (около 15 тыс. человек), 9-я дивизия морской пехоты (7,6 тыс.) и 31-я моторизованная полубригада (около 3,5 тыс.) стали костяком «сил быстрого действия». Как отмечалось выше, главная миссия этих сил, насчитывающих 47 тыс. человек и вооруженных самыми современными средствами передвижения и ведения боя, связана с театром военных действий в Европе, но райо-

ном их практического применения остается прежде всего Африка. Правительство социалистов не решилось распустить, как давно предлагала ФКП, «иностранный легион», этот пережиток колониальных времен, когда для подавления освободительных движений в различных уголках французской империи широко использовались формирования карателей, состоящие из наемников с сомнительным прошлым. Несколько полков «иностранного легиона» входят в состав «интервенционистских сил» и являются непременными участниками заморских «экспедиций», будь то подавление мятежа в заирской провинции Шаба в 1978 г. или интервенция в Чаде в 1983—1984 гг.

В мае 1985 г. Миттеран учредил пост «специального советника министра обороны по военным отношениям с африканскими странами, заключившими с Францией соглашения о сотрудничестве в области обороны или соглашения об обороне», и назначил на этот пост генерала Жанну Лаказа, освободив его от обязанностей начальника штаба вооруженных сил.

Продолжение старой военной политики в Африке Миттеран пытался оправдывать тем, что она будто бы призвана помогать обеспечению «независимости и единства африканских стран». Практика, однако, убедительно показала, что в действительности речь шла все о той же охране интересов прозападных режимов и деятелей, с которыми тесно связаны французские экономические и политические устремления в Африке, и о борьбе с прогрессивными тенденциями.

Все вернулось на круги своя и в теоретическом обосновании политики Франции в отношении «третьего мира». Миттеран в конечном счете перестал распространять на Африку столь ненавистный Вашингтону «тьермондистский» принцип неприменения критериев конфронтации Восток — Запад к странам Юга. Там, где у Франции нет или почти нет ни позиций, ни тем более влияния, как, например, в Латинской Америке, этот принцип можно было продолжать применять без ущерба для своих интересов, зарабатывая репутацию противников иностранного вмешательства в дела развивающихся стран. Но Африка — это по существу единственный регион «третьего мира», где Франции удалось сохранить и базы, и рынки, и политическую клиентуру. Здесь «тьермондистский» подход мог оказаться опасным. Поэтому-то сочли за благо проводить прежнюю линию: запугивать африканцев, внушая им, что все их беды идут от переноса на Африку

конфронтационных отношений Восток — Запад, а ответственность за это якобы несут не только США, но и Советский Союз. Так, выступая в мае 1982 г. в Абиджане, Миттеран преподнес положение вокруг Западной Сахары и Намибии, на Африканском Роге и в Чаде чуть ли не как порождение соперничества между «двумя сверхдержавами», хотя хорошо известно, что, в отличие от администрации Рейгана, которая, как отмечал журнал «Актюэль девлопман», «просто-напросто сводит к конфронтации Восток — Запад всю совокупность конфликтных ситуаций на африканском континенте», Советский Союз к возникновению ни одной из них не имел никакого отношения. Несколько позже, говоря о Намибии, Миттеран утверждал, что эта страна оказалась «в пагубных тенетах конфликтов Восток — Запад», хотя ни для кого не секрет, что единственным препятствием к независимости Намибии была и остается политика ЮАР, которой фактически потворствуют США и другие западные державы, а напряженность в отношениях между последними и социалистическим содружеством тут абсолютно ни при чем.

Пытаясь научно подкрепить такую позицию французского руководства, профессор Университета Париж-I (Пантеон — Сорбонна) социалист Эдмон Жув пишет: «Африку, как и другие континенты, пронизывают конфликты между Востоком и Западом. Напряженности, которые вызывают брожение в африканском обществе, служат «векторами» (надо полагать, «иностранного вмешательства». — *В. С.*). Франция не может ни игнорировать это, ни уклониться от этого». И Миттеран, по мнению Жува, делает все, чтобы «утвердить присутствие своей страны в этом районе мира».

Все дело здесь именно в утверждении французского присутствия в Африке. А для этого все средства хороши, не говоря уже об их теоретическом обосновании, на что французские социалисты большие мастера. Не хотят в Париже отказываться от «африканской добычи» и потому опасаются, как бы та или иная напряженность действительно не стала «вектором» прогрессивных преобразований, которые империализм — как американский, так и французский — всегда ассоциировал с «рукой Москвы». Но в начале 80-х годов угрозу французским позициям в Африке создавали не столько конфликтные ситуации, сколько попытки США потеснить Францию в ее «заповедниках».

Уже в первые дни правления Миттерана по Парижу поползли слухи о том, что «Рейган готов заменить Жискара в Африке», что «многие страны континента могут повернуться лицом к Америке», обещавшей военную помощь «умеренным» друзьям Запада. Миттеран поспешил заверить африканских деятелей, традиционно ориентирующихся на Францию, что ее отношение к ним никаким серьезным изменениям не подвергнется. «Мы сохраним присутствие в Африке и не дадим никому подменить нас в выполнении той роли, которую признают за нами африканские друзья», — заявил Миттеран в интервью западногерманскому еженедельнику «Штерн». В Париж зачастили африканские президенты, премьеры, министры. В течение первых месяцев своего пребывания в Елисейском дворце Миттеран принял руководителей Сенегала, Кот-д'Ивуара, Нигера, Габона, Камеруна, Заира, Бенина, Конго, Мадагаскара, Анголы, Танзании. Его советники Ги Пенн и Режис Дебрей посетили Нигер, Бенин, Габон, Конго, Анголу, Мозамбик, Замбию, Джибути. Министр по делам сотрудничества и развития Ж.-П. Кот побывал в Камеруне, Гане, Сенегале, Нигерии. Это, разумеется, далеко не полный перечень франко-африканских контактов, которые в последующем продолжались столь же интенсивно, поскольку Франция стремилась сохранить и, по возможности, расширить круг тех стран, с которыми у нее сложились «привилегированные отношения».

Однако это не остановило американского союзника. В Белом доме тоже начали усиленно принимать глав африканских государств. Заместитель государственного секретаря по африканским делам Честер Крокер совершил не один вояж в Африку. Активизировались американские бизнесмены. И если в целом Вашингтон пошел на сокращение финансовой помощи развивающимся странам, то на африканском направлении ее увеличили: 840 млн. долл. на экономическую и продовольственную помощь и 243 млн. на военную в 1983 г. против соответственно 803 и 139 млн. в 1982 г. Правда, США интересовались преимущественно англоязычными странами, но и франкоязычные стали пользоваться все большим вниманием с их стороны, среди них — Заир и Сенегал, Кот-д'Ивуар и Камерун, Габон и др. «Повсюду, во всей франкоязычной Африке Франция остается первым торговым партнером. Но вот уже несколько лет на наши позиции покушаются новички. Соединенные Штаты, Япония, Канада и Бразилия мало-помалу занимают наши торговые

крепости, — сетовал журнал французских промышленников «Юзин нувель». — И в первых рядах — американские транснациональные корпорации, которые ведут себя агрессивно, применяя стратегию все подминающего дорожного катка». «Американские фирмы жмут на все педали, чтобы стать неоспоримым лидером», — констатировал директор камерунского агентства одной из французских компаний. «Юзин нувель» приводит такие примеры. Американские нефтяные компании «Экссон», «Филипс петролеум» и более мелкие заняли место французских в Кот-д'Ивуаре и нацелились на Габон и Камерун. Расширяют позиции в Африке «Катерпиллар» и другие компании. В том же Кот-д'Ивуаре фирма «Юнион карбайд» овладела 80% рынка электробатареек. Не менее агрессивно ведут себя японские автомобильные фирмы, лишившие своих французских конкурентов монопольного положения на рынках франкоязычных стран Африки. Опасным соперником для французов стали канадские компании, поставляющие оборудование для железных дорог, портов и аэродромов, лесного хозяйства и энергосистем.

Усиливая натиск, администрация Рейгана активизировала поощрение частных капиталовложений американских концернов в Африке, особенно в горнодобывающую промышленность, надеясь прибрать к рукам африканские источники сырья (свои потребности в марганце США покрывают за счет импорта на 98%, в бокситах — на 93, в олове — на 81%) и под предлогом противодействия Советскому Союзу потеснить французские и прочие конкурирующие фирмы в этой стратегически важной области.

Широко используют Соединенные Штаты для проникновения в Африку и такие организации, как МВФ, МБРР, и подготовку африканских кадров в американских высших учебных заведениях, и... страхи руководителей африканских «умеренных» режимов, начинающих отдавать предпочтение американскому жандарму в надежде, что он способен оказать им более эффективную помощь против «подрывных движений», нежели бывшие метрополии, превратившиеся в державы средней руки. Одним словом, как отмечалось в журнале Французского института международных отношений «Политик этранжер», «растущее влияние Соединенных Штатов в Африке отныне — совершенно реальная величина».

Было от чего забеспокоиться руководителям Франции:

ее «африканская добыча» сокращалась как шагреневая кожа. И совершенно очевидно, что дело было не в отношениях Восток — Запад, а в ужесточившейся конкурентной борьбе за эту добычу с западными союзниками и партнерами.

Мы уже показали, что значит Африка для Франции. Но времена безнаказанного грабежа давным-давно канули в Лету. Колониализм и сменивший его неоколониализм довели континент до такого положения, когда без внешних финансовых вливаний хрупкая экономика многих африканских государств может быть полностью подорвана и прибылям французских и других западноевропейских монополий придет конец. Ухудшение экономического положения в странах Африки южнее Сахары происходит катастрофическими темпами. Согласно данным МБРР, ежегодный прирост ВНП в этом регионе в 1962—1977 гг. составлял в среднем 4,5%, в 1977—1982 гг. — только 0,5% (против 3,4% в Центральной и Южной Америке и 3,5% в Азии), на душу населения ВНП не только перестал расти, но в 1977—1982 гг. падал ежегодно в среднем на 2,4%. Вот и получилось так, что из 36 стран мира с самыми низкими доходами $^2/_3$ находятся в Африке, причем 13 из них — франкоязычные, то есть бывшие колонии Франции. В 1981—1983 гг. 21 африканское государство обращалось к заимодавцам, объединенным в «парижском клубе», с просьбой об отсрочке выплаты долгов.

Особо остро стоит проблема продовольствия, производство которого в Африке в 60-х годах упало на 7%, в 70-х годах — еще на 15%. А крупнейшие промышленные страны Запада сокращают помощь на развитие именно этого производства: в 1983 г. — на 20%.

Огромные районы, особенно зона Сахеля, охвачены голодом. Положение усугубляет демографический взрыв: в 1982 г. население Африки составляло 498 млн. человек, в 2000 г. африканцев будет уже 850 млн., а еще через 20 лет — 1,3 млрд. Необходимость срочного налаживания собственного производства продуктов питания африканскими странами очевидна. И эту необходимость понимают в Париже. Во всяком случае рассуждения социалистов-теоретиков по поводу целесообразности стимулирования такого развития африканских стран, которое было бы ориентировано преимущественно на решение проблемы самообеспечения продовольствием, явно выражают такое понимание. Но от слов к делу перейти не так-то

просто, даже если хочешь этого: структуры помощи, сложившиеся в домиттерановские времена, продемонстрировали большую устойчивость, и «социалистическая» фраза не поколебала неоколониалистской сути этой помощи, цель которой состоит в обеспечении интересов французских монополий, а отнюдь не в том, чтобы действительно помочь народам бывших колоний завоевать экономическую самостоятельность.

О том, что принесла французская помощь африканским странам, известный африканист Робер Ламботт писал: развитию этих стран она не способствовала, но возвращалась с лихвой в сейфы французских компаний, «проявляющих интерес к проблемам развития». Он же констатировал, что «смена власти» в Париже ничего не изменила. Даже ежемесячные субсидии «марионеточным президентам» сохранились, а некоторые деятели продолжали пользоваться в Париже положением «привилегированных и награждаемых гостей».

Это — критика слева. Но вот что любопытно: справа раздавались такие же голоса. Еженедельник «Парматч» опубликовал статью экономиста Филипа Симонно под многозначительным заголовком: «Наша помощь топит Африку». Говоря о политике не только Миттерана, но и его предшественников, этот автор прямо признает: «сотрудничество» есть средство «удержать наши бывшие колонии у нас в подчинении». Можно соглашаться или не соглашаться с попыткой Симонно объяснить все беды африканских стран завышенным курсом их валют как результатом финансовой помощи Запада, но нельзя не отдать должного некоторым его наблюдениям. Так, в частности, он обращает внимание на то, что помощь, стимулируя импорт товаров из «дающей» страны, служит интересам французских предпринимателей, а не «получающих» стран. Она препятствует экспорту африканской продукции, а от этого в первую очередь страдает сельское хозяйство Африки, в том числе возделывание традиционных продовольственных культур, происходит пауперизация сельского населения, ускоряющая отток людей в города и превращение их в безработных. Другими словами, утверждает Симонно, помощь, первоначально давшая толчок росту народонаселения и разрегулировавшая одновременно местную систему производства продуктов питания, обрекла миллионы и миллионы людей на недоедание и зависимость. По его мнению, двадцать лет сотрудничества Франции с Африкой свидетельствуют о

том, что удержание последней в бедности — одна из целей помощи.

Другая цель — удержать африканцев в невежестве. 30% французской помощи развивающимся странам идут на нужды просвещения африканцев, чем в Париже очень гордятся. Но в результате этой помощи африканские страны имеют «самую дорогую в мире» систему образования: начальное стоит в два раза дороже, чем в других странах «третьего мира», среднее — в четыре-пять раз, высшее — в пять-десять раз. Обратно пропорционален охват населения учебными заведениями: в начальных учится 63% африканских детей соответствующего возраста (против 83% в других районах «третьего мира»), в средней школе — 13% (против 36%), в высшей — всего 1% (против 3%). 20 лет французской помощи дали грамотность лишь 28% взрослого населения стран Тропической Африки (против 51% в сравнимых странах других регионов мира). Да, действительно африканские историки будущего могут вслед за Симонно сказать, что «чернокожие школьники оказались жертвами подлинного постколониального мошенничества». Из всего этого французский ученый делает пессимистические выводы: «Какой урок извлекает большинство экспертов из 20-летнего провала? Что надо увеличить помощь. Короче, исправлять, снова исправлять, все время исправлять, поскольку вина неоколониализма наложилась на вину колониализма. Но исправление само по себе тоже наносит ущерб, и поэтому система еще долго продержится, пока не будет свергнута насильственным путем. В этих условиях африканская политика Франции... и не может быть хорошей. Она порочна по своей сути. Снисходительный неоколониализм Валери Жискар д'Эстэна, «уважающий» свободу тиранов в использовании денег французского налогоплательщика, министерство Жан-Пьера Кота хотело заменить неоколониализмом дирижистским, более заботящимся о принципе приоритета развития. Заранее проигранный бой! Не только потому, что «левак» с улицы Месье* был тотчас же продублирован собственным сыном президента (когда знаешь о важности, придаваемой семейным связям в Африке, не будешь удивляться тому, что у президентского отпрыска там куда больше влияния, нежели у титулованного

* Улица, где расположено министерство по делам сотрудничества и развития, которое возглавлял Ж.-П. Кот.

министра), но еще и потому, что Жан-Пьер Кот столкнулся лоб в лоб с тремя группами давления, доминирующими над его министерством. Это — промышленность, экспортирующая оборудование, в том числе для общественных работ, министерство национального образования (устраивающее свои кадры на работу в африканских странах. — *В. С.*) и местная элита, которая к нам привязана потому, что без помощи лишилась бы и своего благополучия, и своей власти. Поэтому президент Франсуа Миттеран не замедлил быстренько вернуться к патерналистской практике своих предшественников, возвратив Жан-Пьера Кота к его любимым научным занятиям».

Все основные структуры сотрудничества Франции с бывшими колониями в Африке остались полностью нетронутыми. И в первую очередь механизм зоны франка, через который поддерживается финансовая зависимость африканских стран от Франции. Сохранились все каналы и методы экономической, технической и военной помощи, обеспечивающие французское присутствие в этих странах. Французское государство поощряет частные инвестиции в их экономику, финансирует их бюджетные дефициты, консультирует при переговорах с иностранными кредиторами, держит в своих руках рычаги идеологического воздействия, в частности через направляемых в эти страны различного рода специалистов, а также учителей и профессоров, вооружает армии, закрывая глаза на непопулярность тех или иных режимов и нарушения ими прав человека.

В пределах своих возможностей Франция стремится канализировать в направлении своих африканских клиентов средства международных организаций, делая ставку не столько на Программу развития ООН или Организацию Объединенных Наций по промышленному развитию (ее собственный вклад в бюджет этих учреждений ООН, помогающих развивающимся странам, по признанию французских экономистов, является более чем скромным), сколько на МВФ и МБРР, а главное — на ЕЭС, имеющее свой Европейский фонд развития и связанное с большой группой стран Африки, Карибского моря и Тихого океана (АКТ) соглашениями о сотрудничестве. Сначала это были Яундские конвенции (1963 и 1969 гг.), затем Ломейские конвенции (1975 и 1979 гг.).

Ломейские конвенции создали юридические условия, благоприятствующие деятельности ТНК Западной Евро-

пы, которые продолжают неоколониалистский грабеж в новых формах, на «законных», так сказать, основаниях. Эти договорные рамки в известной степени привязывают страны АКТ к Общему рынку и политически. Предоставление помощи нередко обусловливается внесением тех или иных коррективов в социально-экономическую политику стран-получателей. Всем участникам очередной конвенции навязывается так называемая «берлинская оговорка»: их вынуждают соглашаться с незаконным распространением действия Римского договора и других договорных документов ЕЭС на Западный Берлин, как если бы это была часть территории ФРГ. Причем делается это напрямую, без всякой дипломатии.

Кое-чего развивающимся странам в ходе переговоров о заключении упомянутых конвенций добиваться, казалось бы, удавалось, например создания механизмов «Стабэкс», а затем «Сисмин», призванных компенсировать снижение их доходов от экспорта некоторых видов сельскохозяйственного и минерального сырья, вызываемое падением цен на мировом рынке. Но механизмы эти располагают далеко не достаточными ресурсами, чтобы действительно гарантировать экспортные доходы стран АКТ, и сколько-нибудь позитивного влияния на их экономику не оказывают. Более того, суть этих механизмов сводится, по мнению такого видного ученого, как профессор Парижского института политических наук и Национальной школы администрации Филип Моро-Дефарж, к стремлению «удержать страны АКТ в положении поставщиков необработанного сырья».

Да и ассигнования Европейского фонда развития, предоставляющего странам АКТ субсидии и займы, серьезной помощью тоже трудно считать, как бы ни восхваляли эту помощь в Париже, Лондоне и Брюсселе.

На первый взгляд 4,5 млрд. экю, которыми располагал этот фонд в 1980—1985 гг., могут показаться внушительной цифрой, особенно в пересчете на французские франки — 30 млрд.! Но выделены-то эти средства на 5 лет и для... 64 стран, многие из которых в результате могут рассчитывать на мизерные суммы. Вся помощь ЕЭС, вместе взятая, — это всего 4 долл. на душу населения стран АКТ в год, да к тому же еще в конечном счете эти денежки возвращаются заимодавцам. Страны АКТ находятся в катастрофическом финансовом положении. Их внешняя задолженность, тормозящая развитие, растет с головокружительной быстротой: накануне подписа-

ния третьей Ломейской конвенции она достигла 150—160 млрд. долл.

Париж принял самое деятельное участие в переговорах, подготовивших третью Ломейскую конвенцию. Незадолго до начала этих переговоров представитель Франции в КЕС Эдгар Пизани выступил с меморандумом, в котором ратовал за то, чтобы ЕЭС сконцентрировало свою помощь странам АКТ на долгосрочных проектах преимущественно сельскохозяйственного характера. «У нас там слишком много инженеров и недостаточно специалистов ручного труда», — заявил он. Но попытка столкнуть страны Африки и других районов «третьего мира» с пути комплексного развития своей экономики на сугубо аграрную специализацию под предлогом заботы об их самообеспечении продовольствием особого успеха не имела. И на консультативных ассамблеях АКТ — ЕЭС (Рим, ноябрь 1982 г.; Западный Берлин, сентябрь 1983 г.; Люксембург, сентябрь 1984 г.) африканские парламентарии подвергли резкой критике своекорыстную политику ЕЭС в отношении развивающихся стран и реализации второй Ломейской конвенции.

Открывшиеся 6 октября 1983 г. переговоры о заключении третьей Ломейской конвенции на 1985—1990 гг. продолжались более года и проходили в обстановке ожесточенной борьбы. Позиция большинства стран ЕЭС сводилась к тому, чтобы обновление текста этой конвенции не влекло за собой существенных издержек для них. Страны АКТ, наоборот, добивались весомого увеличения финансовых средств, отпускаемых на нужды их развития из бюджета ЕЭС, настаивая на необходимости введения поправки на инфляцию. С их стороны высказывались и предложения об аннулировании долгов. Франция поддерживала меморандум Э. Пизани, поскольку он, по мнению правительства, преследовал цель «улучшить эффективность помощи и усилить диалог со странами «группы АКТ», диалог, который «Юманите» совершенно справедливо квалифицировала как проявление неоколониализма. Французское правительство устраивала линия на приоритетное отношение к «сельскому развитию», на укрепление механизма «Стабэкс» путем установления более четкого контроля за распределяемыми через него фондами. Во имя сохранения ломейской системы и ее «совершенствования» в направлении все более тесного привязывания стран АКТ к ЕЭС Франция считала целесообразным сделать шаг навстречу требованию этих стран об увеличе-

нии им финансовой помощи, и французская дипломатия приложила немало усилий, чтобы уговорить партнеров по «десятке», особенно англичан и западных немцев, согласиться на повышение общего уровня ассигнований по линии Европейского фонда развития до 7,4 млрд. экю против 4,7 млрд. по условиям второй Ломейской конвенции.

8 декабря 1984 г. в столице Того Ломе состоялось подписание третьей конвенции между 10 странами ЕЭС и 66 странами АКТ. «Ломе-III будет походить на предыдущую конвенцию, как сестра», — утверждал экономический обозреватель газеты «Монд» Филип Лемэтр за две недели до подписания новой конвенции. Он оказался в сущности прав. Система «Стабэкс» осталась в силе, круг покрываемых ею товаров был несколько расширен, порог падения доходов, требуемый для получения дотаций, снижен, уровень субсидий повышен до 925 млн. экю (против 557 млн. по второй Ломейской конвенции). Не претерпел особых изменений и «Сисмин», которому выделялось 415 млн. экю (против 282 млн. по Ломе-II). Вместе с тем установлен более жесткий контроль за использованием фондов. Финансовая помощь в целом составит 8,5 млрд. экю (7,4 — по линии Европейского фонда развития и 1,1 — по линии Европейского инвестиционного банка) вместо 10 млрд., которые страны АКТ считали необходимым минимумом. И за «щедроты свои» западноевропейская «десятка» добилась включения в конвенцию таких положений, которые, по мнению «Юманите», позволяют использовать ее как «инструмент влияния на экономический выбор стран АКТ».

Государства Африки, бассейнов Карибского моря и Тихого океана не скрывали своего разочарования новой Ломейской конвенцией. Франция же, напротив, получила весьма существенное подспорье для удержания в своих руках «африканской добычи», пусть даже ценой некоторого дележа с партнерами по ЕЭС.

Важным средством сохранения французского влияния в Африке и при Миттеране оставались ежегодные франко-африканские встречи в верхах*. 3—4 ноября 1981 г. такая встреча состоялась в Париже вместо Киншасы (Заир), как это планировалось ранее: руководители африканских стран уважили просьбу нового французско-

* Официальное название — Конференция глав государств Франции и Африки.

го президента, которому хотелось принять их у себя дома в особо торжественной обстановке, и выступать в роли хозяина, а не гостя. При этом в Париже делали вид, что хотят «выработать новый стиль отношений» и что «страница неоколониализма перевернута». Миттеран заверил представителей 34 африканских государств, собравшихся в Париже, в том, что будет поддерживать Организацию африканского единства (ОАЕ) в разрешении африканских проблем и сделает все для «уравновешивания отношений Север — Юг» путем глобальных переговоров, как об этом говорилось на завершившейся незадолго до этого канкунской встрече.

Президент Франции и перед африканскими деятелями выступил в качестве адвоката ядерного «довооружения» НАТО в Европе. Не упустил он случая и для того, чтобы порадеть за Израиль. По сведениям Поль-Мари де ля Горса, «один из самых видных сотрудников президента предлагал, чтобы франко-африканская конференция дала Франции возможность подготовить примирение между Израилем и странами Африки, которые порвали с ним после октябрьской войны 1973 года». Этой линии Париж стал при Миттеране придерживаться весьма последовательно. В результате в начале 1986 г. пять франкоязычных государств Африки приняли решение об установлении или восстановлении дипломатических отношений с Израилем. Говоря о Западной Сахаре, Миттеран пообещал поддерживать усилия ОАЕ и приветствовал «инициативу короля Марокко», которая, как показала последующая практика, преследовала единственную цель — воспрепятствовать предоставлению независимости этой бывшей испанской колонии, находившейся под контролем Рабата.

Французский президент затронул и некоторые проблемы Африки южнее Сахары. Так, высказавшись в пользу независимости Намибии в соответствии с резолюцией 435 Совета Безопасности ООН от 29 сентября 1978 г., он подтвердил участие Франции в так называемой «контактной группе» (США, Англия, Франция, ФРГ, Канада), которая потворствовала ЮАР и фактически тормозила обретение Намибией независимости. Недовольство африканцев деятельностью «контактной группы» побудило Францию публично отмежеваться от американского требования увязки намибийской независимости с выводом кубинского воинского контингента с территории Анголы, что и было сделано Шейсоном 27 сентября 1982 г. на

пресс-конференции в Нью-Йорке во время 37-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. «Франция, — заявил он, — никогда не соглашалась, чтобы между выполнением резолюции 435 и уходом кубинцев из Анголы была какая-либо связь». Этой линии Париж придерживался и в последующем. В октябре 1982 г. Шейсон подверг критике тех, кто использует эту увязку в качестве предлога для затягивания процесса предоставления независимости Намибии, и заявил, что «контактная группа» завершила свою работу. Однако Франция продолжала участвовать в заседаниях этой группы и выдавать ее за полномочного представителя международного сообщества, якобы наделенного мандатом ООН, что ни в коей мере не отвечало действительному положению. Только 7 декабря 1983 г. было объявлено, что Париж решил приостановить свое участие в работе «контактной группы». Днем позже Шейсон уточнил: Франция не будет участвовать в заседаниях «контактной группы», но не выходит из нее и не предлагает ее роспуска, а в случае, если ЮАР пойдет на выполнение решений ООН, «мы будем очень счастливы подтвердить наше участие».

Другая острая проблема Африки южнее Сахары, упомянутая в выступлении Миттерана на франко-африканской конференции в Париже в ноябре 1981 г., — положение в Чаде. Главная цель, которую Франция ставила тогда перед собой, — добиваться отказа правительства Чада от помощи и поддержки Ливии, к чему ее, как утверждал Поль-Мари де ля Горс, «потихоньку подталкивали американцы». Зачем это делалось, стало ясным очень скоро, когда американский ставленник Хиссен Хабре, укрывавшийся в Судане, начал наступление на войска переходного правительства национального единства, которое повсеместно, в том числе и в Париже, считалось законным.

На следующей конференции глав государств Франции и Африки, проходившей в Киншасе 8—9 октября 1982 г., французский президент «законным» главой чадского государства уже признавал узурпатора Хиссена Хабре. В отношении же таких проблем, как намибийская, задолженность африканских стран и целого ряда других, какого-либо прогресса на этой конференции достигнуто не было. То же самое можно сказать и о франко-африканских конференциях во французском курортном городке Виттеле 2—4 октября 1983 г., в бурундийской столице Бужумбуре 11—12 декабря 1984 г. и в Париже 12—13 декабря 1985 г.

Особый интерес представляет сотрудничество Франции с ЮАР.

Правительство социалистов не только поддерживало намибийскую независимость, но и осуждало апартеид, а также агрессивные действия ЮАР против Анголы и Мозамбика. Впрочем, так было и до появления в Елисейском дворце Миттерана, который развил эту линию до установления контактов с Африканским национальным конгрессом Южной Африки (АНК) и Народной организацией Юго-Западной Африки (СВАПО), борющейся за независимость Намибии. Более того, им было разрешено открыть свои информационные бюро в Париже. Но от дипломатических отношений и экономических связей с ЮАР Франция никак не хотела отказываться. Вместе с США вплоть до 1985 г. она выступала против санкций ООН. И строила атомную электростанцию в Кеберге, выполняя контракт жискаровских времен (два реактора по 920 *МВт* каждый общей стоимостью 2 млрд. долл., причем второй начали сооружать уже при Миттеране, и в строй он вступил летом 1985 г.). И торговала: ЮАР — первый поставщик каменного угля во Францию, она продает французам уран, железную руду, свинец, марганец — всего на 4,4 млрд. франков в 1983 г. В том же году Франция поставила в ЮАР современное оборудование, в том числе электронную технику, общей стоимостью до 3,8 млрд. франков. В 1984 г. этот торговый оборот вырос на 25%. Все больше французских торговых делегаций посещало ЮАР. Оказывалась Претории и финансовая помощь: национализированные банки Франции предоставили ей в 1984 г. займов в целом на 1 млрд. долл. Не удивительно, что официальное радио ЮАР еще в начале 1982 г. заявило: Миттеран — «это деятель, с которым можно договориться». «Превосходными» считал экономические и финансовые отношения с Францией южноафриканский министр финансов Хорвуд, неоднократно посещавший Париж. «Новым этапом в оценке Францией реальностей африканской политики» назвала газета «Монд» визит министра иностранных дел ЮАР в Париж и его встречу с министром внешних сношений Роланом Дюма в феврале 1985 г.

Разнузданный террор расистов против африканского населения в условиях чрезвычайного положения, введенного в июле 1985 г., вынудил французские власти предпринять определенные шаги: отозвать посла из Претории, запретить новые инвестиции в экономику ЮАР, внести

в Совет Безопасности ООН проект резолюции, осуждающий Преторию и даже предлагающий некоторые санкции против нее, правда, на добровольной основе. Позднее было решено прекратить импорт угля из ЮАР. В январе 1986 г. Совет министров Франции принял постановление об ограничении экспортно-импортных операций с ЮАР. Но на многие стороны экономических и политических связей с расистским режимом Париж поднять руку так и не посмел, что позволило «Юманите» квалифицировать санкции Франции против ЮАР как полумеры, зачастую носящие пропагандистский характер.

Еще до выборов социалисты обещали урегулировать вопрос об островах в Индийском океане, которые Франция оставила за собой при деколонизации некоторых из своих бывших владений там. Вокруг Мадагаскара находятся так называемые «разбросанные острова»: Бассас-да-Индия, Жуан-ди-Нова, Европа, Глорьёз, — которые он считает своей территорией. Собственная площадь этих пустынных островов — 50 *кв. км*. Зато океанская экономическая зона вокруг них — это 750 тыс. *кв. км*. С 1973 г. Франция разместила на этих островах мини-гарнизоны морской пехоты, основная база которых — остров Реюньон, считающийся ее «заморским департаментом». Владение крошечными островами позволяет Франции контролировать огромное морское пространство. Вот поэтому-то прежде всего она и не желает отдавать «разбросанные острова» претендующему на них Мадагаскару.

Примерно такая же ситуация складывалась и в отношении Майотты, отторгнутой Францией от «заморской территории» Коморские острова в момент получения ею независимости в 1975 г. Сделано это было под тем предлогом, что население Майотты в большинстве своем проголосовало за сохранение острова в составе Французской Республики. Предлог фальшивый: когда Франция организовала референдум на Коморах по вопросу о независимости, архипелаг рассматривался как единая «заморская территория», и за независимость высказалось подавляющее большинство ее населения. Отторжение Майотты явилось и грубым нарушением обязательства Франции уважать хартию ОАЕ, которая провозгласила принцип неприкосновенности границ, унаследованных от колониальных времен. Но от установления окончательного статуса Майотты французские правящие круги воздержались, опасаясь слишком резкой реакции стран «третьего мира». Объявив Майотту «территориальной единицей

Французской Республики», Париж пообещал проводить там время от времени референдумы о ее статусе. Республика Коморские Острова требует возвращения Майотты. Это требование поддерживают Организация африканского единства, неприсоединившиеся государства и подавляющее большинство международного сообщества. Генеральная Ассамблея ООН неоднократно подтверждала «суверенитет Федеральной Исламской Республики Коморские Острова над островом Майотта», призывала французское правительство «уважать обязательства, взятые накануне референдума о самоопределении Коморского архипелага 22 декабря 1974 г.», и предлагала ему вступить в переговоры с Коморами о возвращении им Майотты. Но, как и их предшественники из правобуржуазного лагеря, социалисты отделывались обещаниями устроить очередной референдум на Майотте, явно рассчитывая на победу противников реинтеграции острова в состав Комор. А пока суд да дело, уговаривали коморское правительство согласиться на сохранение французского военного присутствия на Майотте и сооружение базы для французских ВВС на острове Гранд-Комор.

Во время англо-аргентинского кризиса из-за Фолклендских (Мальвинских) островов в 1982 г. Франция без колебаний заняла сторону британских колонизаторов. И одной из причин такой позиции был страх за «собственные Мальвины», разбросанные по всем океанам. Этот страх мутной волной выплеснулся тогда на страницы французских газет и журналов, им были пронизаны многие радиопередачи и телевизионные репортажи и комментарии. Через каналы органов массовой информации Париж грозил тем, кто посмеет покушаться на его последние колонии, применить военную силу по примеру Лондона.

В своей борьбе за «африканскую добычу» Франция предпочитает пользоваться политическими, экономическими и культурными средствами из арсенала неоколониализма. Но когда эта добыча начинает уплывать из рук, она не останавливается и перед вооруженной интервенцией, наглядным примером чему служат ее авантюры в Чаде.

Операция «Манта»

Левые силы Франции, включая социалистов, решительно осуждали политику французских неоколониалистов в Чаде, где ни де Голь, ни Помпиду, ни Жискар

д'Эстэн не останавливались перед открытым вооруженным вмешательством во внутренние конфликты на стороне тех группировок, которые проявляли наибольшую склонность к ориентации на бывшую метрополию.

В 1981 г. Чад находился в новой стадии гражданской войны. Созданное в соответствии с лагосскими соглашениями 1979 г. переходное правительство национального единства (ППНЕ), во главе которого стал лидер Фронта национального освобождения Чада (ФРОЛИНА) Гукуни Уэддей, уже в марте 1980 г. столкнулось с мятежом, поднятым министром обороны этого правительства, руководителем так называемых вооруженных сил Севера (ФАН) Хиссеном Хабре. В Париже считали его «энергичным лидером, единственным, кто способен удержать Чад в западном лагере». Но французские войска завершили в это время свой очередной уход из Чада (в мае 1980 г. их там уже не было), и к оказанию эффективной поддержки мятежникам Франция была не готова. В ноябре 1980 г. по просьбе законного правительства Чада на его территорию был введен ливийский воинский контингент, который оказал помощь ППНЕ в подавлении мятежа.

Укрывшись в районе границы с Суданом, Хиссен Хабре начал заново формировать свои отряды, опираясь прежде всего на оружие и деньги, которые ему предоставило ЦРУ США. Помогали мятежному министру и садатовский Египет, Судан обанкротившегося диктатора Нимейри, Израиль, Саудовская Аравия. Франция при Жискар д'Эстэне по отношению к Хиссену Хабре вела себя сдержанно. Но и с ППНЕ, утвердившимся в Нджамене, отношения заморозила.

Правительство социалистов повело себя несколько иначе. Уже в июне 1981 г. в Париже приняли министра иностранных дел ППНЕ А. Ахмата. За этим первым официальным контактом последовали другие. Франция пообещала участвовать в реконструкции Чада, обусловив, однако, полную нормализацию своих отношений с ним выполнением требования о выводе с чадской территории ливийских войск, место которых должны были занять «межафриканские силы». В сентябре 1981 г. Миттеран принимал в Елисейском дворце Гукуни Уэддея, на которого был оказан сильный нажим с тем, чтобы он сам попросил Каддафи вывести ливийские части из Чада. Нажим сдабривался новыми посулами. Обещали военную

помощь. Обещали воздействовать на тех, кто поддерживает Хиссена Хабре. В общем, много чего обещали...

22 октября 1981 г. Миттеран, находившийся в это время в Канкуне, обратился с призывом к ОАЕ срочно создать «межафриканские силы» для замены ливийских войск в Чаде. Призыв этот был тут же поддержан администрацией Рейгана. В конце октября в Париже была развернута антиливийская кампания и одновременно ППНЕ посулили предоставить помощь. Более того — начались поставки в Нджамену военного снаряжения. В ночь с 29 на 30 октября Гукуни Уэддей обратился к Ливии с просьбой отвести войска, что и было сделано в течение последующих нескольких дней. Французский президент и его правительство представили уход ливийцев из Чада как большой успех своей дипломатии. Много говорили на этот счет и на франко-африканском совещании в Париже в ноябре 1981 г., где правительству Чада обещали помощь в восстановлении административных органов, налаживании экономики, создании единой национальной армии, консолидации национального единства и т. д. и т. п.

Единственным реальным результатом ухода ливийцев для ППНЕ было то, что оно оказалось один на один с мятежниками, которые тут же развязали военные действия. Именно один на один, ибо «межафриканские силы» формировались крайне медленно, ограничились присутствием преимущественно в Нджамене и не оказали никакой помощи законному правительству против отрядов Хиссена Хабре, в то время как этот последний, по свидетельству лондонского еженедельника «Экономист», располагал базами в Судане, получал оружие из Египта, а деньги — из США.

Уже в декабре 1981 г. Гукуни Уэддей заявил, что «межафриканские силы» ведут себя пассивно, «ничего не делая для сохранения безопасности и целостности Чада», а потому «бесполезны». Это было мягко сказано. Роль этих сил была не просто бесполезной, а вредной: их «пассивность» явно способствовала беспрепятственному продвижению отрядов Хиссена Хабре к Нджамене. И ничего в том не было удивительного: основу «межафриканского воинства» составляли заирские части, а они находились на полном обеспечении у американских покровителей Хиссена Хабре.

Дипломатическая победа Франции, добивавшейся замены ливийцев «межафриканскими силами», оберну-

лась смертельной угрозой законному правительству Чада. Сама же Франция начала отходить от своей первоначальной линии поддержки ППНЕ. С развитием наступления сил Хиссена Хабре участились франко-американские консультации по Чаду. В феврале 1982 г., когда специальный комитет ОАЕ по Чаду на своем заседании в Найроби ограничил мандат «межафриканских сил» сроком до 30 июня 1982 г. и предложил Гукуни Уэддею вступить в прямые переговоры с Хиссеном Хабре, Париж в свою очередь принял решение прекратить поставки оружия и боеприпасов ППНЕ и попытался укрыться за формулой поддержки усилий ОАЕ.

Не сумевшее создать крепкой национальной армии и мобилизовать народные массы на отпор врагу, ослабленное внутренними раздорами, правительство Гукуни Уэддея не смогло устоять перед натиском мятежников. 7 июня 1982 г. Хиссен Хабре вступил в Нджамену и через некоторое время провозгласил себя президентом Чада. Буквально на следующий день в ходе брифинга на Ке д'Орсэ было дано понять, что Франция готова оказывать помощь новым чадским властям. 9 июня об этом уже прямо заявил сам Миттеран, что вызвало удовлетворение Хиссена Хабре, который, признавая решающее значение американо-египетско-суданской помощи в деле захвата столицы Чада и ценя продолжение этой помощи, понимал необходимость нормализации отношений с Парижем для утверждения своего режима в Нджамене и его положения на континенте. И Миттеран сделал ему весьма важные авансы, заявив, что Франция поддерживает «законные правительства, которые рождаются силой оружия», и что она «учитывает реальности». Вполне естественно, что Хиссен Хабре прекратил нападки на французский неоколониализм и начал подчеркивать «большую роль, которая призвана играть» Франция в Чаде. Уже 1 июля в Елисейский дворец был представлен меморандум Хиссена Хабре, из которого явствовало, что новый «друг» Франции ожидает от нее прежде всего финансовой помощи. 8 октября, во время франко-африканской встречи в верхах в Киншасе, Миттеран установил личный контакт с Хиссеном Хабре и торжественно заявил, что «Франция несомненно откликнется на любую просьбу об участии в возрождении Чада».

И когда Гукуни Уэддей в конце октября — начале ноября договорился с лидерами других чадских группировок, входивших в ППНЕ, о создании временного пра-

вительства национального спасения, Франция заняла однозначную позицию поддержки Хиссена Хабре, рискуя на этот раз быть втянутой в гражданскую войну в Чаде.

По мере успешного продвижения войск Гукуни Уэддея в направлении к Нджамене французское правительство усиливало пропагандистскую кампанию против Ливии как главного союзника патриотических сил Чада, подготавливая почву для вооруженного вмешательства. Режим Хиссена Хабре, за спиной которого стояли Соединенные Штаты, она решила поддерживать всеми средствами, включая военные, видя в нем наилучшего проводника интересов Запада в Центральной Африке. Этим Париж одновременно стремился успокоить государственных деятелей других африканских стран, ориентирующихся на сотрудничество с Францией, и помешать своему американскому союзнику продвигать собственные фигуры на африканской шахматной доске под фальшивым предлогом противодействия «ливийской агрессии». Но усердие Парижа в чадских делах вашингтонскую администрацию вполне устраивало. Рейган подталкивал Миттерана на все более решительные действия в Чаде, охотно признавая за Францией «сферу влияния» в этой африканской стране.

24 июня 1983 г. войска Гукуни Уэддея овладели стратегически важным городом Файя-Ларжо на севере страны. В Нджамену тут же отправился министр по делам сотрудничества и развития Кристиан Нуччи для выяснения потребностей Хиссена Хабре в оружии и боеприпасах. 27 июня министерство внешних сношений заявило, что Франция будет «приспосабливать» поставки военного снаряжения Нджамене к обстоятельствам. В тот же день туда вылетел первый транспортный самолет с военным грузом. 28 июня Миттеран заявил о получении войсками Гукуни Уэддея тыловой поддержки «со стороны Ливии» и пообещал такую поддержку Хиссену Хабре, сославшись на франко-чадские соглашения о военно-техническом сотрудничестве 1976 г. Президент напомнил, что эти соглашения запрещают французскому военному персоналу, предоставленному в распоряжение чадских вооруженных сил, какое-либо прямое участие в военных операциях или в поддержании порядка, хотя уже через несколько дней в Париже «забыли» об этом запрете.

К 1 июля Франция переправила в Нджамену 200 *т* военных грузов и предоставила под видом «гражданских экспертов» в распоряжение Хиссена Хабре военных инструк-

торов. В Нджамене и Париже начали распространяться слухи о подготовке к отправке в Чад французского экспедиционного корпуса. А тем временем Заир перебросил в Нджамену на помощь Хиссену Хабре 250 отборных командос, подготовленных французскими военными советниками, звено штурмовиков и два транспортных самолета.

5 июля Хиссен Хабре публично обратился к Франции с просьбой о прямом вооруженном вмешательстве. Но Париж выжидал, предпочитая до поры до времени усиление заирского экспедиционного корпуса, силы которого к середине июля были доведены до 2000 человек. «Можно думать, — писала «Матэн», — что отправка этих подкреплений была осуществлена с согласия Парижа, который предпочитал, чтобы такого рода проблемы разрешались самими африканцами». Предпочитал, но исподволь готовился к вооруженной интервенции, приведя в состояние боевой готовности свои «интервенционистские силы».

Советский Союз в специальном Заявлении ТАСС от 13 июля 1983 г. решительно осудил эскалацию империалистического вмешательства во внутренние дела Республики Чад и потребовал незамедлительно прекратить любые интервенционистские действия в Чаде.

В интервью французскому телевидению 14 июля 1983 г. Миттеран заверил французов и международную общественность, что Франция не выйдет за рамки соглашений 1976 г. и, следовательно, не пошлет в Чад свои войска. Но поток оружия из Франции для воинства Хиссена Хабре не иссякал, достигнув к началу августа общей стоимости 350 млн. франков. Соединенные Штаты поставили в Чад к этому времени оружия и боеприпасов на 200 млн. франков. В Нджамену явилась группа американских военных инструкторов. Для ведения авиаразведки над территорией Чада в Судан были направлены два американских самолета, оснащенных системой раннего оповещения и наведения АВАКС. К берегам Ливии двинулись корабли 6-го американского флота. Всячески побуждая Францию к более решительным действиям, Рейган направил Миттерану послание, в котором заверил французского президента в американской поддержке, когда Франция решится пойти на интервенцию в Чаде.

9 августа под фальшивым предлогом отпора «ливийскому вмешательству» Париж принял решение начать переброску по «воздушному мосту» в Нджамену солдат

и офицеров, одетых в форму инструкторов, а также оружия и боеприпасов. Тогда же было впервые произнесено кодовое название новой интервенции в Чаде, которую окрестили именем гигантского ската манта, названного так за свои одеялоподобные плавники.

Операция «Манта» вылилась в размещение на стратегических направлениях театра военных действий в Чаде французского экспедиционного корпуса в размере 3500 человек, чего в условиях противостояния враждующих армий силами не более 5000 человек с каждой стороны было вполне достаточно для установления эффективного контроля над обстановкой в стране.

По твердому убеждению многих политических наблюдателей, эта операция была согласована с Пентагоном. В конце августа канцелярия французского президента вынуждена была признать, что 6 и 7 августа Миттеран принимал в своей резиденции в Лаче рейгановского эмиссара, бывшего заместителя директора ЦРУ генерала Вернона Уолтерса. О содержании бесед, естественно, умалчивалось. Зато немало было сделано всякого рода «опровержений» официальных лиц, предназначенных для отвода глаз. Париж не хотел представать перед общественным мнением в роли исполнителя воли Вашингтона, тем более что у французских руководителей были собственные побудительные мотивы для вмешательства, на которые они решились не столько из-за американского давления, сколько исходя из собственной оценки французских интересов в Африке и влияния чадских событий на внутриполитическую обстановку в самой Франции. Миттерану нужно было показать всем, что именно Франция играет решающую роль в чадских событиях и что африканские страны, лидеры которых что-то зачастили в Вашингтон, на деле могут рассчитывать прежде всего на французскую помощь, окажись возглавляемые ими режимы под угрозой.

14 августа французские парашютисты заняли города Абеше и Салал, а через два дня — Бильтин и Араду, оказавшись фактически на передовой. Подставив их под возможные удары, французское правительство лицемерно заявило: если «инструкторы» подвергнутся нападению, они будут «оборонятся». В качестве барьера, за которым наступающие столкнутся с французскими войсками, была установлена «красная линия» южнее 15-й параллели. В Нджамену прибыли три первых французских истребителя-бомбардировщика «Мираж». Миттеран «утратил

идеологическую невинность» — иронизировала левая газета «Либерасьон», намекая на то, что отныне Елисейский дворец делает в Чаде все то, за что социалисты в свое время бичевали голлистов и жискаровцев.

Наращивая свое военное присутствие в Чаде, Франция предприняла серию дипломатических демаршей с целью предотвращения прямых вооруженных столкновений с Ливией в Чаде и побуждения сторон чадского конфликта к переговорам. Миттеран установил прямой контакт с Каддафи, направив к нему своего личного эмиссара Ролана Дюма (будущего министра внешних сношений). Одновременно Ги Пенн и Кристиан Нуччи вели переговоры с главами ряда африканских государств в целях обеспечения поддержки ими французской политики в Чаде. Нужно было успокаивать и свое общественное мнение, которое не одобряло направления французских парашютистов в Чад, опасаясь перерастания внутреннего конфликта в международный. Французов убеждали, что экспедиционный корпус в Чаде в военных действиях не участвует, ограничиваясь «миссией прикрытия». А на деле Париж перебрасывал туда все новые и новые воинские части, оснащенные современным оружием, предназначение которых — ведение боевых операций, а отнюдь не самозащита в случае нападения. Газета «Матэн» довольно ехидно заметила, что французских «инструкторов» теперь в Чаде больше, чем чадских «учеников». К тому же этих «инструкторов» вывели из фиктивного подчинения правительству Хиссена Хабре и поставили под начало французского бригадного генерала, подчиненного непосредственно своему генштабу.

21 августа в Нджамену перебазировался авиаотряд в составе 6 штурмовиков «Ягуар», 4 истребителей-бомбардировщиков «Мираж Ф1» и 2 авиазаправщиков КС-135, задача которых якобы тоже должна была состоять лишь в защите французских военнослужащих. Оснований, кроме «приглашения» от узурпатора Хиссена Хабре, у французского правительства для такого вмешательства не было. Напротив, действовавшие соглашения 1976 г. запрещали ввод в Чад французских вооруженных сил. Позднее, в декабре 1984 г., Р. Дюма признал, что во время операции «Манта» Франция находилась «в положении правонарушителя». Но, поскольку перед французским империализмом тогда всерьез встал вопрос о будущем его позиций в Африке, правительство социалистов отбросило принципы (самоопределения, невмешательст-

ва, уважения суверенитета и т. п.) и пустило в ход испытанные методы военной интервенции.

Французские коммунисты открыто возражали против «выхода за рамки» франко-чадских соглашений 1976 г. Решительной критике подвергали интервенцию в Чаде левые группировки, не представленные в правительстве. Они прямо указывали на то, что Париж ввязался в колониальную авантюру. Правая оппозиция настроена была весьма воинственно и поддерживала вооруженное вмешательство в дела Чада, критикуя правительство лишь за недостаточную твердость. Ну а что касается социалистов, то они «полностью одобряли политику правительства», как об этом не единожды заявлял их первый секретарь Жоспен.

К началу сентября численность французских войск в Чаде превысила 3500 человек*. Министр обороны Эрню, который во французском правительстве был среди самых решительных сторонников интервенции, совершил 25—27 августа поездку в Нджамену, где заверил Хабре в том, что в случае необходимости французские войска вступят в дело. Слова Эрню были подкреплены расширением французских военных поставок: Хабре получил боевые вертолеты, танки, тяжелую артиллерию, в ЦАР и Габоне появились новые авиаотряды, призванные поддерживать французские эскадрильи, размещенные в Чаде. Французские войска провели совместные маневры с подразделениями Заира и режима Нджамены для отработки взаимодействия.

Все говорило о том, что французы были намерены надолго остаться в Чаде, несмотря на то что их военное присутствие стало одним из основных препятствий того самого процесса политического примирения, за который, казалось бы, ратовали французские руководители. Чад был использован не только для демонстрации эффективной готовности Франции к жандармским функциям на стороне своих африканских клиентов. Он оказался удобным полигоном для испытания новейших видов оружия. Там обкатывали и элементы «быстрого вмешательства» французской армии за пределами национальной территории.

---

* В Париже долгое время занижали численность французского военного присутствия в Чаде и официально назвали эту цифру впервые лишь накануне первой годовщины операции «Манта», то есть 8 августа 1984 г.

2 сентября французские «Ягуары» совершили облет позиций в районе города Ум-Шалуба, где после трехнедельного затишья имели место стычки между войсками Гукуни Уэддея и Хиссена Хабре. Эрню утверждал, что это были «обычные тренировочные полеты». Но, по данным ППНЕ, «Ягуары» нанесли бомбовые удары, от которых пострадало гражданское население: погибло 50 человек, в том числе женщины и дети.

После этих «тренировочных полетов» французское общественное мнение стало еще более решительно выступать против интервенции в Чаде. К тому же она стоила немалых денег: в 1983 г. пришлось выделить дополнительные кредиты для покрытия расходов в Чаде в размере 550 млн. франков.

Франция усилила свою дипломатическую деятельность в поисках выхода из создавшегося положения. Стремясь стимулировать процесс национального примирения в Чаде, она прибегла к посредничеству Эфиопии, Конго, Буркина Фасо. Но если Гукуни Уэддей, в который уже раз, предложил решить чадскую проблему путем равноправных переговоров, выразив готовность сложить с себя полномочия председателя ППНЕ и не настаивать на предварительном выводе французских войск, то Хиссен Хабре выдвинул идею переговоров «без предварительных условий», что на деле означало как раз выдвижение неприемлемых для его противников условий, главным из которых было требование признать его в качестве главы чадского государства. Выставляя свои предварительные условия, Хиссен Хабре подкладывал мины под переговоры о политическом урегулировании чадской проблемы, чувствуя себя в относительной безопасности благодаря военному присутствию Франции. Посетивший Нджамену в начале января 1984 г. министр обороны Эрню вновь заверил Хиссена Хабре в том, что французские войска в Чаде расположились надолго. В январе 1984 г. Хиссен Хабре сорвал «круглый стол по Чаду» в Аддис-Абебе, готовившийся под эгидой ОАЕ. ППНЕ возложило ответственность за это на Францию и США, на которые опирается режим Нджамены. Французское правительство отвергло эти обвинения и выразило сожаление по поводу срыва диалога между сторонами чадского конфликта, но от критики в адрес своего подопечного из Нджамены воздержалось.

Дипломаты совещались, министры произносили речи, а военные в Чаде делали свое дело. Французские пилоты

постоянно нарушали «красную линию», ведя разведку, а при случае и обстреливали войска ППНЕ. 25 января во время очередного рейда за «красную линию» двух «Ягуаров», подвергших бомбардировке автоколонну сил ППНЕ, один из воздушных пиратов был сбит и летчик погиб. Министерство обороны Франции воспользовалось случаем, чтобы направить в Чад подкрепления и расширить французскую зону оккупации Чада путем произвольного переноса «красной линии» на 100 *км* севернее, т. е. к 16-й параллели. Первоначальная миссия французских сил в Чаде — «сдерживание» — оказалась, по свидетельству газеты «Монд», «радикально измененной»: французским войскам было разрешено стрелять без предупреждения «по вражеским элементам».

По мнению французских обозревателей «эскалация сдерживания» не могла быть бесконечной. Положение сложилось такое, когда еще один шаг — и начнется франко-ливийская война.

Каддафи предупредил об опасных последствиях расширения зоны вмешательства французских вооруженных сил, ибо оно способно спровоцировать новые столкновения. Вместе с тем ливийский руководитель вновь выразил готовность к обсуждению с Францией положения в Чаде.

Ответом на это было подтверждение Шейсоном, прибывшим в начале февраля в Нджамену, неизменной поддержки Парижем проамериканского режима Хиссена Хабре. Наглели и французские вояки, присвоившие себе право делать все, что заблагорассудится, по обе стороны новой «красной линии». И получали по заслугам: 7 апреля экспедиционный корпус понес потери — во время одной из его операций погибло девять французских солдат и пятеро получили серьезные ранения. Французские власти запутались в объяснительных версиях, а министр обороны Эрню чуть не пал жертвой покушения, совершенного во время похорон в Тулузе солдат, погибших в Чаде, братом одного из них. Официальный Париж сделал выводы в уже привычном для него духе: командующего войсками в Чаде заменили, а экспедиционный корпус усилили.

30 апреля Каддафи заявил в передаче французской телекомпании ТФ-1: «Если ливийское присутствие в Чаде служит предлогом для присутствия французских вооруженных сил в этой стране, мы готовы положить ему конец таким образом, чтобы у французского правительст-

ва не было никаких оправданий перед лицом своего общественного мнения для сохранения там военного контингента». Скоро стало известно об очередном контакте Ролана Дюма с Каддафи, который передал Миттерану устное послание относительно взаимного вывода войск из Чада.

Летом 1984 г. была сделана еще одна попытка провести примирительную конференцию по Чаду, на этот раз в Браззавиле, но Хиссен Хабре провалил ее, отказавшись вести переговоры со своими противниками на равных.

В ходе франко-ливийских переговоров постепенно вырисовывалось соглашение. В начале сентября на празднование 15-й годовщины ливийской революции Париж направил хорошо знакомого с ливийскими руководителями Ги Жоржи, бывшего французского посла в Ливии. После его бесед в Триполи агентство Франс Пресс сообщило, что, по мнению французской стороны, «есть предмет для переговоров».

По приглашению ливийского руководства 15 сентября в Триполи прибыл К. Шейсон. На следующий день, в воскресенье, министр вернулся в Париж для консультаций с президентом и премьер-министром и снова отправился в Триполи. 17 сентября Ке д'Орсэ опубликовало коммюнике, в котором отмечалось: «Джамахирия и Франция решили провести в кратчайшие сроки полную и одновременную эвакуацию из Чада французских вооруженных сил и ливийских элементов поддержки ППНЕ, а также все вооружения и снаряжение. Эвакуация начнется 25 сентября 1984 г.» Аналогичное коммюнике было опубликовано в Триполи. Можно без преувеличения сказать, что новость о прекращении интервенции в Чаде вызвала всеобщее удовлетворение во Франции. Операция «Манта» стоила ей 2,1 млрд. франков. Погибло 12 французских солдат, несколько десятков ранено, потеряно два самолета «Ягуар» и один «Мираж», повреждения получили несколько вертолетов.

5 октября в Елисейском дворце состоялся «семейный совет»: Миттеран принимал президентов Габона, Кот-д'Ивуара и Заира, вместе с которыми уговаривал участвовавшего в этом совещании Хиссена Хабре, что ему нечего опасаться одновременного вывода из Чада французских и ливийских войск, так как Париж будет и впредь оказывать ему всестороннюю военно-техническую помощь и применять к обстановке в Чаде «стратегию репрессалий», острие которой направлено против Ливии. К 10 октября

заинтересованные стороны достигли договоренности о контроле смешанными франко-ливийскими командами наблюдателей, а также о проведении примирительной конференции в Браззавиле.

5 ноября Чад начали покидать заирские войска, а французская эвакуация (операция «Сом») завершилась 9 ноября. 10 ноября в Париже и Триполи было опубликовано совместное коммюнике о завершении вывода французских вооруженных сил и ливийских элементов поддержки ППНЕ из Чада. Однако в Чаде было оставлено немало французского оружия и около сотни «инструкторов». Около тысячи французских солдат переправили в ЦАР для укрепления находившегося там экспедиционного корпуса. Часть войск перебросили в Габон и Камерун.

Чадская интервенция полностью раскрыла неоколониалистскую суть африканской политики правительства социалистов Франции. Да оно и не скрывало своих планов: на франко-африканском совещании в Бужумбуре в декабре 1984 г. Миттеран открыто говорил о военной роли Франции в Африке, о ее готовности к интервенции в любой момент, о том, что она не выпустит ситуацию в Африке из-под своего контроля, ради чего готова пойти на риск.

Прошел год, но положение в Чаде не изменилось, несмотря на неизменную готовность ППНЕ к равноправному диалогу с противной стороной. В декабре 1985 г. Хиссен Хабре участвовал в очередной франко-африканской встрече в верхах, проходившей в Париже, и вел переговоры с президентом Миттераном. Как сообщила газета «Матэн», в ходе этих переговоров было высказано намерение Франции усилить свое военное присутствие в Чаде. Над Нджаменой вновь появились «Ягуары» и «Миражи»... А в феврале 1986 г. началась операция «Ястреб» — новая крупномасштабная интервенция Франции против патриотических сил Чада, синхронизированная с американской кампанией шантажа и угроз в адрес Ливии.

Произраильский крен

Руководство социалистической партии было издавна известно своими произраильскими настроениями. Введение в их лексикон деклараций в пользу палестинской госу-

дарственности (причем уже после того, как право на полное национальное самоопределение на своей родине было признано за арабским народом Палестины французским государственным руководством в годы президентства Жискар д'Эстэна) сути дела не меняло, ибо акцент они по-прежнему ставили не на эвакуации израильского агрессора с оккупированных арабских территорий (а это было и остается первым требованием резолюции 242 Совета Безопасности ООН) и не на материализации палестинского самоопределения в форме создания независимого государства, а на обеспечении безопасности Израиля.

Находясь в оппозиции, социалисты рукоплескали кэмп-дэвидскому сговору, который, как известно, внес раскол в ряды государств арабского мира, укрепил уверенность Израиля в безнаказанности его преступных действий против населения оккупированных территорий и соседних государств и тем самым усилил взрывоопасность обстановки на Ближнем Востоке. В интервью «Вашингтон пост» 18 июня 1981 г. Миттеран, в частности, сказал: «Я — друг Израиля и единственный ответственный политический деятель, принадлежащий к крупной французской партии, который одобрил кэмп-дэвидские соглашения». Франция отказалась от некоторых одобренных ею ранее важных международных документов. Именно такая судьба постигла декларацию по Ближнему Востоку, принятую главами государств и правительств «малой Европы» на заседании Европейского совета в Венеции 12—13 июня 1980 г.* «От того, что

* В этом документе говорилось о срочной необходимости всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы и о стремлении Европейского сообщества играть «особую роль» в этом деле, подтверждалось требование о прекращении оккупации Израилем арабских территорий, захваченных в 1967 г., высказывалось убеждение в том, что израильские поселения на этих территориях представляют собой «серьезное препятствие» на пути к мирному урегулированию, решительно отвергались попытки Израиля изменить в одностороннем порядке статус Иерусалима, ставилась задача такого решения палестинской проблемы, при которой арабский народ Палестины сможет «сполна воспользоваться своим правом на самоопределение», признавалось право ООП участвовать в соответствующих переговорах. В качестве одного из неотъемлемых элементов всеобщего урегулирования называлось и право всех стран региона, включая Израиль, «мирно жить в безопасных, признанных и гарантированных границах». Руководители Сообщества изъявили готовность «участвовать — в контексте всеобщего урегулирования — в системе конкретных и обязывающих международных гарантий».

представлялось Жискар д'Эстэну как один из самых блестящих успехов его внешней политики, то есть от единой позиции Европы по конфликту, причем близкой к собственной позиции Франции, ныне далеко отошли», — справедливо заметил заместитель директора Французского института международных отношений Доминик Моизи. Венецианская декларация встретила одобрение арабского мира и злобную реакцию Израиля. Придя к управлению страной, социалисты взяли курс на отход от принципов этой декларации и поддержку насаждаемого США пути сепаратных сделок. Шейсон стал активным пропагандистом «переговоров между силами региона» «вдвоем, втроем, вчетвером...», т. е. именно так, как это устраивало Израиль и его американских покровителей, которые еще с тех времен, когда госдепартамент возглавлял Киссинджер, продвигали линию на переговоры «шаг за шагом», отвергая всеобщее, глобальное урегулирование, в особенности с участием СССР. «Не надо, чтобы Советский Союз был одним из участников переговоров», — заявил Миттеран в октябре 1981 г., находясь в США.

Париж не только на словах, но и на деле поддержал кэмп-дэвидский сговор, направив в начале 1982 г. на Синай транспортную авиагруппу и нескольких офицеров в штаб «многонациональных сил наблюдения». Заняв в том же году двусмысленную позицию полуподдержки фесского плана ближневосточного урегулирования и одновременно — плана Рейгана, построенного на кэмп-дэвидских принципах, он в конечном счете отказался даже от собственного, представленного вместе с Египтом проекта резолюции Совета Безопасности ООН, дабы не мешать Соединенным Штатам.

Миттеран с самого начала своего пребывания на посту президента поддержал идею так называемого «иорданского варианта» — создания каких-то неопределенных структур в рамках конфедерации между Иорданией и оккупированной Израилем частью Палестины. Причем всю проблему палестинской государственности Миттеран свел к признанию права на отечество за... «арабскими жителями Западного берега Иордана и сектора Газа», фактически игнорируя арабский народ Палестины, как таковой. И когда этот вариант оформился в иордано-палестинское соглашение от 11 февраля 1985 г., вызвавшее отрицательную реакцию как внутри Палестинского движения сопротивления (ПДС), так и

в арабских странах, Франция представила это соглашение, противоречившее палестинским национальным интересам, как... «важный шаг в направлении восстановления мира и урегулирования проблем региона», и увлекла за собой на эту антипалестинскую по своей сути позицию и другие страны «десятки». В Париже не захотели признавать ООП единственным законным представителем всего арабского народа Палестины, придумав искусственную формулу, согласно которой эта организация якобы представляет лишь некую «сражающуюся силу».

Немаловажную роль в заметном крене ближневосточной политики Франции в сторону Израиля сыграли не только традиционные симпатии французских социалистов, включая самого Миттерана, к «сионистскому эксперименту» или их стародавние связи с израильскими лейбористами по Социнтерну, но и израильское лобби, представленное как в сионистских организациях, которых во Франции десятки, так и в деловых кругах и госаппарате, в системе просвещения и средствах массовой «информационной обработки» общественного мнения. Есть у этого лобби свои позиции — причем издавна — в рядах социалистов.

В непосредственном окружении Миттерана сионистское лобби присутствовало постоянно, а после его избрания президентом проникло в Елисейский дворец, где обосновалось довольно прочно, участвуя в подготовке, принятии и проведении в жизнь многих важных внешнеполитических решений. Наглядный пример: вице-президент Объединенного социального еврейского фонда, председатель университетской комиссии этой самой богатой и активной сионистской организации Франции Жак Аттали стал главным политическим советником президента Миттерана. По сведениям французской прессы, он даже территориально разместился в Елисейском дворце таким образом, что «почти никто не может, минуя его, войти в рабочий кабинет главы государства». Более того, он «стремится контролировать все досье, интересующие президента, читает адресованные ему записки и доклады, сует нос во все».

Произраильское лобби имеет свои рычаги воздействия и на избирательный корпус, причем не только опосредованно, через газеты, радио, телевидение, рекламу, но и прямо обращаясь к еврейской общине, которая насчитывает во Франции от 550 до 700 тыс. человек. В условиях, когда судьба кандидата на пост президента может ре-

шаться десятыми долями процента голосов, один-полтора процента избирателей, находящихся под влиянием сионистов, вполне могут сыграть существенную роль. Не случайно все кандидаты в президенты накануне выборов давали интервью не только обычным органам массовой информации, но и органам таких сионистских центров, как «альянс Франция — Израиль» и «представительный совет еврейских институтов Франции», созданный в свое время по инициативе уже упоминавшегося Объединенного социального еврейского фонда. Согласно данным «комитета действий по переустройству французского иудаизма», в 1981 г. 70% еврейского электората проголосовало против Жискар д'Эстэна. И почти все эти голоса были отданы Миттерану, а затем, на парламентских выборах в июне 1981 г., соцпартии. А вот опрос, проведенный Французским институтом общественного мнения во время муниципальных выборов 1983 г., показал, что тот же электорат качнулся вправо, причем сильнее, чем избирательный корпус в целом: за кандидатов правых партий голосовало 59% избирателей, причисляющих себя к еврейской общине, в то время как все другие избиратели отдали правым только 49% голосов. Учет настроений этого электората, несомненно, присутствует в ближневосточной политике Миттерана.

Но главное все же — не голосование одного процента избирателей, а работа произраильского лобби, тесно связанного с теми, кто принадлежит к «американской партии», т. е. к проатлантическим кругам: атлантизация французской внешней политики, органически связанная с усилением антисоветизма, сопровождалась и усилением произраильских тенденций на ближневосточном направлении. Цепочка «атлантизм — антисоветизм — сионизм» наглядно проявилась не только в поддержке Кэмп-Дэвида и интенсификации франко-израильских межгосударственных отношений, но и в нескрываемом желании отстранить Советский Союз от переговоров о ближневосточном урегулировании на их основных этапах под тем предлогом, что вначале заинтересованные стороны должны-де сами договориться между собой, и это в условиях, когда Соединенные Штаты стимулируют сепаратные сделки, принимая в них самое непосредственное участие.

Несмотря на все эти сдвиги, ни Миттеран, ни его министры и советники не могли себе позволить игнорировать арабский мир, который для Франции, для ее между-

народного положения имеет, пожалуй, не меньшее значение, нежели Африка южнее Сахары.

Франция продолжает нуждаться в арабских нефти и натуральном газе, хотя импорт их значительно сократился за последние годы. Арабский капитал присутствует во французской экономике и играет довольно важную роль, иначе Миттеран не посылал бы своих эмиссаров уговаривать саудовских и других арабских толстосумов не изымать свои вклады из французских банков и не отказываться от миллиардных контрактов с французскими фирмами.

Арабский мир был и остается главным направлением сбыта французского оружия. В одном только 1984 г. Саудовская Аравия заключила военных контрактов с Францией на 35 млрд. франков, что составило 70% стоимости экспорта французского оружия. Да и основная часть «остатка» пришлась на Объединенные Арабские Эмираты.

Примерно $^2/_3$ экспорта гражданских товаров из «малой Европы» в арабские страны стоимостью около 80 млрд. франков в год приходятся на Францию.

Развитые отношения с арабскими странами позволяли Франции играть активную роль в вопросах ближневосточного урегулирования и в решении африканских проблем. Они — существенный элемент ее средиземноморской политики. Они влияют на ее положение в «третьем мире», наконец, на ее международное положение в целом. Новые хозяева Елисейского дворца хорошо понимали это и поэтому проявляли постоянную заботу о поддержании двусторонних связей с арабскими странами, включая контакты на высшем уровне, особенно с Саудовской Аравией, Египтом, Алжиром, Марокко, Тунисом, Иорданией, Сирией. Практически во всех арабских столицах побывал министр внешних сношений Шейсон, во многих — министр обороны Эрню.

Франция открыто заняла сторону Ирака в его конфликте с Ираном вплоть до поставок современного оружия. Она пыталась придерживаться нейтралитета в западносахарском вопросе, дабы не поссориться ни с Алжиром, ни с Марокко. Правда, это не очень получалось, ибо марокканцы использовали французское оружие против сил ПОЛИСАРИО, который пользуется поддержкой Алжира. Но стремление ладить со всеми арабами было налицо. И сближение с Израилем шло с постоянной оглядкой на арабские страны, потому и позиция Франции

в отношении ближневосточного конфликта приобретала все более двусмысленный характер. Это не могло не вызвать недоверия к ней со стороны арабского мира, особенно его наиболее прогрессивной части, несмотря на то что Париж при всем произраильском настрое отнюдь не во всем соглашался со своими сионистскими друзьями.

Парадоксально, но факт: семилетие Миттерана началось не с обещанного в ходе избирательной кампании визита президента в Израиль, а с обострения франко-израильских отношений.

Не успели новые французские руководители разместиться в своих новых кабинетах, как Бегин преподнес им свой первый «подарок». 7 июня 1981 г. израильская авиация разбомбила иракский ядерный научно-исследовательский центр в Таммузе, построенный с помощью Франции и обслуживаемый французскими специалистами, один из которых погиб во время израильской бомбежки.

Премьер-министр Моруа осудил израильскую акцию как недопустимое «нарушение международного права», увеличивающее напряженность в регионе. Министр внешних сношений немедленно вызвал посла Израиля для «необходимых объяснений». Подвергшиеся нападению установки находятся под контролем МАГАТЭ, Ирак — участник договора о нераспространении ядерного оружия, а Миттеран — сторонник гарантий использования этих установок в мирных целях. Вот если бы Израилю грозила «реальная и близкая опасность в результате эвентуального использования Ираком ядерной технологии в военных целях, я посмотрел бы на это дело иначе», заявил Миттеран, добавив, что он «всегда ставил и ставит на первый план в своих заботах безопасность Израиля и мир на Ближнем Востоке». Увязав мир на Ближнем Востоке прежде всего с безопасностью Израиля, французский президент фактически выдал опасный аванс израильским агрессорам, заранее оправдывая их действия, предпринимаемые под предлогом обеспечения безопасности Израиля, ибо именно этим предлогом тель-авивские правители беззастенчиво пользовались и пользуются с завидным постоянством.

Но визит Миттерана в Израиль все же пришлось отложить. Правда, и дело о восстановлении иракского ядерного центра при содействии Франции постепенно

свели на нет. Израиль это вполне устраивало, как устраивала его и перестройка французской позиции по вопросам ближневосточного урегулирования в направлении максимально возможного учета интересов Израиля. В то же время израильские руководители, действующие по принципу возрастающей наглости, и их сторонники во Франции хотели бы более последовательной поддержки Парижем притязаний Израиля и потому продолжали встречать в штыки любое заявление французского правительства о необходимости сбалансированного ближневосточного урегулирования, не говоря уже о контактах Шейсона и других французских дипломатов с палестинскими лидерами. Впрочем, в каждом случае проявления Тель-Авивом недовольства французская сторона предпринимала демарши умиротворяющего характера.

Встретился Шейсон с Арафатом в Бейруте 30 августа 1981 г., и тут же Миттеран и его советник Аттали обласкали израильского посла, который сообщил прессе, что встреча в Елисейском дворце 1 сентября проходила в «замечательной атмосфере». В таком же духе он доложил о своей встрече с Миттераном и Бегину, о чем министерство иностранных дел Израиля информировало журналистов, подчеркивая «удовлетворение», испытанное «израильскими дипломатическими кругами» по поводу заверений Миттерана в его верности кэмп-дэвидскому «мирному процессу», который, по мнению французского президента, должен быть «расширен», чего, собственно, и добивается Израиль.

Вскоре после этого с «частным визитом» в Израиль отправился Аттали. Предлогом послужило его выступление с лекцией в Ивритском университете в Иерусалиме, а подлинной целью были встречи с президентом Израиля Навоном, премьер-министром Бегином и лидером лейбористской оппозиции Пересом, причем двум первым специальный советник французского президента передал личные послания Миттерана, в которых, как стало известно из израильских правительственных кругов, шла речь о подготовке официального визита Миттерана в Израиль.

Это подтвердил и Шейсон в беседе с министром иностранных дел Израиля Шамиром в Нью-Йорке, в ходе которой, по словам французского министра, обсуждались «средства установления нормального диалога» между Францией и Израилем. «Мы хотим сохранить

нашу дружбу с Израилем, — заявил Шейсон. — И об этом мы сказали арабам. Мы хотим также справедливого решения палестинской проблемы и скажем об этом Израилю». Что же касается Аттали, который в это время вел беседы с израильскими деятелями, то ему явно удалось рассеять их сомнения по поводу французской политики на Ближнем Востоке, если даже Бегин заговорил о возможности возвращения «золотого века» в отношениях между двумя странами. «Народ Израиля, — заявил он, — любит Францию и французов, несмотря на враждебную политику президента де Голля» и «холод в отношениях в период семилетия Жискар д'Эстэна», причем этот последний Бегин считал самым плохим для Израиля.

В стремлении повлиять на позицию Франции Бегин не останавливался перед грубыми провокациями и подтасовками. Так, в беседе с Аттали, если верить израильской газете «Маарив», на вопрос, почему он сопротивляется созданию палестинского государства, израильский премьер-министр умудрился ответить наглым вопросом: «А почему бы не предоставить самоопределение Корсике, оккупируемой Францией?». Если бы такая реплика исходила от кого-либо другого, возмущению Парижа не было бы предела. Бегину же его беспардонная выходка сошла с рук. Делал он и попытки вбить клин между Ке д'Орсе, где, по мнению сионистов, сильны арабофильские и пропалестинские настроения, и Елисейским дворцом, исходя из того, что непосредственное окружение президента питает слабость к Израилю. «Я не думаю, что Шейсон — друг Израиля», — заявил во всеуслышание Бегин, противопоставляя французского министра внешних сношений Миттерану, который таким другом, по его словам, является. «Аттали говорит совсем не тем языком, что Шейсон», — утверждали другие израильские деятели, игнорируя тот очевидный факт, что оба они — исполнители воли Миттерана, проводники одной и той же политики, неизбежно двойственной в силу того, что, делая крен в сторону Израиля, Миттеран не хотел терять и позиции, завоеванные в арабском мире при его предшественниках. По этой причине он сохранил в ближневосточной политике Франции некоторые позитивные элементы, отвечающие требованиям арабов и не устраивающие израильских экстремистов и их парижских подголосков. Да и проведение водораздела между Елисейским дворцом и дипломатической службой по принципу

присутствия в этих учреждениях «друзей Израиля» и «арабофилов» носило во многом надуманный характер. Во всяком случае в окружении Шейсона, как отмечала газета «Фигаро», тоже было немало «элементов, известных своей приверженностью делу Израиля». Да и сам Шейсон никогда антиизраильскими взглядами не отличался, что он и постарался доказать во время своего визита в Израиль 7—8 декабря 1981 г.

За несколько дней до этого в интервью газете «Монд» он заявил: «Если бы то, что говорит господин Бегин, было правдой, я не пробыл бы в министрах и двадцати четырех часов. Я считаю себя другом Израиля с тех пор, как он существует.., но будущее Израиля зависит от установления мира в регионе, невозможного, если права других народов тоже не будут признаны. Палестинский народ имеет такие же права, как сирийский, иракский и израильский народы. Кто может думать, что этот народ сможет жить в мире, если у него не будет государства? Кто может думать, что это произойдет без переговоров между силами региона, включая те, что представляют палестинский народ?». Шейсон уравновесил произраильский аспект своего подхода к ближневосточным делам упоминанием о палестинском государстве, но в Тель-Авиве на этот раз промолчали, поскольку поездка французского министра в Израиль рассматривалась там как очень важное событие, знаменующее собой существенные изменения в отношениях. К тому же речь шла еще и о подготовке визита Миттерана в Израиль, куда главы государств и правительств ездят довольно редко. Значение поездки Шейсона подчеркивало и министерство внешних сношений Франции, заявившее о том, что она «ясно свидетельствует о стремлении французского правительства укрепить узы, ослабленные за последние семь лет», что и сам Шейсон считал «нетерпимой аномалией» в условиях, когда во Франции насчитывается 700 тыс. «израэлитов», а в Израиле живет 400 тыс. человек, говорящих на французском языке, из которых 60 тыс. — выходцы из Франции.

Ради укрепления уз с Израилем было отменено разрешение бойкотировать Израиль, данное французским фирмам премьер-министром Барром. В том же направлении работала корректировка ближневосточной политики в пользу кэмп-дэвидского процесса. Франция начала помогать Израилю налаживать политические отношения с франкоязычными африканскими странами, ряд которых

в ноябре 1981 г. неофициально посетил израильский военный министр Шарон*.

Встречая Шейсона в тель-авивском аэропорту, израильский министр иностранных дел Шамир говорил о «начале нового этапа дружбы и взаимопонимания между Францией и Израилем». Шейсон согласился с ним, высказавшись за «устранение недоразумений». Подчеркивая «кровное родство» французов с «еврейским народом», он объявил «бесповоротным» обязательство Франции поддерживать сионистское государство. Даже если Израилю никто не будет угрожать, но «кто-то» осмелится просто «оспаривать его права», то «Франция, французский народ будут на его стороне, как и сейчас», говорил Шейсон на обеде, устроенном ему не где-нибудь, а в незаконно аннексированном израильскими оккупантами Иерусалиме, который Шамир не постеснялся назвать в его присутствии «нашей вечной столицей». Французские журналисты квалифицировали эту выходку как провокацию, поскольку аннексию Иерусалима международное сообщество не признает. Французский министр сделал вид, что ничего не произошло. Более того, он заявил, что счастлив находиться в Иерусалиме и видеть рядом два государственных флага! Не осталось незамеченным и то, что, толкуя о праве «всех народов» иметь «родину и государственные структуры», Шейсон удержался от прямого упоминания об арабском народе Палестины. Он пообещал израильтянам, что больше не будет ближневосточной инициативы со стороны Европейского сообщества, подобной венецианской декларации 1980 г., столь ненавистной Израилю.

В ходе визита было решено расширить культурные связи между Францией и Израилем, сотрудничество в области промышленности и сельского хозяйства и по проблемам Общего рынка в связи с его расширением, беспокоившим израильских экспортеров фруктов и овощей, воссоздать смешанную комиссию для рассмотрения вопросов двусторонних отношений (эта комиссия, не собиравшаяся с 1971 г., провела свое первое заседание 29—30 апреля 1982 г. в Париже).

Правые во Франции сочли «операцию Шейсон» удачной. Похвалила Шейсона и американская администра-

---

* Когда в декабре 1985 г. Кот-д'Ивуар восстановил дипломатические отношения с Израилем, газета «Монд» утверждала, что Франция сыграла в этом деле «определенную роль».

ция. Весь арабский мир от Атлантики до Индийского океана отреагировал на новое франко-израильское согласие сугубо негативно, тем более что Миттеран 9 декабря в очередном телеинтервью, говоря о «географической границе» родины палестинцев, упомянул иорданский вариант решения палестинского вопроса, умолчав о том, что Израиль должен уйти с оккупированных арабских земель. Недовольны были и партнеры Франции по ЕЭС, справедливо усмотревшие в речах Шейсона в Иерусалиме попытку похерить венецианскую декларацию, которую он объявил «пройденным этапом». Но дело было сделано: как утверждало совместное франко-израильское коммюнике, между двумя странами достигнуто «лучшее взаимопонимание» в вопросах, касающихся Ближнего Востока.

Взаимопонимание это демонстрировалось по любому поводу вплоть до открытия лично Миттераном выставки иллюстраций к книге усопшего израильского «ястреба» Даяна, устроенной сионистами в Париже,— случай исключительный в президентской практике. Но что там какая-то выставка! В декабре 1981 г. Бегин провел через кнессет решение об аннексии оккупированных в 1967 г. Голанских высот, принадлежащих Сирии. Официально Франция и другие страны Общего рынка квалифицировали этот акт как юридически ничтожный. Но, когда в январе 1982 г. в Совете Безопасности ООН был поставлен вопрос о санкциях против Израиля, США наложили вето на соответствующий проект резолюции, а Франция воздержалась. В феврале того же года специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о Голанских высотах приняла резолюцию о санкциях в отношении Израиля, но Франция на этот раз вместе с США голосовала против. И вообще, что бы ни творил Израиль, Франция не поддержала ни разу ни одного предложения о применении к этому нарушителю эффективных санкций, которые заставили бы, наконец, его призадуматься.

Надо сказать, что предстоявший визит президента Миттерана в Израиль отнюдь не вызывал всеобщего энтузиазма во Франции. Мэр Парижа Ширак заявил, например, что он приветствовал бы это мероприятие в том случае, если бы оно содержало инициативу, позволяющую сделать шаг к миру. «Если же, напротив, речь идет о вояже, который ничего не дает, если у нас нет ни возможностей, ни средств повлиять на ход событий, тогда возникает вопрос о своевременности этого вояжа

на следующий день после аннексии Израилем Голанских высот, то есть акта, противоречащего морали и международному праву, который мы таким образом покрываем, что несвойственно Франции. Я увижу в этом скорее жест внутриполитический, нежели внешнеполитический». Что внутриполитические соображения присутствовали в решении посетить Израиль, сомнения не вызывает. Но были, конечно, и внешнеполитические цели: активизация связей с сионистским государством органически вписывалась в проатлантический курс Миттерана, и его визит к такому американскому протеже, как Бегин, символизирующий закрепление произраильских элементов в ближневосточной политике Франции, безусловно, способствовал известному росту взаимопонимания и доверия в отношениях между Елисейским дворцом и Белым домом.

Во время этого визита, состоявшегося 3—5 марта 1982 г., французский президент, как до него министр внешних сношений, согласился расположиться и вести переговоры в аннексированном сионистами Иерусалиме, что уже само по себе было подарком Израилю. Накануне французский посол в Израиле Марк Бонфус заявил: «Франция признает де-факто положение в Западном Иерусалиме, из которого Израиль сделал свою столицу». Оговорка о том, что к Восточному Иерусалиму это признание не относится, дела не меняет, так как международное сообщество считает столицей Израиля не аннексированный Иерусалим, а Тель-Авив. Суть позиции — в процитированной фразе, отражавшей общий настрой в официальных кругах Парижа и в соцпартии, первый секретарь которой двумя годами позже открыто заявил, что он сам и его партия «предпочитают» видеть именно Иерусалим — не Западный, а весь — столицей Израиля. Были «подарки» и посущественнее: в ходе визита Миттеран фактически согласился с тезисом Бегина о том, что предметом переговоров о ближневосточном урегулировании может быть все, включая границы между Израилем и его соседями. Это полностью противоречило общепринятому требованию об удалении Израиля из всех оккупированных им в 1967 г. арабских территорий, которого придерживалась всегда и Франция. Были и умолчания, равноценные поддержке, в которой нуждался израильский премьер-террорист. Миттеран, который постоянно подчеркивал, что он со всеми говорит одним языком и невзирая на лица, выступая в кнессете, упомянул о правах палестинского народа. Но он ничего не сказал своим

израильским собеседникам по поводу их безобразий на оккупированных территориях, где они самым грубым образом попирают права человека. Умолчал он и о том, что непременным условием подлинного урегулирования на Ближнем Востоке является прекращение израильской оккупации арабских территорий. Миттеран даже термина «оккупация» никогда к Израилю не применял, предпочитая говорить, как и сами израильские руководители, о землях, находящихся «под администрацией» Израиля. Не нашлось у него и слов осуждения по поводу аннексии Израилем Голанских высот.

Миттеран приехал в Иерусалим возрождать былое франко-израильское согласие. И делал это весьма усердно. По сообщениям французских корреспондентов, сопровождавших президента в Израиль, он и члены делегации вели переговоры с Израилем о возможности расширения научного и культурного обмена, о военных поставках, о сотрудничестве в области передовой технологии, в том числе ядерной. Позднее стало известно, что Франция согласилась поставить Израилю два ядерных реактора по 900 *МВт* стоимостью порядка 2—3 млрд. долл. на льготных условиях. Таким образом, французские социалисты возобновили то, что ими же было начато в 1956 г., когда Ги Молле, возглавлявший правительство, вступил в тайный сговор с Шимоном Пересом, который был тогда военным министром Израиля. Результатом этой сделки явилось создание ядерного центра в Димоне, позволившего Израилю обзавестись ядерным оружием, о чем напомнил общественности еженедельник «Экспресс» накануне визита Миттерана.

Не мудрено, что арабский мир расценил визит Миттерана как прямое поощрение агрессивной аннексионистской политики Израиля. И Израиль вскоре на деле подтвердил правильность такой оценки: в июне 1982 г., в самый разгар версальского шоу «семерки», он напал на Ливан, поставив своих французских друзей в крайне неудобное положение. Волей-неволей им пришлось протестовать. И опять, как и в деле с бомбардировкой реактора в Таммузе, они говорили, что осуждают только Бегина, а не Израиль, как если бы Бегин действовал в одиночку и не было палача Шарона и других палачей и бандитов помельче. Есть, конечно, и другой Израиль, поднимающий голос против. Особо следует выделить роль израильских коммунистов, последовательно и мужественно сражающихся на фронтах политической борьбы

за торжество права и справедливости. Есть смелые люди и вне рядов Компартии, протестующие против особо одиозных акций сионистских правителей Израиля. Но не с ними возобновило сотрудничество французское правительство, а с теми, кто формирует и осуществляет агрессивный аннексионистский курс Израиля.

Израильская агрессия против Ливана на некоторое время притормозила активизацию франко-израильских отношений. В июне 1982 г., через десять дней после ее начала, Миттеран принял в Париже министра иностранных дел Шамира и сделал попытку побудить Израиль прекратить бои и убрать свои войска из Ливана. Израильтяне считали сам факт поездки Шамира в Париж, а тем более его встречу с французским президентом важным успехом для себя. Однако они несколько просчитались в своих надеждах на полное попустительство со стороны Франции, которая отнюдь не намерена была жертвовать своими связями с ООП, Ливаном, другими арабскими странами и закрывать глаза на бомбардировку израильской артиллерией резиденции французского посла в Бейруте. Оскорбили французов и наглые нападки Бегина, Шарона и иже с ними на самого Миттерана за то, что в ливанском вопросе он счел необходимым отмежеваться от них и отложить визит израильского премьера в Париж. Дело дошло до того, что Шейсон предупредил о невозможности для Франции иметь «абсолютно нормальные отношения с Израилем, пока его войска находятся в Ливане». И когда в декабре 1982 г. в Париж по приглашению одной из сионистских организаций явился близкий к Бегину председатель комиссии иностранных дел кнессета Элиаху Бен Элиссар, его не приняли ни в Елисейском дворце, ни в Матиньоне, ни на Ке д'Орсэ.

Правда, «не абсолютно» нормальные отношения Франции с Израилем оставались вполне устойчивыми, и тот же Шейсон подчеркнул, что в области экономических, технических и культурных связей нет «ни малейшего замораживания, ни малейших изменений».

Не прошло и полугода с момента «грозных» предупреждений Шейсона, в Ливане все еще разбойничали израильские оккупанты, а в Париж 1 июня 1983 г., в канун годовщины начала этого разбоя, явился непосредственный руководитель агрессивного сионистского воинства — военный министр Моше Аренс, да не как-нибудь, а с официальным визитом. Он был принят не только своим французским коллегой Эрню, но и Шейсоном.

Да еще поучал их, что должно, а что не должно входить «в роль и амбиции Франции». Последовавшему за ним во Францию генералу Шарону, несущему ответственность за гибель тысяч беззащитных граждан Ливана и палестинских беженцев — именно он, будучи военным министром Израиля в 1982 г., отдавал приказы экспедиционному корпусу, брошенному в Ливан, — официальных почестей не отдавали, зато широко предоставили ему страницы французских газет и трибуну радио и телевидения для пропаганды своих изуверских взглядов. Это было в июне и повторилось в сентябре.

В августе 1983 г. Франция вместе с США и другими западными державами на второй международной конференции по расизму и расовой дискриминации, организованной ООН, вновь, как и на первой такой конференции в 1978 г., проголосовала против резолюции, в которой Израиль и сионизм были подвергнуты справедливому и обоснованному обвинению в расизме и осуждены за сотрудничество с расистским же режимом Претории. И это в условиях, когда к безобразному отношению сионистского истэблишмента к некоторым категориям собственных граждан, третируемых по национально-расовым и конфессиональным признакам, к бесчинствам на оккупированных арабских территориях добавились злодеяния израильских войск в Ливане! Под давлением сионистских организаций французское правительство не допустило проведения в Париже конференции ООН по Палестине в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи от 19 августа 1982 г. И когда сорвать созыв этой конференции не удалось и она состоялась в Женеве 29 августа — 7 сентября 1983 г., Франция отказалась направить туда официальную делегацию, ограничившись назначением наблюдателя.

Примерно в то же время, летом 1983 г., вновь активизировались двусторонние франко-израильские связи. В июне появились сообщения о возобновлении технологического сотрудничества. В октябре франко-израильская торговая палата совместно с правым еженедельником «Валёр актюэль» устроила в Париже коллоквиум, посвященный выявлению перспектив сотрудничества между французскими и израильскими предприятиями в области технологического обмена, связанного с такими отраслями экономики, как энергетика, информатика, биотехника. Коллоквиум патронировал председатель сената А. Поэр и министр промышленности и научных исследований

Л. Фабиус. В декабре Миттеран принимал в Париже воинствующего сиониста-антисоветчика Давида Леви, занимавшего тогда пост заместителя премьер-министра. По определению израильского гостя, беседа носила «теплый и дружеский» характер. Он утверждал, что Франция и Израиль преследуют одинаковые цели в Ливане. В устах представителя оккупантов это звучало несколько компрометирующе для Франции, но опровержений не последовало.

В марте 1984 г. в Израиль отправился министр промышленности и научных исследований Фабиус. За четыре дня, с 10 по 13 марта, этот близкий к Миттерану деятель проделал большую работу: участвовал в учреждении франко-израильской ассоциации развития научных и технических исследований, призванной поощрять совместные проекты в области информатики, биотехнологии и иммунологии, вручил премьер-министру Шамиру «послание дружбы» президента Миттерана, встретился с рядом министров, с председателем кнессета и главой лейбористской оппозиции. «Бывают взлеты и падения в отношениях между нашими странами, но в настоящий момент все идет хорошо», — заявил он по израильскому радио.

Созданная с участием Фабиуса ассоциация тут же принялась за выполнение поставленных перед ней задач. Не успел французский министр вернуться домой, как израильское посольство в Париже уведомило французских промышленников о том, что Израиль хотел бы видеть их среди своих партнеров в осуществлении 80 проектов. В мае 1984 г. французы направили крупную делегацию на экономическую конференцию в Иерусалиме по проблемам передовой технологии.

В конце мая — начале июня в Париже находился бывший президент Израиля Ицхак Навон. Несмотря на частный характер его пребывания во Франции, он был принят Миттераном, с которым беседовал о проблемах Ближнего Востока и расширения Общего рынка. В июле 1984 г. французы «уравновесили» официальный визит своего президента в Иорданию последовавшей за ним поездкой Шейсона в Иерусалим, где он постарался нейтрализовать те высказывания Миттерана в Аммане, в которых израильтяне могли усмотреть повод для недовольства и опасений, особенно его намеки на возможность созыва международной конференции по ближневосточному урегулированию. Шейсон заверил Шамира и лидера лейбористов Переса, что Франция — «против

международного вмешательства в переговоры на Ближнем Востоке», которые должны вестись лишь непосредственными участниками конфликта, и вновь поддержал таким образом непримиримую позицию Израиля, признающего только кэмп-дэвидский процесс, не желающего никакого «иностранного участия», кроме американского, и фактически выступающего против созыва международной конференции в том виде, как это предлагают Советский Союз и арабские страны. В Израиле высоко оценили этот «жест» Франции, тем более ценный, что он был сделан в разгар подготовки к перевыборам кнессета.

В декабре 1984 г. в Париже принимали премьер-министра Шимона Переса, давнего друга президента Миттерана. В феврале 1985 г. туда явился бывший премьер-министр Ицхак Шамир, выступавший на этот раз в качестве министра иностранных дел. Злоупотребляя законами гостеприимства, этот деятель, несущий прямую ответственность за бесчинства израильских вояк на оккупированной территории Южного Ливана, вновь обрушился с угрозами в адрес ливанских патриотов. Никакого отпора со стороны официальных французских властей он не получил. Но, когда израильтянам все сходит с рук, они наглеют. Солдаты из французского контингента Временных вооруженных сил ООН в Ливане (ВСООНЛ) попытались было помешать террористическим акциям израильских головорезов против мирного населения Южного Ливана. Военный министр-лейборист Израиля Ицхак Рабин публично обозвал их «последними мерзавцами». Тут уж Парижу пришлось протестовать, ибо речь шла не о чьих-то чужих интересах — затронутой оказалась честь французской армии. Р. Дюма назвал заявления Рабина «грубыми и недостойными», выразив «сожаление по поводу агрессивных вылазок со стороны израильской армии против французских военных». Однако такого рода перепалки на характер франко-израильских отношений существенного влияния не оказывали.

В октябре 1985 г. в Париже состоялась встреча Миттерана с израильским премьер-министром Ш. Пересом. Центральное место на ней заняли вопросы ближневосточного урегулирования. С французской стороны было вновь подтверждено, что Франция предпочитает путь «прямых» переговоров между участниками конфликта, чего все время добивается Израиль, делая ставку на сепаратные сделки. Вместе с тем в Париже не отрицали и «необходимости представительной международной встречи», не

раскрывая, что под этим имеется в виду, но давая понять, что «нельзя отстранять ООП от урегулирования», как того добивается Израиль. Из заявления представителей Елисейского дворца и Ке д'Орсэ явствовало, что Франция намерена провести широкие двусторонние консультации с арабскими лидерами, прежде чем занять окончательную позицию. В ходе этих консультаций французы еще раз убедились, что ООП, Иордания, Сирия, другие арабские страны требуют созыва международной конференции для достижения всеобъемлющего ближневосточного урегулирования (это требование поддерживают Советский Союз, другие социалистические страны), в то время как Израиль и США по-прежнему настаивают на «прямых», то есть сепаратных, переговорах без какого-либо участия в них единственного законного представителя арабского народа Палестины в лице ООП.

В интервью телевидению Катара (ноябрь 1985 г.) Миттеран уточнил свою позицию: «...Если члены Совета Безопасности ООН, и особенно его постоянные члены, смогут подключиться, не мешая конфликтующим сторонам вести прямые переговоры во время международной конференции, я думаю, в этом случае могла бы быть установлена связь между двумя тенденциями — прямых переговоров и расширенной конференции».

В ходе визита в Израиль Р. Дюма, состоявшегося 9—10 декабря 1985 г., израильские руководители просили Францию оказать давление на Иорданию в пользу сепаратных переговоров с Израилем. Французский министр ответил, что в Париже «благоприятно смотрят на то, как вырисовывается идея международной конференции, в рамках которой и состоялись бы прямые переговоры между заинтересованными сторонами». Развивая известный тезис миттерановской дипломатии о том, что ООП якобы не представляет «всего палестинского народа», Дюма тем не менее заявил своим израильским собеседникам, что именно эта организация должна будет «в подходящий момент сказать свое слово на переговорах от имени палестинского народа».

Визит Дюма в Израиль способствовал дальнейшему развитию двусторонних франко-израильских отношений, которые он сам охарактеризовал как «исключительно хорошие». Была, в частности, достигнута договоренность о проведении в январе 1986 г. смешанной комиссии по экономическим вопросам, включая те, что относятся к

сооружению в Израиле при содействии Франции атомных электростанций.

Корабль франко-израильского сотрудничества продолжал идти заданным курсом, несмотря на рифы, которые время от времени тормозили его движение. Одним из таких рифов, причем весьма опасным, стала агрессия Израиля против Ливана, с которым Францию связывают давние, традиционные, очень тесные узы.

Ливанская трагедия

Принимая ливанского министра иностранных дел в конце мая 1981 г., Шейсон заверил его: «Мы желаем помочь Ливану в создании собственной силы, другими словами, способности вернуть контроль над своей безопасностью там, где он его потерял... Мы поддержим Ливан всякий раз, когда сможем. Мы хорошо знаем, что Ливан обретет мир лишь в условиях урегулирования на Ближнем Востоке». Шейсон констатировал также, что сирийское военное присутствие осуществляется «в рамках арабской силы сдерживания, которая пользуется полной поддержкой всего арабского мира», возрастающей с каждым новым актом насилия со стороны Израиля.

Когда в июле 1981 г. Израиль подверг бомбардировкам Бейрут и другие города Ливана, Франция осудила в Совете Безопасности ООН эти «якобы превентивные акции», высказалась за оказание помощи ливанскому правительству в восстановлении его власти на всей территории страны и поддержала принятие резолюции 490 Совета Безопасности ООН от 21 июля 1981 г., в которой наряду с требованием немедленного прекращения всех вооруженных акций в Ливане подтверждалась поддержка суверенитета, территориальной целостности и независимости Ливана в его международно признанных границах.

В апреле 1982 г. израильская авиация подвергла бомбардировке Южный Ливан. Министерство внешних сношений Франции опубликовало краткое коммюнике: «Французские власти выражают свое неодобрение действий, которые нарушают суверенитет Ливана и затрудняют поиск мира». Называть прямо виновных в этом в Париже не хотели: ведь Миттеран совсем еще недавно встречался с ними в Иерусалиме.

24 мая того же года французское посольство в Бейруте оказалось жертвой террористического акта, совершен-

ного неизвестными лицами. Парижские правые газеты в своем клеветническом рвении попытались было возложить вину на Сирию, а махровый реакционер князь Понятовский умудрился даже выступить по радио с поклепом на Советский Союз. Эта провокационная вылазка, естественно, провалилась. Нанести удар по франко-сирийским отношениям не удалось. Никто не поверил и антисоветским измышлениям правой оппозиции. Зато версия газеты «Матэн», предположившей, что террористический акт, стоивший жизни нескольким сотрудникам посольства, может быть делом рук «командос, управляемых из Израиля», опровергнута никем не была. И основания у нее были довольно веские: описанная выше позиция Франции по ливанскому вопросу шла вразрез с устремлениями правохристианских сил и Израиля. «Может быть, кто-то хотел бы, чтобы Франция перестала играть свою роль в Ливане», — заметил по этому поводу президент Миттеран.

Через несколько дней этот «кто-то» напал на Ливан. Воспользовавшись в качестве формального предлога покушением на израильского посла в Лондоне 3 июня 1982 г., Израиль на следующий же день подверг ожесточенной бомбардировке палестинские лагеря Сабра и Шатила в Бейруте и начал артобстрел ряда ливанских городов. Министерство внешних сношений Франции 5 июня осудило действия Израиля как «новое посягательство на территориальную целостность и суверенитет Ливана». Однако уже на следующий день израильские войска вторглись в Ливан и, не встретив никакого сопротивления со стороны Временных вооруженных сил ООН в Ливане, насчитывавших 7000 солдат, включая 1300 французов, двинулись на Бейрут. Началась новая израильско-арабская война, лицемерно названная агрессором операцией «Мир в Галилее», хотя Галилее никто не угрожал, а представители этой области Израиля даже просили Бегина «быть сдержанным и предотвратить эскалацию напряженности на границе с Ливаном». У израильской агрессии против Ливана были иные цели, нежели мир на границе: разгром ООП, ослабление Сирии, поддержка фалангистов, создание условий для расширения американского военного присутствия на Ближнем Востоке.

«Семерка» ведущих капиталистических стран, заседавшая в это время в Версале, в специальной декларации заявила, что она «потрясена новостями из Ливана», «твердо поддерживает» призыв Совета Безопасности к

«немедленному и одновременному прекращению насилия», но отказалась квалифицировать вторжение Израиля в Ливан как акт агрессии. Миттеран на этот раз пошел значительно дальше, заявив о «безоговорочном осуждении израильской агрессии». Такое не часто можно услышать от французских руководителей, предпочитающих более деликатные выражения, когда речь заходит об Израиле. Но тут уж деваться было некуда, тем более что арабские послы, которых Шейсон принимал накануне президентской пресс-конференции, потребовали, чтобы Франция заняла, наконец, недвусмысленную позицию.

Однако, сделав столь решительный жест навстречу арабам, Миттеран не преминул выступить адвокатом «исторических прав» агрессора и попытался косвенно оправдать вторжение ссылкой на то, что Ливан, оказывается, до этого «уже был оккупирован двумя армиями» — сирийской и палестинской, хотя, как известно, ни сирийское, ни палестинское военное присутствие в Ливане характера оккупации не носило и не вызывало возражений со стороны законных ливанских властей. Попытка поставить агрессора на одну доску с союзными ливанскому правительству силами имела дальний прицел. На этом «основании» Миттеран позднее выдвинул требование вывода из Ливана «любой иностранной армии», всех иностранных вооруженных сил, кроме тех, которые там окажутся в будущем по решению «международного сообщества с согласия ливанского правительства». Он повторял этот тезис до тех пор, пока из Бейрута за пределы Ливана не были эвакуированы вооруженные отряды ООП, что в известной степени устраивало Израиль в условиях, когда разгромить ООП он оказался не в состоянии.

Миттеран поставил вопрос и о вводе в Ливан «международных вооруженных сил», намекнув на готовность Франции участвовать в них. Первоначально речь шла о создании таких сил «под эгидой Совета Безопасности» (заявление Миттерана от 24 июня 1982 г.). Затем выплыла идея «многонациональных сил», обусловленная официальной просьбой ливанского правительства, ясно выраженным согласием ООП и «всех заинтересованных сторон», «точным определением мандата» и «агреманом Объединенных Наций» (заявление министерства внешних сношений от 6 июля). Выдвигалась французами и формула «сил ООН», которые после отвода израильских войск от Бейрута и вывода из Западного Бейрута палестинских

вооруженных сил могли бы занять позиции рядом с «ливанскими силами разъединения» (французский проект резолюции от 25 июня, франко-египетский проект резолюции от 28 июля).

Но в конечном счете Париж и его американские, итальянские и британские партнеры обошлись и без согласия как «всех заинтересованных сторон», так и Организации Объединенных Наций, введя в Бейрут в августе 1982 г. так называемые «многонациональные силы разъединения».

В течение всего этого периода Франция настойчиво требовала прекращения огня и немедленного вывода израильских войск с территории Ливана, поддерживая все резолюции Совета Безопасности по этому вопросу и обращаясь непосредственно к Израилю с призывами прекратить бомбардировку и военные действия. Более того, были моменты, когда французы даже грозили санкциями Израилю (заявление Шейсона от 20 июня).

24 июня Миттеран принял Жоржа Марше, который выразил пожелание, чтобы Франция, председательствовавшая тогда в Совете Безопасности, сделала все, чтобы помешать готовящемуся преступлению против ливанского и палестинского народов (имелись в виду намерения израильского командования пойти на штурм Бейрута, у стен которого сионистские войска были остановлены 11 июня). Президент обещал. Вечером того же дня было опубликовано его заявление, в котором, в частности, говорилось: «Взятие приступом и разрушение столицы Ливана скомпрометировало бы надолго и болезненным образом будущее всей страны и мир во всем регионе. Франция торжественно обращается к Израилю с просьбой уважать требование о прекращении огня». Президент предлагал срочно разъединить противостоящие вооруженные силы в Западном Бейруте и его окрестностях и «нейтрализовать» эту часть ливанской столицы.

Но Израиль не хотел немедленно убираться из окрестностей Бейрута, а Соединенные Штаты потакали ему, добиваясь разоружения палестинцев и удаления их штаба из Бейрута. В этом направлении постепенно начала действовать и французская дипломатия, уговаривая руководство ООП «перейти от стадии вооруженной борьбы к политической стадии», как заявил Шейсон в Национальном собрании, дав понять, что путь к миру проходит через прекращение любого (а следовательно, и палестинского) военного присутствия в Ливане и взаимоприз-

нание ООП и Израиля. Интересно, что тезис о взаимопризнании ООП и Израиля еще год назад французский министр считал нонсенсом, поскольку ООП, как он заявлял, не государство и компетенцией для признания другого государства не располагает.

3 июля израильские войска завершили окружение Западного Бейрута и затем в течение всего месяца подвергали его варварским бомбардировкам, что вынудило даже Миттерана вспомнить об Орадуре. Правда, после очередных истошных воплей израильских интервентов и их французских сторонников, «оскорбленных» вполне справедливым сравнением действий сионистского воинства в Ливане с преступлениями эсэсовцев во Франции в период второй мировой войны, Елисейский дворец дал задний ход, разъяснив, что президента «не так поняли».

Под предлогом необходимости спасения Бейрута французы подталкивали ООП на новые уступки в обмен на «политическую перспективу». 21 июля Шейсон говорил уже о том, что можно требовать разоружения палестинских отрядов при одновременном выводе не только израильских, но и сирийских войск. Но ведь на том, чтобы палестинцы ушли из Бейрута, оставив там все тяжелое вооружение, настаивал как раз и американо-израильский план нейтрализации ливанской столицы, выдвинутый в начале июля.

Несмотря на предостережение Советского Союза, Соединенные Штаты двинули к берегам Ливана корабли своего 6-го флота, а 30 июля отказались поддержать в Совете Безопасности резолюцию о снятии израильской блокады Бейрута. Израиль расценил это как своего рода поощрение и 1 августа захватил бейрутский аэропорт, а 4 августа его войска приступили к штурму Бейрута. 7 августа начался последний этап согласования плана эвакуации палестинских бойцов из Бейрута. Ведя переговоры, Израиль тем не менее продолжал бомбардировки и только 19 августа окончательно одобрил этот план. 21 августа в Бейрут прибыл первый французский контингент «многонациональных сил разъединения», общая численность которых составила 2200 солдат и офицеров (850 французов, 820 американцев и 530 итальянцев). 23 августа отряды ООП начали покидать Бейрут. В тот же день президентом Ливана был избран лидер фалангистов Башир Жмайель, в связи с чем руководитель Прогрессивной социалистической партии (ППС) Валид Джумблат назвал этот день «черным днем Ливана».

В Париже только ФКП отрицательно отреагировала на это избрание. Как показали дальнейшие события, у прогрессивных сил были основания для серьезных опасений.

На эвакуацию боевых отрядов палестинцев потребовалось около 10 дней. После ухода всех, кто был способен дать отпор израильским головорезам и их правохристианским подручным, гражданское население палестинских лагерей, да и самой ливанской столицы оказалось под временной защитой французского контингента, но и он был выведен к 14 сентября, а не к 26 сентября, как планировалось.

Воспользовавшись в качестве «удобного» предлога провокационным убийством 14 сентября 1982 г. президента Жмайеля (отнюдь не исключено, что к этой акции были причастны израильтяне и их агентура), в ночь на 15 сентября части израильской армии проникли в ряд кварталов Западного Бейрута и начали погромы. Созванный по просьбе Ливана Совет Безопасности осудил действия Израиля и потребовал отхода израильских войск на прежние позиции. Аналогичное заявление сделал тогда же Шейсон. А в это время израильские интервенты выпустили на передний план фалангистские «зондеркоманды», которые подвергли зверскому истреблению сотни мирных жителей палестинских лагерей Сабра и Шатила в Западном Бейруте, не жалея ни стариков, ни женщин, ни детей.

«Новости, поступающие из Бейрута, вызывают ужас. Те, на ком лежит ответственность за подобные эксцессы, предают дело, которому они, как им думается, служат. Международное сообщество должно подняться против таких побоищ и принять необходимые меры, чтобы они не повторялись», — заявил 18 сентября Миттеран. Еще более четко высказался по радио Шейсон: «Израильская армия решила захватить Западный Бейрут вопреки соглашению, участником которого был Израиль. Таким образом, она взяла на себя ответственность, в том числе за то, что могло произойти после этого. А то, что произошло, является преступлением, преступным побоищем». Шейсон знал, что говорил, ибо в Париже располагали достоверными сведениями о том, как все происходило. Да и сам французский министр побывал 16 сентября с кратким визитом в ливанской столице и имел возможность удостовериться во многом лично. «Когда ты находишься в Восточном Бейруте, то оттуда очень хорошо

видно происходящее в Западном Бейруте, — рассказывал он французским телезрителям уже 19 сентября. — Следовательно, видно было израильское продвижение, видно было, как израильтяне появились около лагерей, и в частности лагеря Шатила, как они бомбардировали вход в этот лагерь, чтобы взять его под свой контроль».

Однако, несмотря на очевидные и общедоступные факты преступных действий Израиля, осуждая эти действия вместе со всем миром, французские руководители остались верны своему более чем благосклонному отношению к сионистскому государству. «Франция и в условиях нынешнего кризиса сохраняет веру в демократические ценности государства Израиль», — сообщил депутатам Национального собрания премьер-министр Моруа на третий день после побоища в Сабре и Шатиле. «Израиль — демократическая страна», — утверждал чуть позже Шейсон, наотрез отказавшись осудить Бегина и компанию.

Следуя той же логике, официальный Париж попытался снять ответственность и со своего американского союзника, без поддержки которого Израиль не решился бы на зверства в Сабре и Шатиле. На вопрос журналиста о пособничестве американской администрации Шейсон ответил: «Я ни за что не поставлю под сомнение добрую волю и обязательства президента Соединенных Штатов, потому что это — президент Соединенных Штатов и потому что, кроме всего прочего, я в этом очень глубоко убежден». Оно и понятно: Франция готовилась к новой акции в Ливане совместно с американцами. После беседы с рейгановским эмиссаром Хабибом 21 сентября Шейсон сообщил: «Идеи Франции и Соединенных Штатов относительно того, что должно и может быть сделано в Ливане, полностью идентичны». Накануне Миттеран и Рейган выступили каждый у себя дома по телевидению и объявили о воссоздании «многонациональных сил» для направления их в Ливан. Оба президента не скрывали, что действуют в обход ООН, ссылаясь при этом не только на «медлительность» международной организации и обращение ливанского правительства, но также и на «вопросы, поставленные Израилем». Вновь сформированные «многонациональные силы безопасности» четкого мандата не получили. Так было удобнее вмешиваться во внутренние дела Ливана.

Утром 24 сентября 1982 г. французские войска начали

высадку в Бейруте и размещение на территории «Сосновой резиденции» посольства Франции в Ливане. Французский контингент на этот раз насчитывал 1100 человек. За ним последовали 1200 американцев, в основном морская пехота, 1000 итальянцев и 80 англичан. Постепенно эти натовские силы выросли до 6220 человек: французов стало 2000, американцев — 2200, итальянцев — 1900, англичан — 120, не считая морской пехоты, оставшейся на кораблях, стоявших на рейде Бейрута, экипажей этих кораблей и летчиков бортовой авиации, принимавших активное участие в «наведении порядка» в Ливане.

Министерство внешних сношений Франции утверждало, что роль французского контингента сводится «исключительно к оказанию помощи в защите ливанского и палестинского гражданского населения» и что ни в каких политических акциях он не участвует. Однако делалось и то и другое. А позднее было и третье: прямое вовлечение во внутриливанские вооруженные конфликты, стоившее жизни десяткам французских солдат и офицеров и сотням ливанцев.

Была и политическая игра: французы вовсю обхаживали избранного 21 сентября нового президента Ливана Амина Жмайеля, опасаясь, как бы лидирующая роль США в военных действиях и в закулисных сделках не привела к полному вытеснению Франции из Ливана. Париж обещал ливанскому правительству оказать существенную помощь в реконструкции страны и в оснащении армии, на что по протоколу от 16 апреля 1983 г. было выделено 600 млн. французских франков.

Франция весьма сдержанно отнеслась к ливано-израильскому соглашению от 17 мая 1983 г., которое американцам удалось навязать президенту Жмайелю. Это соглашение наносило серьезный ущерб суверенитету Ливана, лишало его свободы принятия решений прежде всего в таких жизненно важных областях, как обеспечение национальной безопасности, организация и вооружение ливанской армии, вынуждало отказаться от международных договоров и собственных законов и постановлений, вступающих в конфликт с обязательствами перед Израилем, и по существу ставило действия ливанского правительства под контроль «совместного комитета связи» с участием США. Жмайель пошел на это в расчете на эвакуацию израильских войск с территории Ливана.

Но Израиль обусловил свой уход предварительным выводом сирийских войск, на что Сирия не согласилась, справедливо требуя безоговорочного удаления оккупантов из Ливана в соответствии с резолюциями Совета Безопасности, после чего можно было говорить и об отводе сирийских частей. Создалось тупиковое положение, вполне отвечавшее намерению Израиля передислоцировать свои войска из предместьев Бейрута и горного района Шуф, где они несли наибольшие потери, и тем самым ослабить антиправительственные настроения у себя дома и сбить волну протестов мировой общественности, а заодно закрепиться на юге Ливана.

В день подписания ливано-израильского соглашения Миттеран сделал уклончивое заявление: «Франция всегда оказывала поддержку законному правительству Ливана, но не собирается подменять его в решениях, которые обязывают его». Другими словами, подписали и подписали — дело хозяйское, а мы умываем руки. Хотя попытки США поставить Ливан под свой, совместный с израильтянами контроль Париж безусловно настораживали.

Не снял Париж и выдвинутого им требования об удалении из Ливана «всех иностранных сил», чего как раз и добивалась американо-израильская дипломатия. «Приоритетом становится эвакуация иностранных сил — израильтян, но равным образом и всех других», — говорил Шейсон в интервью газете «Матэн» 14 июня 1983 г.

Однако, действуя заодно с американцами, французы не забывали и о своих интересах. Отсюда их самое пристальное внимание ко всем основным фигурам политической шахматной доски в Ливане. Париж имел дело не только с президентом, премьер-министром и министром иностранных дел Ливана, но и с лидерами всех политических группировок, включая национально-патриотические силы. Параллельно велись переговоры с сирийцами, саудовцами, египтянами.

Франция пыталась содействовать национальному примирению ливанцев и стремилась избежать вовлечения в гражданскую войну. Но война есть война. И французы начали нести потери в Бейруте. Французским солдатам было дано разрешение применять оружие в случаях «необходимой обороны». А кто определял, когда она «необходима»? Сами же и определяли. Определив, решили вновь направить к берегам Ливана авианосец «Фош», который

там уже побывал дважды. Но тогда, раньше, дело ограничилось наблюдением и разведкой. Теперь же французская эскадра получила приказ «обороняться», т. е. стрелять, бомбить, быть в состоянии высадить десант, в общем, действовать так же, как 6-й американский флот. 7 и 9 сентября 1983 г. в дело вступили самолеты-разведчики, а 22 сентября с «Фоша» был произведен первый авианалет. Предлогом для этого послужил обстрел позиций французского контингента, имевший место накануне. И хотя, судя по совпадающим сообщениям из самых разных источников, по французам стреляли фалангисты, самолеты с «Фоша» атаковали позиции национально-патриотических сил Ливана. Франция начала вползать во внутренний конфликт. ФКП призвала к выводу «многонациональных сил» из Ливана и поиску политического решения в рамках ООН.

Игнорируя эти призывы, в Париже решили направить на смену «Фошу» авианосец «Клемансо» и задержать его у берегов Ливана на продолжительное время. Председатель Прогрессивной социалистической партии Ливана Валид Джумблат, встречавшийся 12 октября с Шейсоном, заявил, что Франция идет по стопам США и на буксире у США, проводя недопустимую «политику канонерок».

23 октября 1983 г. два мощных взрыва обратили в груды развалин штабы американского и французского контингентов «многонациональных сил». На следующий день на «Клемансо» явились президент Миттеран, министр обороны Эрню, начальник генштаба Лаказ — для выяснения обстановки. Поразмыслив более трех недель, посовещавшись со своими «партнерами» по интервенции в Ливане, и прежде всего с американцами, французы приняли хладнокровное решение — отомстить. И 17 ноября французские истребители-бомбардировщики, базировавшиеся на авианосце «Клемансо», подвергли бандитскому налету город Баальбек, в результате чего были убиты 39 и ранены 150 человек, причем в подавляющем большинстве — мирные граждане, а не «террористы», как во Франции начали тогда называть бойцов ливанских национально-патриотических сил. Карательная операция, которую Миттеран, Эрню и Шейсон пытались преподнести как «санкцию против терроризма», не встретила энтузиазма даже в рядах соцпартии. Жискар д'Эстэн, Ширак и Барр осудили Миттерана за рейд на Баальбек как попытку использовать ливанские события в личных

целях, для поднятия своего престижа во Франции, с риском репрессалий, которые могут дорого обойтись французам в Ливане. «Это неприлично, — сказал Барр. — Такое поведение не кажется мне достойным...»

Чувствуя стремление итальянцев покончить с бесславной эпопеей «многонациональных сил» и догадываясь о намерении администрации Рейгана прислушаться к требованию конгресса прекратить вооруженное вмешательство в дела Ливана, уже принесшее гибель сотням американских солдат, французское правительство взяло курс на активную дипломатическую подготовку отступления, добиваясь замены контингентов «многонациональных сил» в Ливане войсками ООН. Миттеран в своих выступлениях начал апеллировать к ООН в том смысле, что международное сообщество должно «осознать свой долг» в отношении Ливана. До того обходились без ООН. Пришлось туго — и вспомнили снова о международном сообществе. Одновременно для восстановления своего престижа в Ливане Париж заявил о поддержке намерения Жмайеля отказаться от соглашения с Израилем от 17 мая 1983 г. и создать правительство национального единства.

7 февраля 1984 г. отряды НПС Ливана установили контроль над Западным Бейрутом. В ночь на 8 февраля Рейган объявил о передислокации морской пехоты из Бейрута на корабли 6-го флота, и, как бы в отместку за то, что пришлось убираться с ливанской земли, крейсер «Нью-Джерси» забросал Бейрут сотнями снарядов. 8 февраля британские солдаты погрузились на суда своего военно-морского флота. В тот же день стало известно решение итальянского правительства о постепенном отводе его войск. Французские военные прекратили патрулирование Бейрута. А правительство Франции 8 февраля обратилось в Совет Безопасности ООН с предложением заменить «многонациональные силы» в Ливане «голубыми касками». Двадцатидневные переговоры по этому вопросу закончились безрезультатно. Не дожидаясь их завершения, итальянцы, а за ними американцы полностью убрали своих солдат с территории Ливана. Французский контингент остался в одиночестве. Было решено уходить, но не торопясь, сохраняя рамки приличия. Возобновление в марте 1984 г. конференции о национальном примирении в Ливане, прерванной в октябре 1983 г., сопровождалось отменой ливано-израильского соглашения от 17 мая 1983 г. и прекращением огня

между враждующими ливанскими группировками, что облегчало более или менее достойный уход французским войскам. 31 марта в Бейруте состоялась церемония, посвященная завершению миссии французского контингента в «многонациональных силах», с участием Шейсона и Эрню. Так закончилась бесславная авантюра «многонациональных сил безопасности» в Ливане. Франции она стоила 86 человек убитыми и 94 ранеными.

Французские газеты в один голос признали, что политические потери Франции во всей этой истории с «многонациональными силами» особенно значительны, поскольку она оказалась в положении державы, плетущейся в хвосте у США. Бывший жискаровский министр иностранных дел Жан Франсуа-Понсе довольно тонко подметил, что «Париж предпочел стушеваться перед Вашингтоном» и ему не оставалось ничего иного, как «отстреливаться то с правого, то с левого борта».

Произраильский крен, двусмысленность позиции в вопросах ближневосточного урегулирования, издержки совместного с американцами вооруженного вмешательства в дела Ливана ставили Францию в весьма затруднительное положение перед ее арабскими партнерами. Ей пришлось прилагать немалые усилия, чтобы не рухнули мосты в арабский мир. Но французские позиции там явно ослабли, особенно в политическом плане.

На вторых ролях

В мае 1982 г. в Париже было проведено совещание министров, дипломатов и высокопоставленных чиновников, посвященное азиатско-тихоокеанскому направлению внешней политики Франции, которое долгое время оставалось в забвении. Участники совещания пришли к выводу, что азиатско-тихоокеанский регион будет играть возрастающую роль в мировых делах и что Франция не должна «опоздать на поезд», идущий в этом направлении. Однако по прошествии некоторого времени французские государственные деятели не без горечи констатировали, что у них для этого недостаточно сил и придется довольствоваться вторыми ролями. «Мы стараемся там присутствовать, но без иллюзий: мы не будем великой державой в зоне Азии и Тихого океана, и нет даже

уверенности в том, что мы сможем быть там средней державой, учитывая географическую отдаленность...», — признал Шейсон в интервью газете «Либерасьон» 22 февраля 1984 г. Дело, конечно, не только в «географической отдаленности». Дело в экономической и политической неконкурентоспособности по сравнению с такими «китами» империалистической экспансии, как Соединенные Штаты и Япония. Падение французского влияния в Азии при Миттеране продолжалось, несмотря на «тьермондистскую» фразеологию и заигрывание с движением неприсоединения. Более того, в тихоокеанском регионе нарастало возмущение французскими ядерными испытаниями на атолле Муруроа (острова Туамоту), которые Миттеран не захотел прекращать вопреки требованиям большинства островных государств, и маневрами вокруг вопроса о предоставлении независимости Новой Каледонии, где Франция решила укреплять свое военное присутствие.

В Париже придавали и придают большое значение развитию разносторонних политических, экономических, научно-технических, культурных связей с Китаем, Японией, Индией, но, несмотря на все предпринимаемые усилия, Франция так и не смогла выйти на позиции первостепенного партнера этих стран.

Активизировалась за последние годы французская дипломатия и в Юго-Восточной Азии, где Франция действует как самостоятельно, так и вместе с партнерами по ЕЭС, которое установило прямой диалог на постоянной основе с АСЕАН. Но и здесь первую скрипку играют Япония и США, конкурировать с которыми Западной Европе довольно трудно.

В Индокитае у Франции в прошлом сохранялись неплохие позиции, несмотря на поражение в колониальной войне против народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Этому способствовала решительная позиция, занятая руководителями Пятой республики, последовательно выступавшими за прекращение американской агрессии. Франция сумела сохранить нормальные отношения с ДРВ, затем после образования Социалистической Республики Вьетнам первая среди западных держав начала политический диалог с ней и стала налаживать экономические отношения.

С полпотовским режимом в Кампучии Франция никаких контактов не имела, но образование Народной Республики Кампучии в 1979 г. вызвало противоречивую

реакцию французского правительства: осуждая зверства свергнутого режима, новую власть в Пномпене Франция, как и другие западные державы, признавать не захотела и с явным непониманием отнеслась к той помощи, которую оказал кхмерскому народу Вьетнам.

При Миттеране эта негативная линия получила свое дальнейшее развитие. Французские государственные деятели на протяжении пяти лет правления социалистов во Франции громогласно обвиняли Вьетнам в том, что он якобы совершил «агрессию» и «оккупировал» Кампучию. На этом, с позволения сказать, «основании» французский президент и его министры настойчиво требовали безоговорочного отказа Вьетнама от интернациональной помощи братскому народу и подтверждали ранее занятую позицию непризнания НРК. Не вступая в официальные контакты с созданным летом 1982 г. так называемым «коалиционным правительством» из-за участия в нем полпотовских палачей, министры-социалисты во главе с президентом установили «доверительные отношения» с руководителями двух других составных частей этой антинародной коалиции в лице Сианука и бывшего премьер-министра Сон Сана и пытались оказывать нажим на Вьетнам и Кампучию через страны АСЕАН.

Вместе с тем, когда в июле 1982 г. три страны Индокитая предложили провести международную конференцию по проблемам региона, в Париже расценили эту инициативу как «первый шаг в хорошем направлении». В марте 1983 г. в Ханое Шейсон заявил: «Никто не оспаривает, что Вьетнам играет важную роль в настоящей и будущей судьбе Кампучии. Франция считает, что кампучийский народ, как и любой другой, имеет право свободы выбора. Мы не хотим, чтобы вывод вьетнамских войск из Кампучии мог привести к риску повторения беспрецедентных в истории ужасов, которые имели место в годы господства полпотовцев. Мы никогда не будем иметь отношений с любой группировкой, в которую входят виновники кровавой трагедии Кампучии». Прекрасные слова! Но, к сожалению, они остались словами, которые после этого больше не произносились. Уже через несколько дней министерство внешних сношений заявило: «Франция никогда не переставала осуждать присутствие вьетнамских вооруженных сил в Камбодже».

27 апреля 1983 г. Миттеран, а за ним Шейсон принимали главу «коалиции» Сианука, успокаивая общественное мнение, что «президент Демократической

Кампучии» прибыл во Францию не в этом своем качестве, а как «друг Франции и выдающийся кхмерский деятель». Произнося тост в честь Сианука, Шейсон назвал его «бойцом, патриотом, символом кхмерской гордости». Миттеран тоже признал в Сианукe «символ кхмерского патриотизма». А буквально через несколько дней, как сообщала газета «Монд», французские руководители вдруг начали «сознавать», что и «некоторые красные кхмеры», т. е. полпотовцы, «должны быть приняты в расчет при поиске политического решения».

В августе 1984 г., после очередной встречи с Миттераном и Шейсоном, Сианук заявил, что его проект «правительства, в которое вошли бы все кхмерские составные части» (следовательно, и полпотовцы тоже), поддержанный странами АСЕАН, столь же «твердо» поддерживается и Францией, желающей, «чтобы Нородом Сианук вернулся в Камбоджу не в очень отдаленном будущем для воссоединения нации». Мы — целиком на вашей стороне, — заверил Сианука Шейсон. Если во времена Жискар д'Эстэна с Сианукoм контактировали, но никаких обязательств на себя не брали, то Миттеран решил сделать ставку на него, не отдавая себе отчета в том, что кхмерский народ давно уже объединился под знаменами Народной Республики Кампучии.

Совсем иных взглядов придерживались французские коммунисты, которые с самого начала выступали за нормальные дипломатические отношения и сотрудничество с НРК, способствуя в меру своих возможностей установлению связей с ней, хотя бы в неофициальном порядке. По инициативе Ассоциации за развитие отношений с Кампучией (АДРАК) в декабре 1980 г. во Франции побывала небольшая делегация из НРК, которую принимали в ЦК ФКП. Через Ассоциацию культурного и технического сотрудничества, которая является международной организацией франкоязычных стран с центром в Париже, представителям НРК удалось тогда войти в контакт с сотрудниками министерств здравоохранения, национального образования, транспорта и культуры Франции и обсудить возможности оказания помощи в восстановлении нормальной жизни в Кампучии.

В феврале 1981 г. АДРАК направила свою миссию в Пномпень для изучения возможностей содействия кампучийцам в реставрации храмов Ангкора, пострадавших от военных действий, и восстановлении Института Пастера, а также для установления шефства французских

городов и школ над кампучийскими городами и школами, чтобы помочь им, как говорится, восстать из пепла. Это было до смены государственного руководства во Франции.

В феврале 1982 г. на XXIV съезде ФКП побывал член Политбюро ЦК Народно-революционной партии Кампучии, министр иностранных дел Хун Сен. В интервью «Юманите» он подчеркнул, что «французское правительство в своем подходе к Юго-Восточной Азии должно учитывать роль стран Индокитая, и особенно Кампучии... Если Франция поддержит позиции АСЕАН, она пойдет по ошибочному пути». Правительство не прислушалось к этому призыву, но коммунисты продолжали настойчиво добиваться признания НРК и развития связей с ней. В апреле 1982 г. Пномпень, а также Вьентьян и Ханой посетила делегация ФКП во главе с секретарем ЦК Полем Лораном. По возвращении в Париж руководитель делегации провел пресс-конференцию, в ходе которой подчеркнул «необходимость и интерес» для Франции укреплять сотрудничество с тремя странами Индокитая и играть позитивную роль в пользу «региональной разрядки и развития». «Нам кажется, — подчеркивал Поль Лоран, — что долг нашего народа, нашей страны, нашего государства помочь возрождению Камбоджи, страны, где говорят по-французски и испытывают большое влечение к Франции». Он выразил возмущение по поводу «двойного скандала: присутствия полпотовцев в ООН, где они продолжают представлять Кампучию (позже это будет «коалиция» с участием полпотовцев. — *В. С.*), и трагической басни, состоящей в том, чтобы уподоблять агрессии то, что делает в Кампучии Вьетнам. Идея вьетнамской агрессии против Кампучии фальшива и невыносима. Вьетнамское присутствие ощущается населением как гарантия против возвращения к резне». Так считали коммунисты, опираясь на факты, здравый смысл и высокие моральные принципы. И не только считали, но и действовали, мобилизуя солидарность французских трудящихся с кампучийским народом, примером чему может служить направление в НРК железнодорожного оборудования по инициативе АДРАК и с помощью французских железнодорожников и докеров. За АДРАК последовали другие общественные организации: Французский комитет медицинской помощи кампучийскому населению, Французская народная помощь, Католический комитет против голода. Они помогали строить больницы, детские дома, донор-

ские пункты, реконструировать Институт Пастера, реставрировать Национальную библиотеку и памятники архитектуры.

В мае 1983 г., после визита Миттерана в Китай, где президент говорил, что Франция «ни сегодня, ни завтра не признает власть, утвердившуюся в Пномпене», секретарь ЦК ФКП Максим Гремец побывал в трех странах Индокитая, после чего заявил: «Мы за то, чтобы Франция установила и развивала хорошие отношения со всеми странами региона без дискриминации», в том числе с Кампучией. Он подверг критике официальную позицию непризнания правительства НРК, напомнив традиционный принцип, которого придерживается Франция: признавать государства, а не правительства. Примечательно, что именно под этим предлогом не были разорваны отношения Франции с Чили после пиночетовского переворота.

Правительство НРК, несмотря на то что Париж попрежнему отказывался от нормальных отношений с Пномпенем, неоднократно подтверждало свою волю к установлению таких отношений и приветствовало положительные элементы французской позиции (осуждение полпотовщины, некоторое дистанцирование от тех, кто регулярно голосовал в ООН за предоставление места Кампучии представителям «коалиции», постепенное подключение некоторых официальных учреждений к деятельности французских общественных организаций в Кампучии). Как сказал Хун Сен, «если мы не можем построить мост из бетона между нашими странами, пусть это будет пока бамбуковый мост».

Первый крупный шаг в этом направлении был сделан в июле 1984 г., когда в Пномпень прибыла парламентская делегация в составе представителей всех основных фракций Национального собрания Франции во главе с депутатом-коммунистом Робером Мондаржаном. Делегация встретилась с высшими руководителями НРК и совершила поездку по стране. Французские парламентарии сочли плодотворными состоявшиеся в Пномпене беседы, в ходе которых выявились направления возможного двустороннего сотрудничества, шел разговор об открытии в Париже кампучийского информационного бюро и высказана готовность правительства НРК содействовать возвращению на родину Сианука и Сон Сана при условии, что они порвут с полпотовцами, поддержат законную власть в Пномпене и будут уважать конституцию страны.

Визит парламентской делегации, казалось бы, пробил первую брешь в политической блокаде НРК западными державами. В октябре 1984 г. в Париж по линии АДРАК приезжал заместитель министра здравоохранения НРК, в ноябре по приглашению вице-председателя комиссии по иностранным делам Национального собрания коммуниста Мондаржана — министр иностранных дел Хун Сен. Результаты этого визита во Францию Хун Сен оценил как хорошие: он, несомненно, способствовал росту понимания обстановки в Кампучии и вокруг нее французскими политическими кругами и общественностью.

Но официальный Париж, не препятствуя неофициальным контактам, по-прежнему воздерживался от прямого диалога с Пномпенем. «Французское правительство, судя по всему, пренебрегает отношениями с нами, оно скорее за развитие отношений с Сианук... Французское правительство не держит своих обещаний. Французские руководители поступают нереалистично», — констатировал в феврале 1985 г. Хун Сен, подчеркнув, что невыполненной оказалась даже договоренность об открытии информационного бюро НРК в Париже.

Противоречива политика Франции в Индокитае. Ностальгией по безвозвратно ушедшим колониальным временам окрашены попытки диктовать условия организации государственной жизни кхмерскому народу и вмешиваться в его отношения с вьетнамскими соседями. Но перспектива осознания правящими кругами Франции необходимости и неизбежности считаться с существующими в Кампучии реалиями отнюдь не закрыта. Тем более что они сами показали возможность иного подхода к отношениям со странами Индокитая, восстановив в декабре 1981 г. прерванные три года назад дипломатические (а несколько позже и экономические) отношения с Лаосом и поддерживая более или менее нормальные связи с Вьетнамом, правда, куда менее насыщенные конкретными делами, нежели связи Франции со странами АСЕАН.

Дифференцированный подход просматривается и в отношениях Франции с КНДР и Южной Кореей. С социалистическим государством корейского народа она поддерживает ограниченные торговые связи, с реакционным режимом Сеула — полновесные дипломатические отношения и интенсивное экономическое сотрудничество. Тут уж действительно можно говорить о преемственности: Миттеран проводит ту же политику на Корейском полуострове, что и его предшественники в Елисейском дворце.

Одно время в Париже прошел слух, что правительство собирается признать де-юре КНДР. Но Сеул встал на дыбы, и его успокоили, что никакого решения на этот счет не принималось. Торговое представительство КНДР в Париже в декабре 1984 г. получило политический статус генеральной делегации, однако до установления дипломатических отношений дело так и не дошло. В апреле 1985 г. премьер-министр Фабиус по прибытии с визитом в Южную Корею с порога объявил, что Франция не признает КНДР «без одобрения Сеула». Такая позиция в немалой степени обусловлена стремлением французских монополий расширить свое участие в осуществлении южнокорейских проектов, в особенности в области ядерной энергетики, газохимической и авиационной промышленности, скоростного железнодорожного транспорта, робототехники и даже освоения космоса. И хотя за монополиями других капиталистических стран им трудно угнаться, Франция тем не менее — пятый из западных стран партнер Сеула после Японии, США, Англии и ФРГ.

В Юго-Западной Азии французская дипломатия взяла на себя неблаговидную миссию поддержки вслед за США, Китаем, Пакистаном и иже с ними афганского контрреволюционного отребья. Напомним, что в декабре 1979 г. Советский Союз по просьбе законного правительства Демократической Республики Афганистан ввел ограниченный воинский контингент в эту соседнюю дружественную нам страну, чтобы помочь ей в отражении империалистической агрессии, выразившейся в систематической засылке на афганскую территорию вооруженных банд душманов. Тогда Франция вместе со своими партнерами по ЕЭС солидаризировалась с теми, кто вдохновлял и вооружал эти банды, а заодно попытался поссорить развивающиеся страны с миром реального социализма, но на франко-советские отношения переносить эту «солидарность» не стала, сохранив и политический диалог, и другие формы сотрудничества с Советским Союзом. Уклонялось французское руководство и от общения с представителями душманов, хотя тенденция изображать их в качестве «борцов народного сопротивления» уже стала доминирующей и в буржуазных средствах массовой информации, и в самых широких политических кругах, за исключением ФКП и прогрессивных общественных организаций. Французские социалисты заняли первые ряды в антисоветском хоре, воспевавшем афганскую контрреволюцию.

Уже в начале июня 1981 г., находясь в Вашингтоне, который возглавляет империалистическое вмешательство в дела Афганистана, Шейсон заявил, что, пока советские войска не будут выведены из Афганистана, «нельзя ожидать нормальных отношений между Францией и СССР». Впоследствии этот тезис он повторял в течение всего своего пребывания на посту министра внешних сношений, полностью игнорируя подлинные причины советской военной помощи ДРА и клеветнически преподнося ее как «интервенцию» и даже «оккупацию» Афганистана, а раз так, то бандиты в речах Шейсона превращались в «патриотов», а вооружение их — в «благородное дело». В таком же духе высказывались и другие французские министры. Ультимативный характер выдвигавшихся требований со временем стал ослабевать, в Париже начали сознавать бесперспективность предъявления Советскому Союзу всякого рода «предварительных условий». Но существо позиции по «афганскому вопросу» оставалось прежним: вместе с другими своими союзниками по НАТО Франция продолжала настойчиво добиваться вывода советских войск из Афганистана без нормализации обстановки, сложившейся вокруг этой страны. В унисон с правительством действовала и соцпартия, проложившая путь к прямым контактам с душманами. Накануне очередного съезда этой партии, в октябре 1981 г., в Париже открылось «международное бюро по Афганистану», занявшееся координацией провокаций против СССР и ДРА. На этот съезд были приглашены представители афганской контрреволюции. В январе 1982 г. представитель руководства СП Жак Хунцингер заявил, что его партия будет всеми силами помогать «афганскому сопротивлению».

И помогали, согласуя свои действия секретно — с США, в открытую — с Пакистаном: в конце января 1982 г. Миттеран принимал Зия-уль-Хака и обсуждал с ним главным образом положение в Афганистане. Пакистанский диктатор похвалил французского президента за «весьма реалистические взгляды» в отношении Афганистана.

Контакты с душманами социалисты с уровня партийного подняли на уровень государственный. В январе 1982 г. представителя одной из бандитских группировок принимали на Ке д'Орсэ. В феврале советник французского президента — Р. Дебрей отправился в Пешавар (Пакистан) — средоточие «штабов» контрреволюцион-

ных банд — и заверил душманов в «солидарности Франции». В марте и апреле в канцелярии премьер-министра и на Ке д'Орсэ принимали еще две группы «лидеров» афганской контрреволюции. В октябре генеральный секретарь министерства внешних сношений Ф. Гутман посетил один из лагерей афганской контрреволюции в районе Пешавара, где произносил антиафганские и антисоветские речи. В апреле 1984 г. тот же Гутман принимал в Париже одного из душманских «лидеров» Раббани, которому предоставили самые широкие возможности для пропаганды своих взглядов через французские средства массовой информации и заверили в том, что Франция «усилит свою дипломатическую поддержку» бандитам. А в Елисейском дворце в это время такие же заверения давали другому «лидеру» бандитов — Вардаку.

Такого рода прямые контакты продолжались и в последующем. Начав с проявлений «солидарности» с афганской контрреволюцией и ее американскими покровителями, правительство социалистов вскоре заняло такую позицию, которую нельзя назвать иначе, как вмешательство во внутренние дела страны — члена ООН, с которой оно продолжало поддерживать дипломатические отношения.

Государственное радио и телевидение не останавливались ни перед какой клеветой на народный режим в Кабуле и присвоили себе «право» нарушать афганскую государственную границу для засылки вместе с вооруженными бандами душманов журналистов-авантюристов, чьи тенденциозные материалы несли однозначный контрреволюционный заряд, а информация имела вполне практическую шпионскую ценность для американских, французских, пакистанских и прочих спецслужб. Аналогичным образом действовали пособники бандитов из псевдоблаготворительных медицинских организаций «Врачи без границ», «Врачи мира» и им подобные, которые «Юманите» довольно метко назвала общим для них всех именем — «Врачи без стыда и совести».

Французские ассоциации типа «Афран», рядящиеся в тогу обществ «франко-афганской дружбы», а на деле открыто занимающиеся враждебной ДРА деятельностью, не отстают от «благотворителей» в белых халатах в перекачке денег в штабы афганской контрреволюции в Пешаваре. Париж стал местом, констатировала «Юманите», где «легче всего войти в контакт с контрреволюционными группами», действующими против ДРА.

Через Париж запускаются в средства массовой информации и многие клеветнические пропагандистские кампании, пытающиеся приподнять никудышный престиж бандитских главарей. Не без пособничества французских властей была предпринята провокационная затея с созданием пиратской радиосети под позывными «радио свободного Кабула», начавшей функционировать осенью 1981 г. Организаторы этой диверсии — известные сионисты-антисоветчики Марек Хальтер и Анри Бернар-Леви получили из тщательно скрываемых источников кругленькую сумму для заброски в Пешавар, а оттуда в Афганистан передатчиков УКВ и коротковолновых радиостанций, кассет с враждебными народной власти обращениями и приемников для клиентуры душманов. Вся эта операция была замаскирована под видом сбора и передачи «пожертвований». Эту видимость помогали создавать буржуазные газеты, в основном правые, и... государственное телевидение, руководимое социалистами. Поощряя нарушения афганского суверенитета, официальный Париж охотно подхватывал клеветнические обвинения Пакистана в адрес ДРА и предъявлял Кабулу свои основанные на этих обвинениях протесты, нимало не интересуясь истинным положением дел на пакистано-афганской границе.

В 1984 г. телекомпания «Антенн-2» организовала незаконную засылку своей съемочной группы в Афганистан в составе банды вооруженных душманов. При переходе границы банда напоролась на военный патруль и, отстреливаясь, отступила на пакистанскую территорию, бросив на афганской стороне французского корреспондента Абушара, который попал в руки афганского правосудия. Во Франции началась форменная вакханалия антиафганских, а заодно и антисоветских манифестаций под лозунгом «Свободу Жаку Абушару» с массированным использованием всех каналов государственного телевидения (к которому принадлежит и замешанная в деле Абушара «Антенн-2») и радио, не говоря уже о буржуазной прессе всех расцветок и мастей. В кампанию включились и некоторые государственные деятели. В конце концов афганский суд наказал Абушара в полном соответствии с законами своей страны, а глава афганского государства использовал свои прерогативы для помилования нарушителя, признавшего себя виновным. Вернувшись во Францию, Абушар настоятельно не советовал другим повторять его авантюру.

Все это основательно подрывало престиж Франции в стране, которая не раз протягивала ей руку дружбы.

От идеализма к прагматизму

В Азии, Африке, на Ближнем Востоке миттерановский «тьермондизм» в конечном счете вылился в ориентацию на прозападные режимы и поддержку контрреволюции. От его прогрессивных аспектов, содержавшихся в предвыборных декларациях социалистической партии, очень скоро не осталось практически ничего. Напускной идеализм уступил место неоколониалистскому прагматизму, смычке с другими отрядами мирового империализма в противостоянии силам социального обновления.

С левой фразы начиналась «новая политика» Парижа и в отношении стран Латинской Америки. И даже с фронды, вызывавшей раздражение в Вашингтоне. С фронды, которую французские руководители пытались использовать для демонстрации своей независимости от американского союзника. Даже в рядах самой социалистической партии кое-кто высказывал подозрение: не пытается ли правительство использовать тактические расхождения с американцами в подходе к проблемам Латинской Америки в качестве своего рода «левого алиби» для прикрытия проатлантического курса в отношениях Восток — Запад?

В чем заключались особенности этой «новой политики»? Прежде всего в том, что Миттеран и его министры выдвинули тезис о внутренних причинах освободительных движений, отказавшись видеть повсюду «руку Москвы и Гаваны», как это делали американцы, высказались за невмешательство в дела латиноамериканских государств и заявили о своем предпочтении метода переговоров средствам давления, к которым прибегают Соединенные Штаты. Более того, 28 августа 1981 г. в совместной франко-мексиканской декларации по Сальвадору организации, борющиеся против марионеточного режима этой страны — Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти и Революционный демократический фронт, — были признаны как «представительная политическая сила», которая должна участвовать в переговорах о политическом урегулировании внутрисальвадорского кризиса и создании «демократической системы». 20 октября 1981 г. в Мехико Миттеран произнес зажига-

тельную речь, обращенную «ко всем борцам за свободу». В декабре того же года Франция решила поставить стрелковое оружие, два патрульных судна, два вертолета и несколько десятков грузовиков Никарагуа; контракт не особенно крупный, всего на 100 млн. франков, но политически важный в момент, когда Соединенные Штаты собирались установить блокаду Никарагуа. В июле 1983 г. Шейсон высказался против присутствия американских авианосцев у берегов Никарагуа. В апреле 1984 г. Франция предложила свою техническую помощь для освобождения никарагуанских портов от американских мин, установленных по указанию Рейгана. В ноябре того же года она выступила против нарушения Соединенными Штатами воздушного пространства Никарагуа. В мае—июне 1985 г. Франция и другие страны ЕЭС отвергли экономические санкции США против Никарагуа.

Франция активно поддерживала усилия Контадорской группы* по урегулированию положения в Центральной Америке мирным, политическим путем. Шейсон участвовал в совещании министров иностранных дел стран «десятки», Испании, Португалии, пяти центральноамериканских стран и четырех государств Контадорской группы в коста-риканской столице Сан-Хосе 28—29 сентября 1984 г. и решительно высказался в пользу Контадорского акта мира и сотрудничества в Центральной Америке, одобренного правительством Никарагуа, но подвергнутого обструкции Соединенными Штатами и некоторыми их центральноамериканскими сателлитами. 13 мая 1985 г. президент Даниель Ортега находился с визитом в Париже, в ходе которого Миттеран подтвердил, что Франция готова содействовать мирному разрешению кризиса в Центральной Америке. В течение этого года Франция предоставила Никарагуа небольшую финансовую и продовольственную помощь.

Среди позитивных действий Франции в этом регионе можно назвать также активизацию связей с Кубой, систематические протесты против репрессивных мер пиночетовского режима в Чили и осуждение американской интервенции на Гренаде, положительную реакцию на демократические перемены в Аргентине и призывы по-

* Создана на совещании министров иностранных дел Венесуэлы, Колумбии, Мексики, Панамы 8—9 января 1983 г. на острове Контадора у побережья Панамы.

кончить с кровавыми диктатурами в других странах Латинской Америки.

Французские руководители стремились убедить администрацию Рейгана в целесообразности отказа от политики грубого диктата во имя «правильно понятых интересов Запада». В интервью еженедельнику «Тайм», опубликованном в октябре 1981 г., Миттеран сказал: «Мы думаем, что сохранение устаревших систем в Латинской Америке представляет опасность для всех. Говорят о коммунизме. Но ведь его таким путем и фабрикуют. Коммунизм рождается из нищеты, и, если Запад не проявит больше понимания, эти народы вооружатся, обращаясь к другим. То есть к Советскому Союзу». Объясняя американцам свою позицию, французы подчеркивали, что «помощь» Запада демократическим силам Латинской Америки призвана удержать освободительное движение в рамках капиталистической системы, не допустить подлинно революционных преобразований и усиления таким образом антиимпериалистического фронта. При всей лицемерности такой линии есть в ней и позитивно-рациональное зерно: призыв к отказу от применения силы. Но в Вашингтоне не очень внимали этим призывам французов, предпочитая привычные силовые приемы.

Надо сказать, что и позиция Франции особой последовательностью не отличалась. В апреле — июне 1982 г. Франция вместе с другими партнерами по ЕЭС и Соединенными Штатами заняла сторону Великобритании в ее вооруженном конфликте с Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Она проголосовала за торгово-экономические санкции против Аргентины, объявленные западноевропейской «десяткой».

Постепенно снижался критический тон и в адрес США, первоначально присущий выступлениям французских руководителей, обращенным к латиноамериканской аудитории. Материальная помощь Франции демократическим силам оказалась практически ничтожной. Уже в феврале 1982 г. министр обороны Эрню успокоил американцев, что новых контрактов на поставку оружия Никарагуа французское правительство заключать не собирается. Да и экономическая помощь Никарагуа выделялась Францией в более чем скромных размерах (15 млн. долл. в 1985 г.).

25 февраля 1982 г. Рейган выступил с так называемой «карибской инициативой», в рамках которой США приняли решение об оказании военно-экономической

помощи репрессивным латиноамериканским режимам. Миттеран отреагировал на это заявлением о том, что американская «инициатива не совсем такая, какую предприняла бы Франция, но в хорошем направлении».

В марте 1982 г. Миттеран прибыл с рабочим визитом в Вашингтон, в ходе которого, по сведениям еженедельника «Пуэн», пообещал Рейгану проявлять «больше сдержанности в оказании поддержки революционным движениям в Центральной Америке». Это сообщение не было опровергнуто ни словами, ни делами. Более того, первый секретарь социалистической партии Л. Жоспен, гостивший у американских профсоюзных боссов с 13 по 20 апреля 1982 г., подтвердил, что Франция не намерена поощрять «утверждение марксистско-ленинских режимов» по соседству с США, которым она не желает «создавать трудностей». Зато к сальвадорскому марионеточному режиму отношение в Париже постепенно менялось явно в лучшую сторону. Во всяком случае, когда в июле 1984 г. глава режима Дуарте отправился в вояж по Западной Европе, в Париже его принял французский президент. После встречи с Миттераном Дуарте утверждал, что во Франции нашел «понимание».

В конце июля Шейсон посетил Аргентину и Венесуэлу, где в поддержку освободительных движений уже не высказывался, а критику США ограничил в основном валютно-финансовыми вопросами. В связи с этой поездкой «Фигаро» писала, что «наблюдается подлинное изменение курса французской политики в отношении южноамериканского континента. Отказавшись от идеологической поддержки промарксистской герильи в Центральной Америке, Шейсон сделал выбор в пользу призывов к возобновлению несколько подзабытого сотрудничества с потенциально самыми богатыми странами Латинской Америки». «Фигаро» довольно точно подметила тенденцию к затуханию франко-американского политического спора из-за того, какой тактики лучше придерживаться в подходе к проблемам Латинской Америки, и перенос акцента на экономические отношения. Добавим к этому наблюдение «Юманите»: социалисты на поверку оказались столь же неразборчивыми в своем прагматизме, что и их предшественники из правого лагеря, не препятствуя ни частным, ни государственным фирмам делать свои делишки отнюдь не только в странах с буржуазно-демократическими порядками, но и в пиночетовской Чили, и в стресснеровском Парагвае, причем последнему

выделялись кредиты даже государственным казначейством.

В декабре 1985 г. Франция провела совместно с США военно-морские маневры в районе Пуэрто-Рико. Английская «Санди таймс» писала по этому поводу, что Париж приступил к разработке политики тесного сотрудничества с Вашингтоном «в целях укрепления режима безопасности в своих карибских владениях». Характерным проявлением такой политики явилось предоставление французским правительством в феврале 1986 г. временного убежища свергнутому гаитянским народом диктатору Дювалье.

Но и здесь сближение политических интересов не снимало экономических противоречий. Продвигая свои интересы везде, где это оказывается возможным, Франция неизбежно вступает в конкуренцию с Соединенными Штатами, особенно когда это происходит в заповедных зонах американских ТНК. Поэтому в борьбе за позиции в Латинской Америке Париж прибегает к использованию коллективных усилий «малой Европы», подобно тому как это делается в Африке и ЮВА. В декабре 1983 г. «десятка» заключила долгосрочное соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве с организацией Андского пакта (Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу, Эквадор). На совместном совещании министров иностранных дел стран ЕЭС и Центральной Америки в Сан-Хосе (Коста-Рика) в сентябре 1984 г. была достигнута принципиальная договоренность об институционализации сотрудничества между «десяткой» и Центральноамериканским общим рынком, решено заключить рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве и подкрепить его финансовой помощью в размере 300 млн. долл. на пять лет. Уже сама по себе эта сумма свидетельствует об ограниченности возможностей и притязаний Западной Европы: ее главный конкурент в лице США пообещал ориентирующимся на него режимам Центральной Америки во много раз бо́льшую сумму.

В целом можно сказать, что сколько-нибудь значительный, а главное — устойчивый политический капитал в Латинской Америке правительству социалистов приобрести не удалось, ибо прогрессистский запал идеологов «тьермондизма» с самого начала был подмочен антикоммунистическими задними мыслями, пропитанными заботой о «правильно понятых интересах Запада».

Глава IV.

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ДИАЛОГУ

Правительство социалистов во Франции появилось после длительного господства правых. Международная обстановка в этот период характеризовалась тем, что усилиями империалистических держав были поставлены под угрозу достижения разрядки. Мир переживал новую вспышку международной напряженности. Главную ответственность за это несли Соединенные Штаты, во главе которых встала агрессивно настроенная администрация Рейгана, вознамерившаяся сломать сложившееся равновесие сил, добиться военного превосходства Запада над миром социализма, безраздельного господства капиталистической системы в «третьем мире», восстановления неоспоримого лидерства США среди ведущих капиталистических стран, вовлечения их в «крестовый поход» против социалистического содружества. В недалеком прошлом сопротивление Франции такого рода гегемонистским устремлениям оказывало существенное влияние на международную обстановку, способствуя ее оздоровлению, разрядке, налаживанию взаимовыгодного сотрудничества между государствами, принадлежащими к двум противостоящим системам.

Такая политика отвечала национальным интересам Франции, делая ее весомым партнером для всех стран. Именно поэтому курс на разрядку и взаимовыгодное сотрудничество с Советским Союзом, предполагавший проявление политической воли к созданию атмосферы доверия и готовность учитывать интересы друг друга, стал одним из фундаментальных элементов внешней политики Франции в 60—70-х годах. В эти годы получили всестороннее развитие торгово-экономические, научно-технические, культурные связи между Францией и Советским Союзом, был создан и активно действовал механизм политического диалога.

Судя по первым выступлениям новых французских руководителей, можно было предполагать, что Франция будет придерживаться этой линии. Так, премьер-министр Моруа утверждал, что «политика Франции решительно ориентирована на поиск мира и разрядки», и выразил надежду на то, что «диалог между Францией и Советским Союзом сможет скоро обрести новый подъем в соответствии с традиционными отношениями дружбы между нашими двумя странами, которые уплатили тяжелую дань в последнем мировом конфликте». И президент Миттеран убеждал французов: «С Советским Союзом и другими странами Востока Европы Франция хочет поддерживать взаимовыгодные отношения, отвечающие истории и географии. Я не забываю старую и сильную дружбу, которая объединяет их народы с нашим. Я постараюсь, чтобы она была сохранена и, если надо, оживлена». Однако на деле сворачивался политический диалог на высшем уровне, вводились ограничения экономических и научно-технических отношений. Уже в сентябре 1981 г. Миттеран объявил: «В настоящий момент никакой разрядки нет». А в канун 1982 г. он вспомнил о Ялте... .

Против Ялты

История нередко вторгается в современность, оказывая существенное влияние на умонастроения людей. Вопрос в том, как с ней обращаются нынешние государственные и политические деятели, заявления которых существенным образом воздействуют на формирование общественного мнения. На Западе широкие слои населения обрабатываются таким образом, чтобы ссылками на «волю народа» можно было оправдывать противоправные действия на международной арене и военные приготовления. Именно ради этого в ход пускаются всякого рода «исторические» мифы, рассчитанные на короткую память обывателя: ему стараются внушить мысль о постоянстве угрозы так называемому «свободному миру», якобы исходящей от Советского Союза, от социалистического содружества, которым западные клеветники пытаются пришить потертые ярлыки «империи зла», «тоталитаризма» и т. п. Один из таких мифов — «раздел Европы», будто бы навязанный Советским Союзом сначала на Крымской конференции руководителей антигитлеровской коалиции в Ялте (4—12 февраля 1945 г.), а затем — силой советского оружия. На этом «основании» администрация Рейгана объявила о непризнании ею ны-

нешнего социально-политического статус-кво в Европе «ни законным, ни постоянным», тем самым открыто поставив перед Западом задачу социального реванша.

В Париже эту линию Вашингтона восприняли с особой готовностью. Когда Шульц в январе 1984 г. на открытии Стокгольмской конференции выдвинул тезис о «разделенной Европе», Шейсон сразу же отреагировал идентичным заявлением: «Мы не признаем законность раздела Европы на две части...» .

Понимание Ялты как символа раздела мира между США и СССР — это, по словам известного французского историка А. Гроссера, «самый стойкий, самый укоренившийся, самый распространенный миф французской политической жизни. Неважно, что ни один документ не оправдывает такую интерпретацию: Ялта останется во Франции символом мировой системы, в которой доминируют две сверхдержавы».

На неправомерность такой интерпретации указывала в канун 40-летия Крымской конференции газета «Монд». «Что касается раздела Европы, якобы осуществленного в Ялте, сегодня, когда воспоминания свидетелей, доступ к архивным документам и труды экспертов сделали переговоры на Крымской конференции столь же прозрачными, что и Венский конгресс, можно только удивляться тому, что мифическая версия продолжает находить приверженцев», — писала «Монд», совершенно справедливо резюмируя, что «...все дипломатическое здание, построенное в Ялте, свидетельствует, напротив, о твердом намерении сохранить в предстоящее мирное время солидарность военного времени. Речь шла отнюдь не о создании заповедных зон, а о стремлении устранить всяческую угрозу разделения между Востоком и Западом». Но, признав очевидное, газета «Монд» не удержалась от пропаганды не менее мифической версии «виновности» Советского Союза в «расколе» Европы после Ялты, выдвинув тезис: Сталин использовал военные победы «для вассализации» стран, где находилась Советская Армия, при полной поддержке русского народа, который, оказывается, «считает подчинение стран, называемых братскими, ценой за кровь, пролитую Россией». В общем, что в лоб, что по лбу: в Ялте или после Ялты, а виноват во всем Советский Союз! Буквально в следующем выпуске директор газеты Андре Фонтэн рассуждал о «надеждах» на «неплотность занавеса между Востоком и Западом Европы». Подобно Катону, который заканчивал свои выступления призывом

«Карфаген должен быть разрушен», французские буржуазные политологи с не меньшим постоянством твердят об уничтожении пресловутого «занавеса». Другими словами, независимо от того, удастся ли и дальше обманывать общественность мифом о Ялте или придется от него отказаться, цель социального реванша является подлинной подоплекой легенды о «разделе Европы» в Ялте и/или после Ялты. Антиялтинский миф оказался удобным средством, с помощью которого можно настраивать общественное мнение против Советского Союза и оправдывать попытки подкладывать мины под здание социалистического содружества.

Конечно, французский империализм и в домиттерановские времена не переставал питать иллюзии относительно возможности такого «преодоления» ялтинского статус-кво, которое привело бы к ослаблению социалистического содружества, но де Голлю, Помпиду, Жискар д'Эстэну было все же свойственно трезвое отношение к социально-политическим и территориальным реалиям в Европе. Стержнем их внешней политики было отстаивание независимости Франции и понимание того, что одним из важнейших условий обеспечения ее коренных национальных интересов является «разрядка, согласие и сотрудничество» с Советским Союзом.

Еще в период избирательной кампании Миттеран открыто заявил: «Любой западный европеец — патриот своей страны, может думать только об одном: разрушить Ялту. Многие признаки предвещают это. Но Ялту не преодолеть без кризиса. И мы уже находимся в состоянии кризиса». Миттеран имел в виду события в Польше, к которым и французские социалисты приложили свою руку. «Происходящее в Польше потрясает... Если поляки преуспеют, это откроет совершенно новую страницу в истории Восточной Европы... То, что может произойти в Польше, стало бы одним из великих политических событий послевоенного времени» — так разъяснял высказывания Миттерана Клод Шейсон в июне 1981 г., когда он был уже не функционером соцпартии, а министром внешних сношений. Премьер-министр Моруа 8 июля 1981 г. объявил о готовности помочь «польскому обновлению». «...В Польше сейчас происходит нечто захватывающее...» в том смысле, что делается «шаг к тому, чем мы являемся во Франции» — так говорил тот же Шейсон в октябре 1981 г., когда польская контрреволюция уже вовсю готовилась к свержению народной власти.

После провала этих планов в результате введения польским правительством в декабре 1981 г. военного положения и принятия необходимых мер пресечения преступной деятельности контрреволюции, безответственных элементов, западной агентуры официальный Париж не скрывал своего разочарования и активно включился в антипольские действия Запада, вдохновлявшиеся Вашингтоном. Всякого рода неправомерные требования в адрес Советского Союза в связи с положением в Польше прочно вошли в обойму выдвигавшихся Парижем предварительных условий улучшения франко-советских отношений. А Варшаве был выдвинут форменный ультиматум. Основной смысл его сводился к восстановлению «вольностей», которыми контрреволюция пользовалась до введения военного положения. Уже 4 января 1982 г. Шейсон, как и другие министры иностранных дел «десятки», собравшиеся в Брюсселе, потребовал от польского правительства отмены военного положения, освобождения арестованных заговорщиков и восстановления диалога с ними и католической церковью (кстати, с последней диалог и не прерывался). Эти требования французское правительство превратило в предварительные условия возобновления «более или менее тесных отношений с польским правительством» и настаивало на их выполнении до тех пор, пока они не превратились в полный нонсенс. На этой встрече было решено заморозить экономические и финансовые отношения с Польшей до отмены военного положения. Шейсон призвал партнеров к оказанию нажима на неприсоединившиеся государства с тем, чтобы восстановить и их против ПНР.

Одновременно французские руководители, попирая элементарные нормы международного права, присвоили себе «право» на открытое вмешательство в дела Польши, обрядившись в тогу «защитников» польского населения от его собственного правительства. Такого рода «защите» была посвящена целая речь, произнесенная 23 декабря 1981 г. в Национальном собрании премьер-министром Моруа, который не забыл походя охаять ялтинские соглашения. Из Парижа в Польшу двинулись грузовики с продовольствием, в которые подкладывалось все, что может быть полезным контрреволюции, вплоть до оружия. По данным МВД ПНР, транспорты с широко разрекламированной Западом «благотворительной помощью» превратились в постоянный канал связи между диверсионными центрами за рубежом и контрреволюционным

подпольем в Польше. Это в полной мере относилось и к Франции, где окопалась агентура этого подполья. Французское правительство возобновило, а затем значительно расширило свое радиовещание на Польшу, носившее открыто подстрекательский характер. Французские официальные представители буквально скандалили на Мадридской конференции, в международных организациях, пытаясь натравить на ПНР и СССР другие страны. Они надолго заблокировали процедуру переговоров о польских долгах. Миттеран лично одобрил антипольское телевизионное шоу Рейгана в январе 1982 г., назвав его «хорошей инициативой». Французское правительство поощряло устройство таких шоу и всякого рода антипольских манифестаций у себя, настраивая французское общественное мнение против Варшавы и Москвы. Как явствовало из заявления премьер-министра Моруа в Национальном собрании 28 января 1982 г., в Париже считали, что в антипольском рвении «никакое западное правительство не проявило большей решимости», чем правительство Франции.

Отмена в июле 1983 г. военного положения в Польше не побудила Париж сменить гнев на милость: там все еще надеялись на успех подрывных действий антисоциалистических элементов. Надеялись и продолжали оказывать нажим, вмешиваться во внутренние дела, диктовать свои условия. «Боюсь, что Польша станет политическим Дьенбьенфу для нынешней французской администрации, если только Париж вовремя не одумается». Это предостережение Войцеха Ярузельского, казалось бы, возымело свое действие. В феврале—марте 1984 г. состоялся обмен парламентскими делегациями. «Фигаро» писала: «Франция признала фиаско своей польской политики» и пошла на возобновление диалога. Варшавскому корреспонденту этой газеты Бернару Маргериту даже показалось, что наступил «решающий поворот». Другие французские газеты заговорили об «оттепели» во франко-польских отношениях. Но за этим первым шагом ничего не последовало. Французские руководители продолжали подвергать клеветническим нападкам действия польского правительства и советскую политику в отношении Польши и восхвалять провокационные выходки контрреволюционного подполья.

Подчеркивая ответственность французских правящих кругов за регресс во всех областях франко-польских отношений, Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель

Совета Министров ПНР В. Ярузельский в интервью газете «Юманите» 4 июня 1985 г. резко осудил «враждебные жесты» французской стороны в адрес народной Польши: «Голос официального Парижа в антипольском хоре звучит особенно фальшиво. И нам трудно понять, чем вызваны эти враждебные вопли, эти атаки, предпринимаемые с упрямством, достойным лучшего применения».

Затевая антипольскую кампанию, французские руководители вспомнили о Ялте и буквально взахлеб начали поносить ее, умышленно игнорируя подлинный смысл решений Крымской конференции и действительный ход послевоенного развития в Европе.

В новогоднем послании 31 декабря 1981 г. Миттеран заявил: «Все, что позволит выйти из Ялты, будет хорошо...» Правда, с оговоркой: «при условии никогда не путать желания, которые мы испытываем, с нынешней реальностью». Однако реализацию этих желаний он через некоторое время объявил «политической целью, которая будет достигнута со временем» (интервью японскому телевидению 8 апреля 1982 г.).

Одним из наиболее распространенных на Западе способов борьбы с «ялтинской системой» является так называемый «осторожный диверсифицированный подход» к социалистическим странам — в соответствии с версальской декларацией «большой семерки» от 6 июня 1982 г.

Руководитель международного отдела СП Хунцингер открыто признавал, что под «выходом из Ялты» французские социалисты понимают появление «национальных коммунизмов», что им нужны «социальные изменения на Востоке», разумеется, «в рамках сохранения мира». «Таков смысл деятельности социалистической партии в отношении Польши», — писал Хунцингер в тот момент, когда в Париже еще надеялись на успех польской контрреволюции. А когда этот расчет не оправдался, не только партийные бонзы СП, но и отдельные члены правительства вновь заговорили о необходимости «поиска контактов, человеческих контактов.., поощрения независимых элементов» и в Польше, и в других странах Восточной Европы. Именно такого рода контакты с Восточной Европой были объявлены Шейсоном «одним из важнейших элементов» французской политики «отбрасывания тоталитаризма».

Тезис о «разделенной Европе» занял значительное

место в речи Миттерана на сессии Генеральной Ассамблеи 28 сентября 1983 г. «Никакой подлинный европеец, — сказал он, — не откажется от того, чтобы стереть последствия этого разделения, вновь завязать разорванные узы, преодолеть ситуацию, вытекающую из Ялты». Именно этой целью Франция, по словам ее президента, руководствовалась на Мадридской конференции государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В таком же духе она собиралась действовать и на Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе. В передаче «Час истины» телепрограммы «Антенн-2» 16 ноября 1983 г. Миттеран призвал к тщательной подготовке «выхода из ялтинского раздела», увязав эту подготовку с военно-политической интеграцией Западной Европы, которая позволит думать «о дополнительных стратегиях». Не приходится сомневаться в том, что под этим преодолением понимается отнюдь не роспуск замкнутых группировок.

То же самое явствует и из рассуждений Шейсона. «Преодоление Ялты» есть «долгосрочная цель, которая должна быть достигнута в условиях мира путем умножения взаимовыгодных отношений между Западной и Восточной Европой», — заверял Шейсон в сентябре 1984 г. Хороши «взаимовыгодные отношения» с задней мыслью «отбрасывания» социализма! А в Национальном собрании в ноябре 1984 г. он сделал удивительное открытие. Оказывается, народы Европы «история в течение веков объединяла», как будто не было столетней, тридцатилетней, семилетней войны, войн за испанское наследство, войн наполеоновских, франко-германских, первой и второй мировых войн, наконец, не говоря уже о многочисленных вооруженных конфликтах между феодальными, а затем буржуазными государствами Европы. А вот «последние 40 лет» народы Европы «разделены», сетовал Шейсон, имея в виду отнюдь не создание Западноевропейского союза и НАТО, действительно расколовшее Европу на противостоящие военно-политические блоки, а появление в Европе содружества социалистических государств.

«Не надо обладать особым политическим зрением, чтобы видеть, как империализм в последние годы усилил подрывную работу и координирует свои действия против социалистических государств. Это распространяется на все сферы — политическую, экономическую, идеологиче-

скую и военную. В документах братских партий не раз подчеркивалось, что империализм пытается осуществить социальный реванш по самому широкому фронту», и прежде всего — в отношении социалистического содружества, отмечал М. С. Горбачев на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. Именно таков смысл попыток разделаться с Ялтой, и Франции социалистов в этих попытках, как мы видим, принадлежало не последнее место.

Нагнетание антисоветизма

При трех предшественниках Миттерана на посту президента франко-советские отношения, в том числе политические, рассматривались в Париже как один из фундаментальных элементов независимости Франции, безопасность которой покоилась на самостоятельной военной политике и на политике разрядки, согласия и сотрудничества с Советским Союзом. Эти отношения были оформлены целым рядом политических и юридических двусторонних документов. Заложенные в них принципы послужили своего рода образцом для организации двустороннего политического сотрудничества между СССР и другими капиталистическими странами и получили развитие в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном 1 августа 1975 г. в Хельсинки. Несмотря на обострение международной обстановки, вызванное ростом агрессивности империалистических сил во главе с США, французские правящие круги, не нарушая классовой солидарности со своим американским союзником, по-прежнему отвергали беспрекословное равнение на него, выступали за стабилизацию международных отношений, стояли на позиции поддержания политического диалога с СССР на всех уровнях, включая самый высокий.

Именно этот аспект внешней политики Жискар д'Эстэна был избран Миттераном в качестве одной из мишеней, пальбой по которым он рассчитывал заработать очки в борьбе за президентский пост. Став президентом Франции, Миттеран пошел по пути логического развития этой своей линии, что теснейшим образом сочеталось с приданием внешней политике более проатлантической ориентации, особенно в вопросах войны и мира, в борьбе против социалистического содружества, в навязывании

западных порядков развивающимся странам. «Официальная Франция, — отмечал в 1984 г. политический директор «Юманите», член Политбюро ЦК ФКП Ролан Леруа, — примкнула к контрнаступлению империализма, который уклоняется от мирного сосуществования».

С самого начала функционирования «новой власти» в отношении Советского Союза был провозглашен курс на жесткость в политических вопросах с подчеркиванием готовности сохранить сложившиеся связи в сфере материальной, прежде всего — в области торговли. Но и эти последние были ограничены правилами, которые при непосредственном участии Франции разрабатывались в КОКОМ, на совещаниях в НАТО, ЕЭС, ОЭСР, на форумах «семерки» ведущих капиталистических стран (запреты на продажу так называемых «стратегических товаров», особенно передовой технологии, сокращение научно-технического сотрудничества, удорожание экспортного кредита).

С приходом Миттерана в Елисейский дворец снизился уровень франко-советского политического диалога. «Мы не можем иметь с Советским Союзом такие же отношения, как если бы в Афганистане не было советских войск», — заявил Шейсон уже в июне 1981 г., выдвинув таким образом первое «обоснование» сокращения политических контактов между Францией и СССР. В последующем он к нему добавил события в Польше, приписав Советскому Союзу некое «внешнее давление», и советскую «сверхвооруженность», якобы нарушившую военно-стратегическое равновесие в Европе. Постепенно сложилась триада предварительных условий нормализации франко-советских отношений: вывод советских войск из Афганистана без прекращения необъявленной войны против этой страны, стимулируемой Западом во главе с США; предоставление свободы рук контрреволюции в Польше; устранение советской «сверхвооруженности» в Европе, т. е. одностороннее ядерное разоружение СССР при сохранении американских средств передового базирования и ядерных арсеналов Франции и Англии. «Мы не рвали политических отношений с Советским Союзом, я хотел бы даже их улучшить, но не ценой ряда принципов. Я не принимаю, я не забываю ни об Афганистане, ни о Польше. Я не прощаю (?!) советской сверхвооруженности в Европе», — объявил Миттеран на пресс-конференции 9 июня 1982 г. Процитировав миттерановскую триаду претензий к СССР, Шейсон в выступлении по ра-

дио 25 сентября 1982 г. дал понять, что невыполнение французских требований не позволяет Парижу иметь «нормальные политические отношения» с Москвой.

Все это повторялось до конца 1984 г. с нюансами и вариациями в разъяснениях, которые пришлось давать ввиду того, что снижение уровня политического диалога с Советским Союзом не отвечало национальным интересам Франции и не вызывало энтузиазма у французов. С этим не могли согласиться коммунисты. Аргументированной критике подвергли правительство голлисты. Диалог с СССР был для де Голля необходимым условием относительной независимости Западной Европы и ее способности играть собственную роль в международных делах, напоминал Поль-Мари де ля Горс, настаивая на том, что этот диалог надо восстановить. Морис Кув де Мюрвиль выразил сожаление по поводу того, что Франция оказалась «единственной крупной западной страной, предающей анафеме прямые контакты на высоком уровне с Советским Союзом». «Капитальная ошибка Миттерана» заключается в том, что он «ушел с уровня великих держав», на который Францию вывел де Голль, отмечал в декабре 1983 г. в этой связи Валери Жискар д'Эстэн.

Политическое равнение на США и антисоветизм не дали тех результатов, на которые рассчитывал Миттеран, ибо Вашингтон не желал платить за это сколько-нибудь существенными шагами навстречу европейским союзникам в вопросах, которые ставит перед ними экономический кризис. Французские руководители постепенно подходили к пониманию бесперспективности такой политики. Неразрешимость межимпериалистических противоречий и объективная необходимость поиска средств защиты французских интересов прежде всего от американских претендентов на руководство Западом толкали Миттерана к оказанию сопротивления США в экономической области, к попыткам повести за собой в этом деле западноевропейскую «десятку», к отмежеванию от наиболее одиозных акций США в «третьем мире».

Не могла Франция пренебрегать и возможностями, которые предоставляют ей связи с Советским Союзом. И наши рынки ей нужны. И наше сырье, в том числе природный газ. Отсюда уже отмеченное нами сопротивление, оказанное Францией американскому нажиму в вопросе об уренгойском газопроводе. Отсюда и отказ от поддержки американской линии на объявление экономических санкций против Советского Союза. «...Мы от-

вергаем любую форму эмбарго или блокады Советского Союза», — говорил Миттеран летом 1982 г. «Мы нуждаемся в контракте «газ — трубы».., он есть один из элементов нашей энергетической независимости», — разъяснял позицию президента депутатам Национального собрания Шейсон, настаивая на необходимости экономических связей с СССР и недопустимости «торговой войны» против него, ибо она ударила бы «по нашим собственным интересам, по нашим собственным безработным». «Мы не верим в эффективность политики санкций», — убеждал он же читателей американской газеты «Лос-Анджелес таймс», подчеркивая, что на Советский Союз эта политика сколько-нибудь существенного влияния оказать не в состоянии, тем более что его экономический обмен с Западом составляет ничтожную часть его внутреннего валового продукта и первыми жертвами будут те, кто «потрясает экономическим оружием».

Выдвигая недопустимые в отношениях между суверенными государствами предварительные условия нормализации франко-советского политического диалога, Миттеран и его министры не сжигали мостов, необходимых для поддержания этого диалога и его оживления в будущем, а заодно пытались снять с себя ответственность за ухудшение климата, в котором продолжался этот диалог. Вот почему наряду с триадой претензий к СССР постоянно подчеркивались дружеские чувства к русскому народу, иногда — приверженность сотрудничеству между двумя странами, особенно готовность к нормальным, взаимовыгодным экономическим, торговым, техническим связям и якобы неизменность стремления Парижа к тому, чтобы «и политический диалог можно было вести в таком же стиле». «С СССР мы желаем отношений тесных и теплых, насколько это возможно», — утверждал Шейсон, делая вид, будто препятствия нагромождает не Париж, а Москва.

«Экономическую войну» французские руководители отвергали, но открыто шли на сотрудничество с США ради того, «чтобы сдерживать амбиции СССР, противостоять его движению вперед», как заявил сам Миттеран в интервью, опубликованном газетой «Вашингтон пост» 15 июня 1982 г. В результате такого сдерживания к началу 1982 г. оборот советско-французской торговли сократился, по признанию министра внешних сношений, на 30%.

КОКОМ разрабатывал ограничительные меры, осуществление которых наносило ущерб не только торговле, но и научно-техническому сотрудничеству между Францией и СССР. На версальской встрече «семерки» (июнь 1982 г.) французский президент ратовал за такое «восстановление» диалога Восток — Запад, при котором Запад мог бы его вести «с позиции силы». В Париже решили, что «проявление твердости» — лучший способ развития политических отношений с Советским Союзом, и, заверяя на словах в своей заинтересованности в диалоге, не останавливались перед грубыми провокациями.

Так, в мае 1982 г. министр внешних сношений, выступая в Национальном собрании, счел нужным подтвердить позицию всех предшествовавших правительств (а фактически и всех стран НАТО) не признавать вступление трех прибалтийских республик в состав СССР.

Взяв в свои руки государственный аппарат, социалисты посчитали, что французские разведывательные службы плохо работают против социалистических стран. В итоге главному управлению внешней безопасности было поручено разместить не менее сотни агентов на востоке Европы. Одновременно началась кампания по запугиванию французов «русскими шпионами». За это взялся друг и соратник президента министр внутренних дел Деффер, который обвинил социалистические страны в том, что они «практикуют шпионаж» и даже... «хотят атаковать» французский режим, применяя «террористические методы». Такого рода заявления наряду с другими публичными обвинениями в адрес Советского Союза, а также грубыми выпадами против общественно-политического строя социалистических стран и настойчивыми попытками взять под свою защиту нарушителей законности в этих странах подхватывались средствами массовой информации, включая контролируемые государством радио и телевидение, которые настойчиво обрабатывали французское общественное мнение в антикоммунистическом духе, отравляя атмосферу франко-советских отношений. А редкие в тот период совместные с Советским Союзом дела, даже явно выгодные Франции, не доводились должным образом до сведения широкой общественности. Наиболее разительным примером в этом плане может служить возвращение на родину Героя Советского Союза Жан-Лу Кретьена после его успешного участия в полете на космическом корабле «Союз Т-6» и в работе на орбитальной станции «Салют-7» вместе с советскими

космонавтами. Президент Миттеран направил Кретьену поздравительную телеграмму, а в парижском аэропорту первого французского космонавта и его дублера встречали только близкие родственники и представители советского посольства. Париж явно не хотел придавать совместному полету политического звучания, сводя его к чисто техническому эксперименту.

Тем не менее осознание необходимости корректировки курса в отношении Советского Союза и других социалистических стран постепенно пробивало себе дорогу через частокол предубеждений и предвзятых оценок. Этому в первую очередь способствовала принципиальная, последовательная и твердая линия Советского правительства на сохранение всего положительного, что было достигнуто за годы сотрудничества с Францией, которое играло роль одного из важнейших факторов разрядки в Европе. Советская сторона делала все необходимое не только для поддержания торговых, научно-технических и культурных связей, но и для продолжения политического диалога на всех возможных уровнях. А. А. Громыко регулярно встречался с французским министром внешних сношений во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Более или менее нормально функционировал механизм двусторонних консультаций между дипломатическими ведомствами обеих стран по широкому кругу международных проблем. Активные рабочие контакты с французским государственным руководством, с представителями общественно-политических и деловых кругов Франции, с деятелями культуры и дипломатами поддерживало советское посольство в Париже во главе с С. В. Червоненко. Когда в январе 1983 г. Миттеран констатировал, что франко-советские отношения никогда не прерывались и что нет никаких помех и для его собственных контактов с советскими руководителями, у него были к тому все основания: советская сторона действительно никогда не закрывала двери для всесторонних связей с Францией. Заявление французского президента, казалось бы, предвещало новые перспективы, тем более что, по его словам, и Франция — за переговоры с Советским Союзом «и чем скорее, тем лучше».

И действительно, 1983 год начался неплохо. В январе в Париже состоялась XVII сессия постоянно действующей смешанной советско-французской комиссии («большой комиссии»), в ходе которой была согласована новая долгосрочная программа углубления сотрудничества

между двумя странами в области науки и техники на 1983—1993 гг. Комиссия утвердила мероприятия на 1983—1985 гг. по выполнению программы экономического, промышленного и технического сотрудничества между СССР и Францией на период 1980—1990 гг. Президент Миттеран и премьер-министр Моруа приняли заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя ГКНТ СССР Г. И. Марчука, возглавлявшего советскую делегацию. В ходе состоявшихся бесед было подчеркнуто, что расширение взаимовыгодных советско-французских связей является существенным элементом укрепления мира в Европе. Французская пресса отмечала добрую волю советской стороны, ее готовность принять меры к тому, чтобы торговый обмен между двумя странами носил более уравновешенный характер.

В конце января в Париже под эгидой Ассоциации Франция — СССР успешно прошел франко-советский коллоквиум, посвященный вопросам двусторонних отношений между Францией и Советским Союзом. Приветственные послания в адрес коллоквиума направили премьер-министр Моруа, министр внешней торговли Жобер, министр внешних сношений Шейсон. Ряд видных представителей государственной администрации приняли участие в его работе. Обсуждение носило конструктивный характер, показав, что существуют хорошие, реальные возможности развития и совершенствования советско-французского сотрудничества. Принимая 3 февраля верительные грамоты у нового советского посла, президент говорил о давней дружбе между французским и советским народами, подчеркивал «особое значение» отношений между Францией и СССР.

С 16 по 21 февраля 1983 г. в Москве находился Клод Шейсон. Это был его первый (и единственный) официальный визит в СССР в качестве министра внешних сношений. В ходе переговоров обсуждалась обстановка в Европе, на Ближнем Востоке, в Юго-Западной и Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке. Особое внимание стороны уделили проблеме ограничения ядерных вооружений средней дальности. Это было тем более важно, что Москва и Париж придерживались по этому вопросу далеко не идентичных позиций, как, впрочем, и в отношении ряда других острых ситуаций, созданных и создаваемых конфронтационной линией Запада. Кое в чем был найден общий язык, например в подходе к общеевропейскому процессу, и прежде всего к такому

его конкретному проявлению, как мадридская встреча: обе стороны высказались за ее успешное завершение.

В ходе этих переговоров отмечалось то важное значение, которое в Советском Союзе придают согласованности действий с Францией в пользу разрядки и мира прежде всего в Европе, подчеркивалась готовность Советского Союза делать все от него зависящее для расширения сотрудничества с Францией, включая дальнейшее развитие политических контактов и диалога в духе традиционных добрых отношений между народами обеих стран.

На Шейсона беседы в Москве произвели большое впечатление. Он заявил журналистам, что состоявшиеся переговоры носили углубленный характер, что он увидел в них «символ советской воли иметь с Францией конструктивный диалог» и пришел к выводу о необходимости «размышлять вместе с Советским Союзом, на котором лежит мировая ответственность», о мировых проблемах. Он еще раз убедился в том, что с Советским Союзом можно и нужно обсуждать все искренне, излагая «свои подлинные мысли». «И мы, французы, хотим обсуждать все с Советским Союзом. Нам это кажется важным для дела мира».

Казалось бы, лед тронулся...

Но не прошло и месяца, как тот же Шейсон заговорил о том, что США должны «оборонять» Западную Европу «от советской агрессии» и продолжать занимать «твердую позицию» в вопросе о «евроракетах», не поддаваясь давлению общественности. Он активно поддержал выдвинутые Вашингтоном в адрес СССР и Вьетнама клеветнические обвинения в том, что они будто бы применяют химическое оружие в Афганистане и Кампучии.

5 апреля 1983 г. около 50 работников советских учреждений во Франции были вынуждены покинуть Париж по требованию французских властей. Согласно опубликованному коммюнике МВД Франции, им вменялось в вину участие в систематическом поиске научной, технической и технологической информации, особенно в военной области. Никаких доказательств этого обвинения, естественно, приведено не было, ибо таковыми французские спецслужбы не располагали. Министерство внешних сношений опубликовало коммюнике, из которого явствовало, что французское правительство, оказывается, «не предполагает, что принятые меры наносят ущерб дальнейшему развитию отношений между Францией и Советским Сою-

зом. И, следовательно, за возможные негативные последствия Франция не отвечает». Чего здесь было больше: цинизма, безответственности или лицемерия? «При первом же прочтении это заявление не может не вызвать улыбки, — иронизировала газета «Монд». — Разве можно представить себе, что франко-советские отношения не пострадают от беспрецедентной меры, от решения, подобного которому не принималось даже в самые мрачные времена холодной войны», «Совершенно очевидно, — писала в этой связи «Юманите», — что данное решение грозит серьезным образом ухудшить климат отношений между двумя странами во всех сферах». Председатель коммунистической фракции Национального собрания А. Лажуани подчеркивал, что «в подобных вопросах следует руководствоваться чувством ответственности, ибо развитие франко-советского сотрудничества отвечает интересам Франции. Не в наших интересах и то, чтобы возобновилась холодная война и напряженность между Востоком и Западом».

Акция французских властей против советских учреждений во Франции послужила сигналом к разнузданной антисоветской кампании, принявшей откровенно подстрекательский характер. Публиковались всякого рода домыслы. Искусственно создавалась обстановка подозрительности и недружелюбия в отношении советских людей, продолжавших работать во Франции. Шпиономания официальных кругов дошла до того, что управление надзора за территорией, подведомственное МВД, предписало ряду французских ученых и преподавателей высших учебных заведений воздерживаться от контактов с советскими представителями. Дело дошло до диверсии против генерального консульства СССР в Марселе, на которое было совершено бандитское нападение с применением огнестрельного оружия. По признанию французской печати, официальные круги не принимали никаких мер для пресечения антисоветской кампании. Более того, государственное радио и телевидение своими беспардонными клеветническими комментариями подливали масло в огонь.

Франко-советские отношения оказались перед реальной угрозой свертывания. На рабочей встрече делегаций комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции и обеих палат Верховного Совета СССР в Париже 28 июня 1983 г. секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин отметил, что «в целом ряде аспектов политических

отношений с французской стороны осуществляется определенный демонтаж существовавших связей». Но Советский Союз «не будет участником и тем более инициатором разрушения того, что достигнуто совместными усилиями наших стран и народов в деле разрядки и укрепления безопасности».

Политический импульс для занятия именно такой принципиальной позиции был дан Ю. В. Андроповым, который, подчеркнув, что за «грубой провокационной выходкой против советских людей» стоят враждебные советско-французскому сотрудничеству силы, находящиеся не только в самой Франции, но и за ее пределами, подтвердил стремление советского руководства не допустить ухудшения отношений между двумя странами.

Сессия Верховного Совета СССР в июне 1983 г. напомнила о четком, принципиальном курсе Советского Союза на последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем и — в рамках этого курса — о его готовности поддерживать «хорошие отношения, плодотворное сотрудничество с Францией, с которой на взаимной основе было сделано немало добрых дел в интересах мира и сотрудничества государств в Европе...».

Признаки разрядки

Советская позиция постепенно начала приносить свои добрые плоды. Нет, разумеется, нельзя было ожидать, что Париж так сразу и откажется от своего проатлантического курса, от блокирования с США и другими союзниками по НАТО на международных форумах, интервенционизма в «третьем мире», от лозунга «преодоления Ялты» и попыток вмешательства во внутренние дела социалистических стран под всякого рода фальшивыми предлогами, создаваемыми путем демагогического извращения самого понятия прав человека, от повседневной антисоветской пропаганды через средства массовой информации. Но осознания бесперспективности систематического твердолобого антисоветизма в государственной политике и его несоответствия правильно понятому национальному интересу ждать все же было можно, тем более что практически никаких — ни политических, ни экономических — дивидендов Франция на этом так и не заработала.

Существенное значение имело и то, что демонтаж политических отношений с Советским Союзом не устраивал очень многих во Франции. Высылка группы советских людей продемонстрировала не только политическую ослепленность тех, кто ее затеял. Она показала, что во Франции у Советского Союза немало друзей, которые не побоялись угроз и открыто — выступлениями в прогрессивной печати, письмами, телеграммами, телефонными звонками — высказались за дружбу и сотрудничество между Францией и Советским Союзом. Национальный комитет Общества Франция — СССР, в которое входят люди самых различных политических воззрений, осудил «кампанию инсинуаций и недоброжелательности, развернутую некоторыми органами печати, радио и телевидением», и заявил, что Общество продолжит свою деятельность, направленную на развитие франко-советского сотрудничества.

Отнюдь не собирались отказываться от своих выгодных связей с СССР французские деловые круги. В мае 1983 г. состоялась очередная ассамблея Франко-советской торговой палаты, в ходе которой ее президент Р. Нюнжессер и посол Франции в СССР К. Арно подтвердили стремление французских промышленников и коммерсантов углублять торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом.

В июне—июле 1983 г. во время визита во Францию делегации комиссий по иностранным делам обеих палат Верховного Совета СССР французские парламентарии высказались за продолжение франко-советского политического диалога и укрепление разностороннего сотрудничества между двумя странами. В июле Советский Союз посетила представительная делегация группы франко-советской дружбы сената, которая тоже продемонстрировала заинтересованность в укреплении сотрудничества между Францией и СССР. Значительным событием в отношениях между двумя странами явилась встреча в Москве в июле 1983 г. делегаций ФКП и КПСС во главе с товарищами Ж. Марше и Ю. В. Андроповым. Политбюро ЦК КПСС с удовлетворением отметило совпадение мнений обеих партий относительно того, что «интересы советского и французского народов, а также дело мира и безопасности в Европе и во всем мире требуют согласия, дружбы и сотрудничества между СССР и Францией, между народами наших стран». «И каждый день мы убеждаемся в том, что не должны

полагаться только на правительство Франции, каким бы оно ни было, и на одни лишь достоинства дипломатии, когда речь идет о необходимости проявить инициативу для более динамичного развития сотрудничества с СССР». Эти слова члена Политбюро ЦК ФКП Ролана Леруа очень точно отражают значение позиции французской общественности, особенно демократической, прогрессивной ее части, для сохранения добрых традиций франко-советских отношений, сложившихся за 60 с лишним лет. Активность этой части общественности тем более необходима, что антисоветчики не сидят сложа руки и используют любую возможность, любой предлог для новых и новых атак на Советский Союз, социалистическое содружество, стремясь подорвать сотрудничество между СССР и Францией.

Инцидент с южнокорейским «Боингом-747», вторгшимся в ночь на 1 сентября 1983 г. в воздушное пространство Советского Союза над Камчаткой, а затем Сахалином с провокационно-шпионской миссией, убедительно доказанной впоследствии и советскими, и зарубежными специалистами и не отрицавшейся даже тогда, в сентябре 1983 г., некоторыми французскими наблюдателями, о чем писали «Журналь де диманш», «Юманите», «Либерасьон», послужил поводом для вспышки очередной истерической антисоветской кампании, в которую не замедлили включиться и высокопоставленные представители правительства. Не разобравшись, в чем дело, не дожидаясь результатов расследования, прямо с подачи американских организаторов этой провокации, стоившей жизни ни в чем не повинным пассажирам самолета-нарушителя, французские государственные деятели поспешили высказать свое «гневное возмущение» и нагромоздить кучу клеветнических обвинений в адрес Советского Союза. Но у них все же хватило мужества не поддаться американскому нажиму, отвергнуть политику «санкций» и не присоединиться к объявленному Соединенными Штатами бойкоту авиасообщения с СССР.

Разрядке в советско-французских отношениях, несомненно, способствовало успешное завершение 9 сентября 1983 г. мадридской встречи представителей 35 государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Форум в испанской столице, открывшийся 11 ноября 1980 г., проходил на первых своих этапах в обстановке конфронтации, навязанной Соединенными Штатами и рядом их союзников по НАТО,

включая Францию, которые пытались превратить эту встречу в орудие «психологической войны» и прямого вмешательства во внутренние дела социалистических стран.

Но в позициях стран НАТО полного единства все же не было. Интересы Западной Европы отнюдь не совпадали с интересами США, и далеко не все были согласны с систематическим переносом идеологических противоречий на межгосударственные отношения. Западноевропейские страны хотели продолжать политический диалог с Восточной Европой, сохранить возможности преодоления напряженности, возникшей по их собственной вине на рубеже 80-х годов. Под воздействием конструктивной позиции нейтральных и неприсоединившихся стран и особенно инициатив Советского Союза и других стран социалистического содружества в Западной Европе постепенно нарастали настроения в пользу нахождения взаимоприемлемых решений и положительного исхода мадридской встречи, что вынудило и США менять позицию, дабы не остаться в одиночестве. «Результаты мадридского форума, — писал один из его участников Ю. Н. Рахманинов, — отражены в сбалансированном и содержательном итоговом документе, который зафиксировал конкретные договоренности, призванные содействовать продвижению межгосударственных отношений во всех областях, охватываемых хельсинкским Заключительным актом, способствовать оздоровлению положения в Европе, переживающей ответственный и тревожный период».

Итоговый документ мадридской встречи подчеркнул высокое политическое значение общеевропейского процесса, начатого в Хельсинки, убедительно опровергнув попытки изобразить дело таким образом, будто бы политика разрядки — пройденный этап. В нем зафиксирована договоренность о закреплении десяти принципов, изложенных в Заключительном акте, в законодательстве каждой страны (по примеру Советского Союза, который первым включил их в свою конституцию), намечена целая программа мероприятий, призванных активизировать межгосударственное сотрудничество в самых различных областях жизнедеятельности стран-участниц, сформулирован мандат Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе и определены место и время начала ее первого этапа: Стокгольм, 17 января 1984 г.

Выступая на заключительном заседании мадридского форума, А. А. Громыко сказал: «Положительный исход мадридской встречи — заметное достижение той линии в международных делах, которая направлена на диалог и взаимопонимание, на урегулирование проблем за столом переговоров... Итоги мадридской встречи еще раз подтвердили, что резервы политики разрядки далеко не исчерпаны. Согласованные в Мадриде конкретные шаги могут содействовать ее динамичному продолжению и развитию».

Из Мадрида А. А. Громыко по приглашению французского правительства прибыл в Париж с рабочим визитом. 9 сентября он был принят президентом Миттераном, имел обстоятельную беседу с премьер-министром Моруа, провел переговоры с министром внешних сношений Шейсоном. Визит длился всего один день, но обмен мнениями, затянувшийся далеко за полночь, превратился в многочасовой дипломатический марафон, носивший конструктивный, деловой характер. С советской стороны были высказаны принципиальные соображения по целому ряду актуальных вопросов международной обстановки, включая самые острые ее аспекты, привлечено внимание французских собеседников к советским инициативам, направленным на обуздание гонки вооружений, на смягчение международной напряженности и сохранение мира. В беседе с Миттераном А. А. Громыко высказал убеждение, что вес и влияние Франции в Европе и в мире дают ей возможность активно действовать в пользу ослабления угрозы ядерной конфронтации в Европе. Он указал на возможность совместных усилий СССР и Франции для возвращения международных отношений в русло разрядки, мирного урегулирования конфликтных ситуаций, упрочения всеобщего мира. Была подчеркнута необходимость взаимовыгодного сотрудничества, и прежде всего политического диалога, между СССР и Францией, в том числе на самом высоком уровне. С премьер-министром Моруа обсуждались в основном конкретные вопросы двусторонних отношений с акцентом на развитие торгово-экономических связей между двумя странами. Широкий веер международных проблем был предметом переговоров с Шейсоном, который, как и президент и премьер-министр, отстаивал французский подход к положению в мире и его отдельных регионах, далеко не всегда и во всем совпадающий или хотя бы приближающийся к советскому подходу, хотя

кое в чем стороны нашли общий язык. Но главное состояло в том, что встречи с французскими руководителями прошли по-деловому и характеризовались обоюдным стремлением искать точки взаимопонимания.

В октябре 1983 г. Смешанная советско-французская комиссия по научно-техническому и экономическому сотрудничеству («малая комиссия») провела свою очередную сессию в Париже в конструктивной обстановке. Стороны с удовлетворением отметили рост торговли и успешное развитие сотрудничества в таких областях, как сельское хозяйство, медицина, энергетика, исследования Мирового океана, вычислительная техника и электроника, химия. Был намечен целый ряд мероприятий по углублению и расширению экономического, промышленного, научного и технического сотрудничества на ближайшие годы.

Уже в следующем месяце Советский Союз посетила делегация французского делового мира во главе с председателем Национального совета французских предпринимателей И. Гаттазом. В конце ноября в Москве состоялась XVIII сессия «большой комиссии». Она рассмотрела широкий круг вопросов советско-французского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества и ход реализации соответствующих долгосрочных соглашений. Обсуждались, в частности, возможности участия французских фирм в реконструкции и модернизации действующих предприятий в СССР, расширения деловых связей в области агропромышленного комплекса, более тесной увязки научно-технического сотрудничества с промышленно-экономическим. Министра внешней торговли и туризма Франции Эдит Крессон принимали советские руководители, которые, отмечая важность диалога между СССР и Францией в ответственные моменты развития международной обстановки, подчеркивали, что, несмотря на известное различие во взглядах, этот диалог может сыграть большую роль в обеспечении всеобщего мира и безопасности народов, в укреплении доверия между всеми странами в Европе. В этой связи было заявлено, что линия на всестороннее развитие связей с Францией является принципиальным курсом Советского Союза.

Позитивные нотки стали усиливаться в этот период и в высказываниях французских руководителей, особенно Миттерана. В своем поздравлении по случаю 66-й годовщины Великой Октябрьской социалистической рево-

люции французский президент писал: «Связывающие наши народы дружба и уважение побуждают Францию к развитию отношений с Советским Союзом во всех областях. Убежден, что такое развитие, основанное на взаимном уважении, отвечает интересам обеих стран. В нынешней обстановке в мире существенно важно также, чтобы такие великие державы, как Советский Союз и Франция, продолжали диалог, полезный для дела мира».

Находясь в Белграде 16 декабря 1983 г., Миттеран заявил: «Своей свободой мы обязаны в первую очередь советскому народу», подчеркнув тем самым решающий вклад СССР в разгром гитлеризма. «Есть то, — говорил он, — что мы должны принимать, сохранять и развивать ради мира в мире и, в частности, ради гармонии в Европе путем диалога между Советским Союзом и Францией, и есть то, что мы должны отвергать во имя интересов Европы». Судя по его словам, сказанным накануне, он отвергает «логику блоков и конфронтаций» и желает, чтобы все было пущено в ход ради «восстановления в Европе шансов полезного диалога». Даже правая «Котидьен де Пари» увидела в заявлениях президента в Белграде «дипломатический шаг в сторону СССР».

В Париже заговорили об оттепели во франко-советских отношениях. «Десятка» сняла ограничения с импорта советских товаров (введенные в 1982 г. под предлогом реакции на события в Польше). С 1 января 1984 г. во Францию начали поступать первые кубометры уренгойского газа. Появились сообщения о вероятности того, что Миттеран скоро отправится в Москву. Согласие А. А. Громыко встретиться с Шейсоном в Стокгольме накануне открытия Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе французы расценили как свидетельство особого интереса Москвы к Франции. Агентство Франс Пресс подчеркивало: «В Париже видят в этом... молчаливое признание особого места Франции на шахматной доске европейской политики».

Эта встреча состоялась 16 января 1984 г. Министры обсудили ключевые проблемы международного положения и некоторые вопросы советско-французских отношений. А. А. Громыко и К. Шейсон подтвердили заинтересованность в продолжении политического диалога между Францией и Советским Союзом, в укреплении мира и стабильности в Европе. Оба министра отметили важ-

ность Стокгольмской конференции, а также высказались за необходимость ликвидации очагов напряженности и вооруженных конфликтов в различных точках планеты путем переговоров. На пресс-конференции в Стокгольме 17 января Шейсон дал положительную оценку своей встречи с А. А. Громыко, отметив правильность избранной тональности, предполагающей взаимную критику по тем или иным вопросам, равно как и выявление сходства в анализе тех или иных ситуаций. «В одних случаях мы делаем одинаковые выводы, в других — разные. Вот это я и называю конструктивным диалогом. У нас нет никаких оснований скрывать от Советов, за что мы их критикуем, и от них мы не ждем, чтобы они перестали нас критиковать там, где, по их мнению, они должны это делать».

В конце января 1984 г. в Москву для переговоров с советскими внешнеторговыми организациями вылетело около 70 представителей крупнейших компаний, фирм и банков Франции: «Рено», «Крезо-Луар», «Матра» и др. Примерно в то же время начался официальный визит во Францию первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова (29 января — 3 февраля 1984 г.), который встречался и беседовал с президентом Миттераном, премьер-министром Моруа, ведущими министрами, а также с группой видных представителей французского делового мира. Итогом переговоров явился протокол к Долгосрочной программе углубления экономического, промышленного и технического сотрудничества между СССР и Францией на период 1980—1990 гг., подписанной во время визита в СССР в 1979 г. президента Жискар д'Эстэна. Экономическая направленность визита не помешала обсуждению с французскими государственными деятелями и внешнеполитических проблем. Их внимание было вновь привлечено к принципиальным советским оценкам опасной ситуации в мире и советским предложениям о прекращении гонки вооружений, особенно ядерных, снижении уровня военного противостояния в Европе и в мире, создании условий для сохранения и развития политики разрядки, упрочении отношений между государствами. Обе стороны выразили убеждение в необходимости дальнейшего расширения советско-французского диалога.

В феврале 1984 г., когда скончался Ю. В. Андропов, президент Миттеран, выразив свои «соболезнования в связи с горем, постигшим советский народ», отметил,

«первостепенную роль» Советского Союза в мировых делах и «давние и прочные взаимоотношения» между ним и Францией. Выступая по телевидению, он заявил, что «надо идти к диалогу» и что Франция «будет облегчать его, насколько это возможно». В Москву на похороны были направлены Моруа и Шейсон. Принимая французского премьер-министра, советские руководители подчеркнули возрастающее значение контактов и политического диалога между СССР и Францией, нацеленных на укрепление безопасности и рост доверия между государствами в Европе и во всем мире. «Дело идет к постепенному улучшению наших отношений, — заявил после поездки в Москву Моруа. — Я думаю, что в ближайшие годы мы сможем интенсифицировать обмены и, следовательно, показать тем самым постоянство сотрудничества между Францией и СССР». «Сближение с СССР стало для социалистов одним из дипломатических приоритетов», — ворчала оппозиционная «Котидьен де Пари». Как бы в ответ на этот упрек в теледиалоге с отъявленной антисоветчицей Мари-Франс Гаро 28 февраля Шейсон успокоил правых очередными выпадами против социалистической системы. Но Миттеран, если и не дезавуировал своего министра, поддерживать его тоже не стал. «Мы, французы, живем на одном континенте с русскими, — объяснял он читателям американского журнала «Пэрейд» накануне своего визита в США. — Мы не настроены враждебно к ним. Более того, у нас вековые дружественные отношения с ними... Поскольку мы верим в себя, мы не должны колебаться вести диалог с Советским Союзом. Твердость нашего языка и нашего действия не должна препятствовать постоянству отношений. В области политической, думается мне, великие нации мира должны всегда стремиться к диалогу, когда основы его ясны. Впрочем, в торговой области мы всегда были за сохранение обменов». Находясь в Вашингтоне, Миттеран убеждал американцев «не бояться диалога с СССР», признал, что Советский Союз на вполне законных основаниях ожидает от Франции «лояльности и желания создать климат, полезный для мира, разоружения и всякого рода обменов без отказа... от наших интересов и концепций», обещал постараться «послужить делу развития диалога Восток — Запад». Но и «русские, — продолжал он, — должны сейчас согласиться на ряд мер, очень ожидаемых Западом. Они должны сделать такой жест». Таким образом, и на

этот раз Миттеран не обошелся без «предварительных условий», воздержавшись лишь от ультимативной формы и конкретизации того, чего Запад «ожидает» от Советского Союза в обмен на свое согласие вступить на путь подлинно мирного сосуществования. Это придавало призывам в пользу «конструктивного диалога» несколько риторический характер, что и было отмечено некоторыми политическими наблюдателями как во Франции, так и вне ее.

В Париже активизировались и прямые противники диалога с СССР. Так называемый «институт геополитики» устроил в начале апреля 1984 г. очередной антисоветский шабаш под предлогом изучения обстановки в районе Тихого океана. В коллоквиуме о «глобальном вызове» Советского Союза в Тихом океане участвовали не только отставные генералы и политологи-профессионалы, но и дипломаты, в том числе высокопоставленные чины с Ке д'Орсэ, и члены правительства, один из которых — Лоран Фабиус вскоре занял пост премьер-министра.

В апреле же началась было и кампания против «Аэрофлота». Одному из экипажей, совершивших обычный рейс в Марсель, пришлось по команде французских диспетчеров несколько изменить курс при посадке, причем ни в какие запретные зоны наш Ту-134 не заходил, что и было признано вполне официально пресс-службой премьер-министра и генеральным директором гражданской авиации Франции. Не совершив никаких нарушений, наш самолет благополучно высадил пассажиров в Марселе, взяв на борт новых пассажиров и без помех отправился в обратный путь. Но кое-кому очень хотелось скандала, и в прессу пошла «утечка» дезинформации о том, что советский самолет якобы зашел в запретную зону над Тулоном. Борзописцы-антисоветчики тут же сорвались с цепи и понесли в массы клеветнические измышления, пытаясь приписать экипажу «Аэрофлота» некую «шпионскую миссию». Чтобы утихомирить их, хотя дело выеденного яйца не стоило, понадобились два выступления пресс-службы премьер-министра, из которых явствовало, что советский экипаж «строго следовал правилам полетов в международных коридорах над французской территорией». И в министерстве обороны тоже признали, что Ту-134 не пролетал ни над каким «чувствительным военным объектом». С аргументированными разоблачениями провокационных выдумок прессы выступило по-

сольство СССР во Франции. Провокация лопнула, не успев расцвести махровым цветом.

Зато другая антисоветская кампания — «в защиту прав» всякого рода отщепенцев нарушать советские законы — разворачивалась во Франции в течение всего мая и июня. Миттеран, Шейсон, Фабиус, Дюма и другие официальные лица произносили соответствующие речи и участвовали в провокационных мероприятиях, а средства массовой информации старательно возбуждали враждебный Москве настрой в общественном мнении.

Не удержался Париж и от поддержки откровенно антирусской акции, затеянной японцами, которые в мае 1984 г. устроили торжества в память «победителя Цусимы» адмирала Того. На церемониях в Кагосиме присутствовал французский посол, а в военно-морском параде участвовал французский эсминец.

В канун визита президента Миттерана в СССР была предпринята попытка возложить на советскую сторону ответственность за трудности во франко-советской торговле. «Монд» писала о «деградации» экономических и торговых отношений, манипулируя цифрами. «Советские заказы оборудования во Франции, — причитал корреспондент этой газеты в Москве Доминик Домбр, — находятся в состоянии свободного падения». Иначе освещала тот же вопрос «Юманите», которая на конкретных примерах показала, что не Советский Союз, а сама Франция создает условия, препятствующие нормальной, уравновешенной торговле между ними. На жалобы по поводу поставок советского газа как одну из главных причин роста французского дефицита корреспондент «Юманите» в Москве Жерар Стрейф ответил напоминанием о том, что ведь советская сторона во время визита И. В. Архипова в Париж уже заявила о своей готовности увеличить заказы французского оборудования в обмен на поставки газа. Были сделаны конкретные предложения в области металлургии, нефтехимии, машиностроения, принятие которых дало бы работу десяткам тысяч французов. И надо сказать, французские промышленники совсем не прочь получить такие заказы. Но на пути у них встают правила КОКОМ, накладывающие запрет на экспорт в СССР определенных видов товаров и технологии под предлогом их стратегического значения, и завышенные учетные ставки банковского кредита, практиковавшиеся Францией куда с бо́льшим усердием, нежели ее партнерами-конкурентами. Известную отрицательную для

Франции роль играют, по мнению «Юманите», неконкурентоспособность тех или иных французских проектов и недостаточная боевитость, проворность самих французских предпринимателей, особенно средних и мелких, на внешних рынках. Все это хорошо понимали и признавали во французском министерстве внешней торговли, но, видимо, не только от него и его представительства в Москве зависело продвижение вперед в области франко-советского торгово-экономического обмена.

Президент Миттеран в сопровождении ряда своих министров и советников прибыл в Москву с официальным визитом 20 июня 1984 г. Его приезд в СССР и переговоры с советскими руководителями свидетельствовали о том, что французская сторона пришла, наконец, к осознанию необходимости возобновления франко-советского политического диалога на самом высоком уровне, как это имело место до 1981 г., отказавшись от выдвижения «предварительных условий». «Отправляясь в СССР, французский президент набирает очки в области внешней политики. Даже если это и несколько запоздалое решение, он не окажется среди тех, кто нанес визит в советскую столицу последним, и поэтому сможет предстать как активное действующее лицо в международной жизни», — писала в эти дни газета «Фигаро», назвавшая среди других побудительных мотивов президентского визита стремление оживить экономический обмен с СССР, которому «весь Запад... придает большое значение».

Переговоры между Миттераном и советскими руководителями позволили обсудить положение в мире и найти общий язык по таким кардинальным вопросам, как предотвращение переноса гонки вооружений в космос, необходимость вернуть в конструктивное русло работу над конвенцией о запрещении и ликвидации химического оружия, актуальность задачи укрепления и расширения режима нераспространения ядерного оружия, важность продолжения общеевропейского процесса и выработки на Стокгольмской конференции весомого комплекса политических и военно-технических мер доверия и безопасности в Европе. Некоторые точки соприкосновения были отмечены в позициях двух стран в отношении положения на Ближнем Востоке и в Центральной Америке.

В вопросах ядерного разоружения пришлось констатировать серьезные расхождения. И не случайно на обеде

в честь Миттерана с советской стороны прямо говорилось о том, что свою долю ответственности за размещение в Западной Европе нового американского ракетно-ядерного оружия несут и те правительства, которые, хотя и не принимали в своих странах американские ракеты, активно поддерживают их развертывание. Как крайне опасное дело были квалифицированы предпринимаемые на Западе попытки поставить под сомнение послевоенное территориально-политическое устройство в Европе. «И у нас лишь ироническую улыбку вызывают те, кто пытается давать нам советы из области прав человека», — было сказано Миттерану, который подробно распространялся на эту тему.

С советской стороны отмечалось, что СССР и Францию многое разделяет: различие в общественно-экономическом устройстве и идеологии, расхождения по ряду немаловажных международных вопросов. Несмотря на это, между двумя странами сложились разветвленные связи и обмены, наладилось политическое сотрудничество, их взаимодействие способствовало разрядке в 60 — 70-х годах. Поэтому за длительный период времени баланс советско-французских отношений конструктивный, а сбои в них, имевшие место в последние годы, — не на пользу ни обеим странам, ни интересам улучшения международной обстановки.

Переговоры в Москве продемонстрировали обоюдное стремление к лучшему пониманию и сближению позиций друг друга, расширению внешнеполитического сотрудничества, к укреплению доверия между двумя странами, поддержанию стабильности в отношениях. Констатировав полезность механизма политических консультаций, обе стороны выразили готовность к их продолжению на регулярной основе, в соответствии с советско-французским протоколом 1970 г.

При обсуждении вопросов торгово-экономических, научно-технических и культурных связей была подчеркнута необходимость совместно преодолевать осложнения, твердо придерживаться взятых на себя обязательств, активизировать выявление новых проектов промышленной кооперации и технологического сотрудничества, расширять обмены в области литературы, искусства, образования, используя их для воспитания чувств дружбы между советскими людьми и французами.

22 июня Миттеран вручил ордена Почетного легиона советским ветеранам авиаполка «Нормандия — Неман»,

а на следующий день посетил Волгоград, где состоялось вручение ордена Почетного легиона городу-герою в память о битве, которая, по признанию французского президента, «решила судьбу мира». Вечером 23 июня Миттеран отбыл из Волгограда в Париж.

Политбюро ЦК КПСС оценило переговоры с Миттераном как внешнеполитическую акцию большого значения, которая открывает большие возможности — если к этому будут стремиться обе стороны — для значительного расширения и углубления советско-французских отношений в области внешнеполитического сотрудничества, экономических связей, научно-технических и культурных обменов, что создает предпосылки для активизации политики разрядки, для борьбы за укрепление мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Основные политические партии Франции и наиболее видные политические деятели, включая таких лидеров оппозиции, как Жискар д'Эстэн, Ширак и Барр, одобрили поездку Миттерана в Советский Союз. Однако, когда в конце октября в Москве принимали делегацию комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции, в ходе состоявшихся бесед советские парламентарии были вынуждены с сожалением констатировать, что «систематическая антисоветская пропаганда во Франции, которая далеко выходит за рамки борьбы идей, ухудшает общий климат советско-французских отношений».

Тем не менее в поздравительном послании по случаю 60-летия дипломатических отношений между Францией и СССР Миттеран напомнил «о том важном значении, которое Франция придает постоянному и открытому диалогу с СССР, взаимопониманию между нашими народами и развитию франко-советского сотрудничества». В таком же духе высказался Шейсон, подчеркнувший необходимость «делать все для того, чтобы трудности, которые могут возникать и которые должны иметь преходящий характер, преодолевались быстро и в спокойной обстановке. Нужно все использовать для того, чтобы контакты и обмены между нашими странами развивались во всех областях». С советской стороны такие пожелания могли найти только положительный отклик. «Советский Союз, — говорилось в послании Президиума Верховного Совета СССР президенту Французской Республики, — выступает за то, чтобы усилиями обеих сторон последовательно претворялись в жизнь результаты перегово-

ров на высшем уровне в Москве в июне этого года, в полной мере использовался накопленный потенциал советско-французского сотрудничества в различных областях. Дальнейшее развитие отношений и углубление взаимопонимания между СССР и Францией могли бы существенно содействовать возврату международных отношений в русло разрядки, упрочению безопасности народов Европы и мира».

В телеинтервью 16 декабря 1984 г. Миттеран заявил, что в отношениях между Парижем и Москвой «подул теплый ветерок» и что сам он «очень хочет» благоприятного развития этих отношений, представляющих собой «постоянную величину французской политики». «Это — необходимость для обеих стран, которые... должны обязательно договариваться между собой, но не в ущерб нашей безопасности и при условии, чтобы Советский Союз питал к нам уважение, которого мы заслуживаем». «Главное — это восстановить утраченное уважение советских людей к Франции», — подчеркивал Миттеран. И, хотя под этим подразумевалось прежде всего «уважение» к неприемлемой для Советского Союза позиции Франции по вопросу о размещении в Европе американских ядерных ракет средней дальности, важен был новый тон, взятый в отношении Советского Союза, что позволило комментатору газеты «Монд» сделать вывод о «повороте в восточной политике семилетия», связанном с тем, что Миттеран почувствовал возможность ослабления напряженности в отношениях Восток — Запад и решил не оставлять монополию инициативы в этом деле за американцами. Сам президент через несколько дней так охарактеризовал свои настроения: «Когда Соединенные Штаты и Советский Союз плохо понимают друг друга, это вызывает беспокойство, когда они ладят друг с другом, это еще хуже, и можно сказать то же самое в обратном смысле». Одним словом, как хотите, так и понимайте, но в каждой шутке, как известно, есть доля истины.

Шагом на пути к дальнейшей активизации советско-французского сотрудничества стал визит в Москву в марте 1985 г. министра внешних сношений Франции Ролана Дюма, который заявил корреспонденту «Правды», что, по его мнению, отношения между нашими двумя странами «в целом развиваются нормально», и выразил надежду на продолжение позитивного диалога с Советским Союзом, открывающего новые горизонты. По

инициативе советской стороны первоочередное внимание в ходе этого визита было уделено вопросам безопасности и мира и среди них — советско-американским переговорам по космическим и ядерным вооружениям, Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе, празднованию 40-летия Победы над фашизмом и необходимости неукоснительного уважения всеми государствами территориально-политических реальностей, сложившихся в итоге второй мировой войны и послевоенного развития, ближневосточному урегулированию не через сепаратные сделки, а через созыв международной конференции с участием всех заинтересованных сторон, оздоровлению обстановки в Центральной Америке.

Французский министр приветствовал начало переговоров между СССР и США в Женеве. «Пока не поздно, — заявил он, — требуется не допустить превращения космоса в новое поле соперничества и гонки вооружений». Он высказался в общем плане и за нахождение договоренностей в Стокгольме. Была подтверждена близость позиций СССР и Франции по некоторым аспектам ближневосточного урегулирования, а также в отношении поиска мирных путей решения проблем Центральной Америки и ограждения Никарагуа от внешнего вмешательства.

В ходе обмена мнениями в Москве было подтверждено стремление СССР и Франции расширить сотрудничество во всех областях и содействовать, каждый со своей стороны добиваясь большего взаимопонимания друг с другом, восстановлению климата доверия между государствами. С советской стороны было отмечено, что сотрудничество между СССР и Францией не раз становилось источником позитивных идей в международных отношениях и что такая возможность сохраняется и в настоящее время. Особенно важны в этом плане регулярные политические контакты. Дюма в свою очередь выразил надежду, что советско-французские переговоры «внесут свой вклад в восстановление более конструктивных отношений между Востоком и Западом, в дело укрепления стабильности во всем мире».

Президент Миттеран прибыл в Москву для участия в похоронах К. У. Черненко и встретился 13 марта 1985 г. в Кремле с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. В присутствии министров иностранных дел обеих стран состоялась беседа, в ходе которой была

отмечена активизация советско-французских отношений за последнее время и обе стороны высказались за продолжение и углубление политического диалога между СССР и Францией как фактора, в немалой степени влияющего на формирование политического климата в Европе и за ее пределами. Шел разговор и о необходимости возвращения к политике разрядки. Миттеран назвал свою беседу с М. С. Горбачевым чрезвычайно полезной и содержательной. Сам факт поездки президента в Москву и его встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС рассматривался в Париже как демонстрация его готовности начать новый этап в отношениях между двумя странами.

Одним из проявлений благоприятных сдвигов на этом направлении явилось проведение в Париже 1 — 4 апреля 1985 г. XIX сессии «большой комиссии». Правда, тут не обошлось без провокаций антисоветчиков, попытавшихся было развернуть кампанию в духе шпиономании. Но им был дан должный отпор, причем на этот раз не только советским посольством, но и представителями французского правительства. Отвечая на низкопробные инсинуации прессы, министр промышленной перестройки и внешней торговли Эдит Крессон, возглавлявшая французскую делегацию на «большой комиссии», сказала, что подобные клеветнические измышления подбрасываются, очевидно, умышленно, поскольку «есть немало людей, которые хотят, чтобы правительство потерпело неудачу...». И это в условиях, когда советская делегация продемонстрировала, по словам Крессон, «политическую волю к улучшению» положения дел в торговле с Францией, выразив готовность СССР принять меры к сокращению французского дефицита, предложив французской промышленности интересные контракты на миллиарды франков и согласившись на то, чтобы кредиты рассчитывались в экю, что дает хорошую основу для решения проблемы увеличения экспорта французских товаров в Советский Союз. Своевременный отпор дал хорошие результаты. Даже правая «Котидьен де Пари» заговорила о стремлении Советского Союза к развитию взаимовыгодного обмена с Францией, а «Эко» отмечала безукоризненный ход работы «большой комиссии».

В ходе беседы президента Миттерана с главой советской делегации на сессии «большой комиссии» подчеркивалось, что расширение взаимовыгодных связей и контактов между СССР и Францией в различных об-

ластях, включая политическую, является существенным элементом укрепления мира и безопасности в Европе, восстановления климата доверия и разрядки в интересах советского и французского народов.

Сессия «большой комиссии» в Париже сконцентрировала основное внимание на возможностях активизации и углубления советско-французского сотрудничества. В принятом совместном коммюнике констатировано значительное увеличение товарооборота между двумя странами. В целом за 1980 — 1984 гг. он составил около 20 млрд. рублей, или 160 млрд. франков, т. е. вырос в два с лишним раза по сравнению с предыдущим пятилетием. Стороны договорились о необходимости принимать меры в пределах их возможностей для развития торговли на сбалансированной основе, учитывая дополнительные поставки советского природного газа во Францию. Достижению этой цели отвечают переговоры по ряду крупных проектов промышленного сотрудничества. Было решено начать подготовку соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве на 1986—1990 гг. Одобрено развитие сотрудничества в таких областях, как агропромышленный комплекс, мирное использование атомной энергии, исследование и использование в мирных целях космического пространства, цветное телевидение.

«Я чрезвычайно удовлетворена итогами работы «большой комиссии», — заявила в беседе с корреспондентом «Известий» Э.Крессон. — Заседания проходили в деловой, дружеской и, я бы сказала, исключительно теплой атмосфере. Достигнуты хорошие результаты. С обеих сторон проявлено стремление к дальнейшему развитию сотрудничества, которое служит укреплению традиционной дружбы между народами наших стран. Советский Союз всегда был надежным партнером Франции. Я уверена, что у франко-советских торгово-экономических, научно-технических отношений хорошие перспективы».

9 — 15 апреля 1985 г. в Москве заседала постоянная смешанная советско-французская комиссия по культурным связям. В итоге — подписан протокол о культурном и научном сотрудничестве на 1985 — 1986 гг., позволяющий не только сохранить достигнутый уровень обменов, но и значительно расширить их. В середине апреля в Москве открылась крупная французская выставка сельскохозяйственной техники «Агропром-2» («Агропром-1» проводилась осенью 1982 г.). Цель этого ме-

роприятия — заключение контрактов с советскими организациями, проявляющими интерес к французским достижениями в области пищевой промышленности, агрохимии, новой технологии земледелия и животноводства. С 24 по 29 апреля с официальным визитом в СССР находился министр национального образования Франции Жан-Пьер Шевенман, который имел встречи с заместителем Председателя Совета Министров СССР, председателем ГКНТ СССР Г. И. Марчуком, руководителями ряда министерств и ведомств и был принят в ЦК КПСС. В ходе бесед обсуждались перспективы сотрудничества в области образования и науки.

И опять антисоветчики попытались подбросить ложку дегтя в набиравшие темпы франко-советские отношения. 18 апреля третья программа государственного телевидения устроила грубую провокацию, показав низкопробный спектакль «Лицом к войне» на заезженную тему «советской опасности». На французских телезрителей был выплеснут мутный поток гнусной клеветы на Советский Союз, представленный в образе «красного агрессора», оккупирующего Францию. Выступивший сразу же после этого министр обороны Эрню не счел нужным ни осудить провокационную затею, ни отмежеваться от антисоветских тезисов и грозил пустить в ход ядерную силу против некоего противника, применяющего как ядерное, так и неядерное оружие. И это, видимо, не случайно, поскольку среди организаторов этой акции была, по свидетельству «Юманите», «кучка людей, близких или очень близких к Елисейскому дворцу». Советское посольство еще до выпуска в эфир этой передачи направило в министерство внешних сношений Франции ноту протеста, в которой подчеркивалось, что бездействие властей в этом деле граничит с попустительством в отношении чувства вражды и недоверия к советскому народу, причем в канун 40-летия Победы над фашизмом. Однако протест не возымел действия, и телевизионным провокаторам разрешили выступить, как и было задумано, в духе крикливой пропаганды на тему о «большевистской угрозе», к которой прибегало и сотрудничавшее с гитлеровцами коллаборационистское правительство, сидевшее в Виши. Возмущенная общественность предложила противопоставить этой грязной стряпне передачу «Лицом к миру». Активно поддержала это предложение ФКП. Такая передача тогда так и не увидела свет, но и антисоветская выходка телевидения в конечном итоге не срабо-

тала: подорвать налаживание франко-советского сотрудничества организаторам провокации не удалось.

Положительную роль сыграло празднование 40-летия Победы над фашизмом, которое напомнило французам о славных страницах в истории отношений между их страной и Советским Союзом. В послании Президиуму Верховного Совета СССР по этому случаю президент Миттеран говорил о том, что французы не забывают жертв, принесенных советским народом во имя общей победы. «Они помнят, как в самый тяжелый для них час, в страшную зиму 1942 года, в Сталинграде родилась надежда. Они знают и то, какой ценой это досталось, и хранят глубокую признательность советскому народу», — писал он, подчеркивая, что «принесенные жертвы не были напрасными», так как, «преодолевая трудности и моменты напряженности, Европа вот уже сорок лет живет в условиях мира».

Президиум Верховного Совета СССР в своем послании президенту Французской Республики напомнил, что «в послевоенный период, особенно в 70-е годы, Советский Союз и Франция немало сделали для утверждения разрядки в межгосударственных отношениях», и выразил «надежду, что и в нынешней сложной международной обстановке они будут находить общий язык для того, чтобы способствовать прекращению гонки вооружений на земле и ее предотвращению в космосе, укреплению европейской и международной безопасности».

В интервью журналу «Эвенман дю жеди» в мае 1985 г. премьер-министр Л.Фабиус отмечал постоянство традиции хороших отношений между Францией и Советским Союзом, что в интересах и обоих народов, и международного равновесия. 4 июля в связи с публикацией сообщения о намеченном на 2 — 5 октября 1985 г. визите М. С. Горбачева во Францию Р.Дюма подчеркнул стремление Франции к тому, чтобы ее отношения с СССР были «нормальными и привилегированными».

Все говорило за то, что французская дипломатия действительно меняла курс в сторону активизации и повышения уровня франко-советского сотрудничества.

В ходе официального визита М. С. Горбачева во Францию (2 — 5 октября 1985 г.) состоялись переговоры, проходившие в конструктивной и откровенной атмосфере. Они заложили хорошую основу для дальнейшего развития советско-французских отношений: подписано соглашение об экономическом сотрудничестве на 1986 —

1990 гг.; подтверждено обоюдное желание продолжать научно-техническое сотрудничество, в том числе в области мирного исследования космоса (с участием французского космонавта в длительном пилотируемом полете на советской орбитальной станции); обсуждены перспективы использования управляемого термоядерного синтеза в рамках международной программы «Токомак»; заявлено о намерении расширять взаимообогащающий культурный обмен, укреплять связи в других областях, находить новые сферы сотрудничества. Стороны отметили положительный опыт консультаций между их дипломатическими ведомствами, которые проводятся с начала 70-х годов на регулярной основе и позволяют поддерживать непрерывный политический диалог даже в трудные времена охлаждения отношений. Далеко не протокольное, а принципиальное политическое значение имело возвращение к практике регулярных франко-советских встреч на высшем уровне, как бы завершавшее нормализацию отношений.

Визит во Францию явился крупной внешнеполитической акцией, выходящей за рамки двусторонних отношений. Обнародованные во время визита новые советские инициативы, направленные на предотвращение милитаризации космоса, обуздание гонки ядерных и иных вооружений, нераспространение химического оружия, были с одобрением встречены широкой общественностью, политическими кругами и руководством многих государств, которые увидели в них возможность поворота к радикальному оздоровлению международных отношений. Миттеран «с большим интересом принял к сведению весь комплекс вопросов, изложенных М. С. Горбачевым», заявил, что Франция «не примет участия в каких бы то ни было формах создания космического оружия», увязал значительное сокращение вооружений с невозможностью переноса гонки вооружений в космос, поддержал советско-американские переговоры по космическим и ядерным вооружениям в Женеве, высказался в общей форме за мирное освоение космоса. Президент Миттеран согласился на прямой обмен мнениями с Советским Союзом по вопросу о ракетах средней дальности, но счел необходимым подтвердить известную позицию Франции в вопросе о подсчете вооруженных сил и вооружений в мире и в Европе.

Визит во Францию позволил сделать крупный шаг на пути возрождения процесса разрядки и повышения

роли Европы в оздоровлении международного климата. Тема разрядки стала звучать в заявлениях французских руководителей более явственно. Более того, на совместной пресс-конференции с М. С. Горбачевым Миттеран прямо высказался за то, чтобы в своей политике государства «ориентировались на разрядку международных отношений, которые в последнее время слишком часто достигают остроты». Выдвинутые в Париже Генеральным секретарем ЦК КПСС идеи оказали положительное воздействие на ход Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе, а также на переговоры между ЕЭС и СЭВ об установлении равноправных деловых отношений на официальной основе.

При обсуждении положения в горячих точках планеты был найден общий язык в отношении необходимости созыва международной конференции по ближневосточному урегулированию, поддержки усилий Контадорской группы в пользу смягчения нагнетаемой Соединенными Штатами напряженности в Центральной Америке, оказания международного давления на расистский режим ЮАР, чтобы заставить его выполнять решения ООН.

Советско-французские переговоры показали, что, несмотря на существенные различия в подходе к решению важнейших международных проблем, СССР и Франция могут не только плодотворно сотрудничать в области двусторонних связей, но и взаимодействовать на международной арене. Визит М. С. Горбачева в Париж способствовал оздоровлению международной обстановки в целом, что было особенно важно в канун женевской встречи Генерального секретаря ЦК КПСС с президентом США, создавшей хорошие предпосылки для налаживания отношений Восток — Запад на основе конструктивного политического диалога.

Советско-французское сотрудничество начало вновь занимать в этом процессе ведущую роль как по своему содержанию, так и по интенсивности контактов и обменов, несмотря на препятствия, которые продолжают воздвигать на пути оздоровления международной обстановки не только американские, но западноевропейские сторонники жесткого курса.

Одним из таких препятствий остаются систематически выставляемые натовскими стратегами политико-юридические рогатки, призванные тормозить отношения Восток — Запад, в том числе в экономической и научно-тех-

нической областях. Так, в октябре 1985 г. по инициативе Вашингтона в дополнение к КОКОМ была создана еще одна запретительная инстанция под названием Совещание специалистов по безопасности и технологии (СТЕМ). Перед этим органом, в состав которого введены военные, поставлена задача «предотвратить передачу важных в стратегическом отношении товаров» Советскому Союзу. Таким образом, «гражданская цензура» КОКОМ усилена «военной цензурой» СТЕМ. Еженедельник «Экспресс» утверждал, что СТЕМ, весьма близкий по своей роли и составу к «военному комитету», создания которого добивался Пентагон, родился не без «добрых услуг» соответствующих французских ведомств. Это, естественно, не вызывало энтузиазма прежде всего у промышленников, заинтересованных в расширении экспорта в Советский Союз и другие социалистические страны, о чем вполне определенно писала парижская газета «Эко», отражающая настроения французских деловых кругов.

Председатель Национального совета французских предпринимателей И. Гаттаз в беседе с корреспондентом «Правды», состоявшейся незадолго до XX сессии советско-французской «большой комиссии», говорил: «Полагаю, что нынешний уровень наших отношений, их объем уже не устраивает ни нас, ни вас*. Еще мало крупномасштабных контрактов. Договоренности, достигнутые на советско-французской встрече на высшем уровне, открывают возможность продвижения вперед в области сотрудничества».

В работе «большой комиссии», которая заседала в Москве 16 — 17 января 1986 г. под председательством министра внешней торговли СССР Б. И. Аристова, с французской стороны участвовали руководители около 50 крупнейших фирм: «Рено», «Юзинор», «Интерагра», «Текнип», «Томсон», «Спи-Батиньоль» и др., а также представители ряда министерств. Возглавляла французскую делегацию министр промышленной перестройки и внешней торговли Э.Крессон.

Одним из важных итогов XX сессии явилось достижение принципиальной договоренности о заключении новых крупных контрактов между французскими фирмами и советскими внешнеторговыми объединениями.

---

* Товарооборот между Францией и СССР в 1984 г. оставался практически на уровне 1983 г. По данным «Юманите», не было роста и в первые девять месяцев 1985 г.

Главу делегации Франции принял Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, который отметил, что всестороннее развитие советско-французских отношений является принципиальным курсом Советского Союза, важным фактором укрепления стабильности и налаживания сотрудничества между государствами в Европе и во всем мире. Обе стороны дали положительную оценку итогам XX сессии «большой комиссии». Э.Крессон высказала готовность Франции к расширению плодотворных обменов на взаимовыгодной и сбалансированной основе в развитие советско-французских договоренностей на высшем уровне. На пресс-конференции в Москве она выразила глубокое убеждение, что Франция и впредь будет сохранять и развивать традиционное сотрудничество с СССР.

После визита Генерального секретаря ЦК КПСС во Францию значительно активизировались двусторонние советско-французские политические контакты. В Советском Союзе побывал председатель Национального собрания Франции Луи Мермаз. 12 декабря 1985 г. его принял М. С. Горбачев. Были встречи и с другими советскими руководителями, а также с депутатами Верховного Совета СССР. С советской стороны было вновь подчеркнуто стремление к самому широкому развитию дружественных отношений с Францией, важным стабильным элементом которых являются межпарламентские связи. Укреплению этих связей способствовала и поездка во Францию в конце января 1986 г. делегации Парламентской группы СССР во главе с Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР Л. Н. Толкуновым. В беседах с депутатами Национального собрания советские парламентарии уделяли особое внимание разъяснению выдвинутой 15 января 1986 г. М. С. Горбачевым программы полной ликвидации ядерного оружия на нашей планете к концу нынешнего столетия. Они с удовлетворением констатировали, что самые широкие круги французов и француженок приветствуют советские мирные инициативы. Выступая на пленарном заседании Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе, министр внешних сношений Франции Р.Дюма заявил, что эти инициативы представляют большой интерес и требуют серьезного анализа. «Предложенное М. С. Горбачевым сокращение ядерных арсеналов СССР и США, — подчеркнул он, — является шагом в верном направлении».

31 января 1986 г. член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе принял министра экономики, финансов и бюджета Франции Пьера Береговуа, который передал ответное послание президента Миттерана на обращение М. С. Горбачева в связи с новыми советскими внешнеполитическими инициативами. Французский министр ответил, что советские предложения восприняты во Франции как смелые и далеко идущие и изучаются с позитивным интересом.

Советско-французская и советско-американская встречи в верхах осенью 1985 г. дали сильный импульс процессу нормализации обстановки в Европе. Тому пример — развитие франко-польских отношений. В начале декабря Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Государственного совета ПНР В.Ярузельский встретился в Париже с президентом Франции Ф.Миттераном, что еще совсем недавно казалось невозможным. «Это был очень полезный и очень откровенный разговор, мы обсудили много вопросов, — заявил В.Ярузельский журналистам, встретившим его у выхода из Елисейского дворца. — Мы пришли к согласию о необходимости усилить и развивать франко-польские отношения в интересах двух народов, мира в Европе и на Земле». Краткий рабочий визит польского руководителя во Францию вызвал положительные отклики не только в социалистических странах, но также и в ряде западноевропейских государств, в том числе в ФРГ и Италии, главы правительств которых сочли его полезным. В январе 1986 г. после четырехлетнего перерыва в Варшаве открылось заседание польско-французской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Франция, по своей воле ослабившая собственные позиции на польском рынке (в 1980 г. ее торговый оборот с ПНР составлял 1340 млн. долл., в 1985 г. — 450 млн.), сделала первый шаг к нормализации экономических отношений с Польшей.

Курс на диалог с социалистическими странами наполнялся конкретным содержанием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Франции принадлежит важная роль в определении судеб Западной Европы и ее взаимоотношений с Советским Союзом, со всем социалистическим миром. В свое время де Голль сделал так, что его страна оказалась на передовых рубежах перестройки отношений Восток — Запад в направлении «разрядки, согласия и сотрудничества». Такие его преемники, как Помпиду и Жискар д'Эстэн, продолжали эту политику, и Франция внесла весомый вклад в становление постоянного политического диалога между государствами двух противоположных систем, способствовала успешному старту общеевропейского процесса расширения всесторонних деловых связей и укрепления безопасности в Европе.

Линия на демонтаж отношений с СССР привела к снижению сопротивляемости Франции диктату империалистического лидера в лице США, к падению ее собственного престижа в международном сообществе, к ослаблению внешнеполитических позиций и роли в мировых делах, другими словами — нанесла серьезный урон французским национальным интересам.

За пять лет пребывания у руля французского государства социалистическая партия активно способствовала дальнейшей атлантизации политики Франции. В таком же духе эволюционировали и взгляды правой оппозиции. Свои намерения она приоткрыла накануне парламентских выборов в марте 1986 г. «Совместная программа управления страной» Объединения в поддержку республики (ОПР) и Союза за французскую демократию (СФД), опубликованная в январе 1986 г., не предлагала сколько-нибудь существенных нововведений в области внешней политики по сравнению с тем, что делалось правительством социалистов. Ставя задачу возвращения к «логичной и кредитоспособной внешней политике»,

авторы этой программы выдвигали в качестве основ такой политики все те же «верность альянсам» и стратегию «сдерживания», ориентированную на дальнейшее наращивание ракетно-ядерного потенциала. Обещали они также «неустанные дипломатические усилия» с целью упрочения позиций Франции в различных районах «третьего мира».

Кое-какие линии внешнеполитической программы правых позднее были несколько конкретизированы. Так, в частности, предлагалось выработать вместе с западноевропейскими партнерами единую позицию в отношении участия в американской «стратегической оборонной инициативе». Судя по заявлениям некоторых лидеров оппозиции, эта единая позиция предполагала официальное одобрение американской программы «звездных войн». Напомним, что правительство социалистов тоже не препятствовало заключению французскими концернами соответствующих контрактов с Пентагоном, но при этом СОИ подвергалась публичной критике, и от официального участия в ней Франция все же уклонялась.

Программа ОПР-СФД обещала «лучший учет» во французской стратегической концепции «всего европейского пространства» и «инициативу подлинного диалога по вопросам обороны» между европейцами, особенно по тем, что относятся к «условиям применения тактического ядерного оружия». Авторы программы разъяснили, кого они понимают под европейцами: в первую очередь это ФРГ и Англия, говорить с которыми «об общей стратегии в Европе» надо, «постоянно консультируясь с американским союзником». Конфронтационная подоплека планов так называемой «европейской обороны» не вызывает сомнений. «Европейское строительство» авторы программы собирались продолжать путем дальнейшего стимулирования интеграционных процессов, не уточняя, правда, какой реформы институтов «малой Европы» они хотят. А в отношении Советского Союза ОПР и СФД требовали проведения «бдительной и твердой» политики, ратуя за «тесную солидарность» Франции с США в этом деле.

К социалистам осознание пагубности систематической конфронтации с СССР пришло далеко не сразу. Но под воздействием реальностей международной обстановки, по мере приближения парламентских выборов в марте 1986 г., в результате которых, как и ожидалось, они утратили господствующее положение в Национальном

собрании, из Парижа все определеннее начали поступать сигналы, свидетельствовавшие о появлении более или менее серьезных намерений нормализовать франко-советские отношения. Москва, которая, несмотря на зигзаги французской внешней политики, считала и считает Францию важным партнером в международных делах, положительно откликнулась на эти сигналы. Отношения между двумя странами стали постепенно выправляться. Новый импульс был дан им советско-французской встречей на высшем уровне в Париже в октябре 1985 г. Этот импульс полностью отвечает долгосрочным интересам как Советского Союза, так и Франции.

В своей книге «Размышления о внешней политике Франции», опубликованной в конце января 1986 г., Миттеран признал этот обоюдный интерес. «Франция, расположенная по соседству с Россией, научилась на протяжении истории понимать и уважать ее, — утверждал французский президент. — Пять веков в основном дружественных отношений, решающая роль, которую сыграл Советский Союз в освобождении Франции, и, если отбросить предвзятость, многочисленные человеческие и культурные контакты связали наши народы прочными узами. Наши интересы сближают нас гораздо чаще, чем можно думать».

Что верно, то верно! «Исторически сложилось так, что советско-французские отношения традиционно опирались на взаимную симпатию и уважение обоих народов друг к другу», — отмечал М. С. Горбачев в своих ответах на вопросы газеты «Юманите» 4 февраля 1986 г. «Мы за то, чтобы поддерживать традиционные дружественные связи с Францией, и делаем все от нас зависящее для развития добрых советско-французских отношений. На фоне всего этого нам трудно понять, почему во Франции такие широкие масштабы приобрела недружественная в отношении СССР кампания», — подчеркивал советский руководитель, имея в виду и антисоветские вылазки французских средств массовой информации, и очередную высылку из Франции нескольких работников советского посольства, как и в прошлом, под надуманными предлогами. Несмотря на это, Советский Союз искренне стремится «придать больший динамизм советско-французским отношениям, сотрудничать с Францией, с ее народом, с ее политическими силами в вопросах, представляющих общий интерес для наших обеих стран». Но, как сказал М. С. Горбачев, «было бы неправильно считать, что Со-

ветский Союз больше заинтересован в хороших отношениях с Францией, чем Франция в хороших отношениях с Советским Союзом. Я думаю, обе страны взаимно заинтересованы в сохранении и развитии добрых отношений друг с другом».

Будущее отношений между социалистическими и капиталистическими странами прогнозировать очень непросто. Немало будет зависеть и от степени реализма правящих кругов Запада в оценке обстановки. Эти положения, сформулированные в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, полностью относятся и к Франции. От степени реализма ее государственных и политических деятелей, от уровня понимания ими необходимости конструктивного сотрудничества с СССР для самой Франции, для ее места в мире зависят как дальнейшее развитие этого сотрудничества, так и, в известной мере, ход событий в Европе и за ее пределами.

20 марта было сформировано правительство нового парламентского большинства во главе с Ж.Шираком. В поздравительной телеграмме в его адрес Совет Министров СССР выразил уверенность в том, что его деятельность на этом посту будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества между Советским Союзом и Францией на поприще мира и разрядки, укреплению традиционной дружбы между советским и французским народами.

Министром иностранных дел нового французского правительства был назначен Ж.-Б.Рэмон, являвшийся до этого послом Франции в СССР. Перед отъездом в Париж 24 марта 1986 г. он был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, а затем министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. В ходе этих встреч с советской стороны была подтверждена неизменность линии Советского Союза на всестороннее развитие отношений с Францией как одного из важных направлений практической реализации внешнеполитической стратегии XXVII съезда КПСС и выражена уверенность, что традиционные связи между СССР и Францией будут и дальше развиваться во всех областях в интересах укрепления разрядки, снижения военной опасности, мирного урегулирования конфликтных ситуаций.

Со своей стороны министр иностранных дел Франции высказался за развитие франко-советского сотрудничества, квалифицировав его как «постоянную величину во французской внешней политике».

Диалог продолжается...

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦИИ 1981—1986 гг.

	1981
10 мая	Ф. Миттеран избран президентом Франции
24 мая	Встреча Миттерана с канцлером ФРГ Г. Шмидтом в Париже
4—7 июня	Официальный визит министра внешних сношений К. Шейсона в США
18—20 июня	Официальный визит во Францию премьер-министра Японии З. Судзуки
20—21 июля	Участие Ф. Миттерана во встрече руководителей семи ведущих капиталистических стран в Оттаве
10—11 сентября	Франко-британская встреча на высшем уровне в Лондоне
26—28 сентября	Официальный визит Миттерана в Саудовскую Аравию
8—9 октября	Официальный визит К. Шейсона в ПНР
17—19 октября	Визит Ф. Миттерана в США
19—21 октября	Официальный визит Ф. Миттерана в Мексику
22—23 октября	Участие Ф. Миттерана в Канкунской конференции по вопросам диалога «Север — Юг»
3—4 ноября	Конференция глав государств Франции и Африки в Париже
18—19 ноября	Франко-итальянская встреча на высшем уровне в Париже
30 ноября — 1 декабря	Официальный визит Ф. Миттерана в Алжир
11—12 декабря	Официальный визит Ф. Миттерана в Португалию
	1982
1 февраля	Визит президента Египта Х. Мубарака во Францию

24—25 февраля	Франко-западногерманская встреча на высшем уровне в Париже
3—5 марта	Официальный визит Ф. Миттерана в Израиль
14—18 апреля	Официальный визит Ф. Миттерана в Японию
19—25 мая	Визиты Ф. Миттерана в Нигер, Кот-д'Ивуар, Сенегал и Мавританию
5—6 июня	Версальская встреча «большой семерки»
22—24 июня	Визит Ф. Миттерана в Испанию
7—9 июля	Визит Ф. Миттерана в Венгрию
12—13 июля	Визит во Францию президента Никарагуа Д. Ортеги
21 августа 1982 г. — 31 марта 1984 г.	Участие французского контингента в «многонациональных силах разъединения» в Бейруте
6—11 октября	Поездка Ф. Миттерана в Бурунди, Руанду, Заир и Конго
8—9 октября	Конференция глав государств Франции и Африки в Киншасе
21—22 октября	Франко-западногерманская встреча на высшем уровне в Бонне
4—5 ноября	Франко-британская встреча на высшем уровне в Париже
15 ноября	Визит в Москву премьер-министра П. Моруа и министра внешних сношений К. Шейсона
24—26 ноября	Визит Ф. Миттерана в Египет
27—30 ноября	Визит Ф. Миттерана в Индию
	1983
14—18 января	Визит Ф. Миттерана в Того, Бенин, Габон
20 января	Выступление Ф. Миттерана в бундестаге ФРГ
27—29 января	Ф. Миттеран в Марокко выдвигает идею созыва конференции стран Западного Средиземноморья
14—15 февраля	Франко-итальянская встреча на высшем уровне в Париже
16—21 февраля	Визит К. Шейсона в СССР
27 марта	Визит К. Шейсона во Вьетнам
4—8 мая	Визит Ф. Миттерана в Китай
16—17 мая	Франко-западногерманская встреча на высшем уровне в Париже

28—31 мая	Встреча «большой семерки» в Вильямсберге
9—10 июня	Впервые после многолетнего перерыва сессия совета НАТО проходит в Париже
9 августа	Начало французской вооруженной интервенции в Чаде
9—10 сентября	Визит А. А. Громыко в Париж
20—21 октября	Франко-британская встреча на высшем уровне в Лондоне
7—10 ноября	Первый официальный визит президента АНДР во Францию
17—18 ноября	Франко-итальянская встреча в верхах в Венеции
24—25 ноября	Франко-западногерманская встреча в верхах в Бонне
15—17 декабря	Визит Ф. Миттерана в Югославию
	1984
1 января — 31 июля	Председательство Франции в Европейском сообществе
6—7 февраля	Ф. Миттеран в Гааге выдвигает идею «европейского космического сообщества»
7—9 июня	Встреча «большой семерки» в Лондоне
12 июня	Франция вносит на женевской Конференции по разоружению предложения об ограничении военного использования космоса
20—23 июня	Официальный визит Ф. Миттерана в СССР
9—11 июля	Визит Ф. Миттерана в Иорданию
17 сентября	Подписано франко-ливийское соглашение о выводе войск из Чада
15—16 октября	Визит во Францию Генерального секретаря Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадара
26—28 ноября	Визит Ф. Миттерана в Сирию
5—8 декабря	Визит во Францию премьер-министра Израиля Ш. Переса
	1985
22 февраля	Визит во Францию главы итальянского правительства Б. Кракси
28 февраля	Франко-западногерманская встреча на высшем уровне в Париже

11 марта	Визит в СССР министра внешних сношений Р. Дюма
13 марта	Встреча Ф. Миттерана с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в Москве
17 апреля	Франция выступает с инициативой технологической программы «Эврика»
2—4 мая	Встреча «большой семерки» в Бонне
6—10 июня	Визит премьер-министра Индии Р. Ганди во Францию
8—10 июля	Визит во Францию короля Испании Хуана Карлоса
13—16 июля	Визит во Францию премьер-министра Японии Я. Накасоне
2—5 октября	Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Францию.
14—20 октября	Визит Ф. Миттерана в Бразилию и Колумбию
2—3 декабря	Европейский совет принимает в Люксембурге решение о пересмотре Римского договора и о дополнении его соглашением, регулирующим политическое сотрудничество стран — членов Сообщества
4 декабря	Встреча Ф. Миттерана с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским в Париже

1986

16 января	Ф. Миттеран и Г. Коль инспектируют французские войска в Баден-Бадене
17 и 28 февраля	Подписание «Единого европейского акта» двенадцатью членами Европейского сообщества
27—28 февраля	На франко-западногерманской встрече в верхах в Париже достигнуты новые договоренности об укреплении двустороннего военно-политического сотрудничества
16 марта	Парламентские выборы во Франции. Социалисты утрачивают большинство в Национальном собрании.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Энгельс Ф. Конституционный вопрос в Германии. — **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 4.

Маркс К. Англо-французское посредничество в Италии. — **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 5.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 8.

Маркс К. Радикальная точка зрения на мир. — **Маркс К., Эигельс Ф.** Соч., т. 13.

Маркс К. Гражданская война в Северной Америке. — **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 15.

Маркс К. Гражданская война во Франции. — **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 17.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. — **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 22.

Энгельс Ф. Может ли Европа разоружиться? — **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 22.

Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Памяти Коммуны. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Вопрос о мире. — Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Социализм и война. — Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. — Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Страшное и чудовищное. — Полн. собр. соч., т. 35.

Ленин В. И. Американским рабочим. — Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. Ответ корреспонденту американского информационного агентства «Юниверсал Сервис». — Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. Проект директивы ЦК РКП (б) для советской делегации на Генуэзской конференции. — Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. Проект постановления ЦК РКП (б) о задачах советской делегации в Генуе. — Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» М. Фарбману. — Полн. собр. соч., т. 45.

* *
*

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 23 апреля 1985 г. М., 1985.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 15 октября 1985 г. М., 1985.

Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983.
Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985.
Об итогах советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве и международной обстановке. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС депутата М. С. Горбачева на сессии Верховного Совета СССР 27 ноября 1985 года. — Правда, 1985, 28 нояб.
Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 15 января 1986 года. М., 1986.
Ответы М. С. Горбачева на вопросы газеты «Юманите» 4 февраля 1986 г. М., 1986.
Громыко А. А. Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. М., 1984.
Выступление Шеварднадзе Э. А. на встрече представителей 35 стран, посвященной 10-летию Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 30 июля—1 августа 1985 года. Правда, 1985, 31 июля.
Шеварднадзе Э. А. Во имя прочного мира на Земле и в космосе. Выступления на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и на торжественном заседании Совета Безопасности ООН. Сентябрь—октябрь 1985 года. М., 1985.

* *
*

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборники документов за 1981—1984 гг. М., 1982—1985.
Советская программа мира для 80-х годов в действии. Материалы и документы. М., 1982.
Совещание Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора. Прага, 4—5 января 1983 г. Документы и материалы. М., 1983.
Встреча высших партийных и государственных деятелей стран-участниц Варшавского Договора. Варшава, 26 апреля 1985 года. Документы и материалы. М., 1985.
Совещание Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора. София, 22—23 октября 1985 года. Документы и материалы, М., 1985.
Советско-американская встреча на высшем уровне. Женева, 19—21 ноября 1985 года. Документы и материалы. М., 1985.
Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов. М., 1977.
Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину и его реализация. 1971—1977 гг. Документы. М., 1977.
Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945, т. 1—2. М., 1983.
Советско-французские отношения. 1965—1976. Документы и материалы. Москва — Париж, 1976.
Визит в Советский Союз Президента Французской Республики Франсуа Миттерана 20—23 июня 1984 г. Документы и материалы. М., 1984.
Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Францию 2—5 октября 1985 г. Документы и материалы. М., 1985.

* *
*

Арсеньев Э. А. Франция: проблемы и политика. Очерки о социально-политической жизни. М., 1978.
Арсеньев Э. А. Франция под знаком перемен (очерки о классовой борьбе в современной Франции). М., 1984.
Барановский В. Г. Политические противоречия в «Общем рынке». М., 1983.
Бакланов А. Г., Викторов А. В. Европа и современный мир. М., 1982.
Бронин Я. Г. Политика империалистических держав в районе Средиземного моря. М., 1984.
Верин В. П. Президентские республики в Африке. М., 1963.
Ветров А. В. СССР — Франция: современное экономическое сотрудничество. М., 1983.
Воронцов Г. А., Уткин А. И. Атлантические союзники: новые тенденции в соперничестве. М., 1983.
Воронцова С. Б. США и Франция. Соперничество и партнерство. М., 1983.
Деев А. С. Современная Франция: механизм формирования внешней политики. М., 1985.
История Франции (Под ред. А. З. Манфреда), т. 3, 1973.
Ковалев А. А. Франция на перепутьях мировой политики. М., 1983.
Колосков И. А. Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций. 1958—1972. М., 1974.
Крутоголов М. А. Президент Французской Республики. Правовое положение. М., 1980.
Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1972.
Наринский М. М. Борьба классов и партий во Франции, 1944 — 1958. М., 1983.
Новиков Г. Н. Голлизм после де Голля. Идейная и социально-политическая эволюция. 1969 — 1981 гг. М., 1984.
Петровский В. Ф. Разоружение: концепции, проблемы, механизм. М., 1982.
Поляничко М. Ю. Участие Франции в ЕЭС и положение трудящихся страны. М., 1984.
Примаков Е. М. История одного сговора (Ближневосточная политика США в 70-е — начале 80-х годов). М., 1985.
Рахманинов Ю. Н. Проблема европейской безопасности. Исторический опыт ее решения. 1917 — 1977. М., 1979.
Салычев С. С. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921 — 1940 гг. М., 1973.
Салычев С. С. Идеология и политика французской социалистической партии (1944—1964 гг.). М., 1966.
Славенов В. П. Внешняя политика Франции. 1974 — 1981. М., 1981.
Франция. Отв. ред. Г. Г. Дилигенский, В. И. Кузнецов. М., 1982.
Чубарьян А. О., Белоусова З. С. и др. Европа XX века: проблемы мира и безопасности. М., 1985.
Шилов В. С. Политические партии и внешняя политика Франции (1958—1969). М., 1977.
Юданов Ю. И. Западноевропейский капитал в США. М., 1985.

* *
*

Borella Fr. Les partis politiques dans la France d'aujourd'hui Paris, 1977.
Boisberranger J. Domaine et instruments de la politique étrangère de la France. Paris, 1976.

Dandelot M., Froment-Meurice Fr. France. Paris, 1973.
David D. La Force d'action rapide en Europe: le dire des armes. Paris, 1984.
Debray R. La puissance et les rêves. Paris, 1984.
Duhamel A. La République de M. Mitterrand. Paris, 1982.
Duhamel A. La République giscardienne. Paris, 1980.
Fontaine A. Un seul lit pour deux rêves. Histoire de la "détente". Paris, 1981.
Fontaine A. Li. P. Sortir de L'hexagone. Paris, 1984.
Froment-Meurice H. Une puissance nommée Europe. Paris, 1984.
Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vol. I—V. Paris, 1970.
Gaulle Ch. de. Mémoires d'espoir. Paris, 1970.
Giscard d'Estaing V. L'Etat de la France. Paris, 1981.
Gorce P.-M. de la. L'Etat de jungle. Réflexions sur l'histoire de ce temps. Paris, 1982.
Gorce P.-M. de la. La Guerre et l'atome. Paris, 1985.
Grosser A. Les Occidentaux. Paris. 1978.
Grosser A. Affaires extérieures. Paris, 1984.
Haenel H. La défense nationale. Paris, 1982.
Hernu Ch. Nous... les Grands. Lyon, 1980.
Krop P. Les socialistes et l'armée. Paris, 1983.
Manel M. L'Europe sans défense? Paris, 1982.
Martin N. L'Armée parle. Paris, 1983.
Mauroy P. C'est ici le chemin. Paris, 1982.
Mitterrand Fr. Ici et maintenant. Paris, 1980.
Mitterrand Fr. Réflexions sur la politique extérieure de la France. Paris, 1986.
Moulin Ch. Mitterrand intime. Paris, 1982.
Moreau-Défarges Ph. L'Europe et son identité dans le monde. Paris, 1983.
Pigasse J.-P. Le Bouclier de l'Europe. Vers une autonomie militaire de la Communauté Européenne. Paris, 1982.
Rondot Ph. Le Proche—Orient à la recherche de la paix. 1973—1982. Paris, 1982.
Tatu M. La bataille des euromissiles. Paris, 1983.
Thibau J. La France colonisée. Paris, 1980.
Valentin Fr. Une politique de défense pour la France. Paris, 1980.
XXIV Congrès du Parti Communiste Français, 3—8 février 1982. — L'Humanité, 1982, 3—9 févr.
XXV Congrès du Parti Communiste Français, 6—10 février 1985. — L'Humanité, 1985, 6—11 févr.
Parti Communiste Français. Changer de cap. Programme pour un gouvernement démocratique d'union populaire. Paris, 1971.
Programme commun de Gouvernement du Parti Communiste et du Parti socialiste. Paris, 1972.
Parti socialiste. Changer la vie. Programme de Gouvernement du Parti socialiste. Paris, 1972.
Projet socialiste pour la France des Années 80. Paris, 1980.
Les socialistes et le tiers — monde. Eléments pour une politique socialiste des relations et le tiers —monde. Paris, 1977.
Parti socialiste. L'Etat des Français. Paris, 1981.
Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires. Lois et décrets. 1981—1985.
Documentation française. Politique étrangère de la France. Textes et documents. 1981—1985.

Documentation française. La France en mai 1981. Etudes et rapports de la Commission du Bilan. Paris, 1982.
Documentation française. Documents et etudes. Constitution française du 4 octobre 1958. Paris, 1976.
Ministère des relations extérieures. Information et presse. Déclarations. Documents. Bulletin d'information. 1981—1985.
Annuaire diplomatique et consulaire. 1981—1985.
Livre blanc sur la défense nationale, t. 1, Paris. 1972.
NATO Final Communiqués 1949—1974; 1975—1980. Brussels.
L'Union de l'Europe Occidentale. Assemblée. Documents. London, 1981—1984.

МОНОГРАФИЯ

Владимир Петрович
СЛАВЕНОВ

ОЧЕРКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ
(1981—1986 гг.)

Редактор
И. Н. ФОМИЧЕВ

Оформление художника
В. А. СЕРЖАНТОВА

Художественный редактор
В. П. ГРИГОРЬЕВ

Технический редактор
О. В. КУДРЯВЦЕВА

Корректор
Л. А. СУРКОВА

ИБ № 1200

Сдано в набор 28.03.86. Подписано в печать 19.08.86. А03864. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96. Уч.-изд. л. 16,95. Тираж 8 000 экз. Заказ № 1196. Цена 2 р. Изд. № 31-И/85.

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Славенов В. П.

С47 Очерки внешней политики Франции, 1981 — 1986 гг. — М.: Междунар. отношения, 1986. — 304 с.

В книге ярко и доходчиво рассказывается о французской дипломатии в период с мая 1981 по март 1986 г., когда внешняя политика страны определялась и проводилась в жизнь правительством социалистов. Автор дает картину сложных взаимоотношений Франции с США и партнерами по Европейскому сообществу, показывает ее роль в Атлантическом альянсе, эволюцию французской военной доктрины, позицию Парижа по актуальным вопросам разоружения, политику в области западноевропейской интеграции, подход к проблемам и конфликтным ситуациям в «третьем мире». Важное место в книге занимают франко-советские отношения.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современных международных отношений.

С $\frac{0804000000-053}{003(01)-86}$ 13—87 ББК 66.4 (4Фр)

В. П. Слюсарев ОЧЕРКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ